

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2020 **2** (839)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

2

выпуск 839

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

2

Issue 839

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф.
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф.
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф.
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф.
Гомес М. К., проф. лингвистики
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Дудик Н. А., канд. филол. наук
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф.
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф.
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф.
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Краева И. А., канд. филол. наук, проф.
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф.

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф.
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф.
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц.
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф.
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф.
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф.
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф.
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф.
Убин И. И., д-р филол. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я.
доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор)
Библер А.
доктор социологических наук, профессор
Белозеров В. К.
доктор политических наук, профессор
Брега А. В.
доктор политических наук, профессор
Пророкович Д.
доктор политических наук
Ивашов Л. Г.
доктор исторических наук
Кемаль Оглу И.
доктор исторических наук, доцент
Киселёв С. Г.
доктор философских наук, профессор

Колесников А. А.
доктор исторических наук, профессор
Корнеев В. В.
кандидат исторических наук
Лапшов В. А.
доктор социологических наук, профессор
Образцов И. В.
доктор социологических наук, профессор
Плоских В. М.
доктор политических наук, профессор
Примаков В. Л.
доктор социологических наук, профессор
Саблуков А. В.
доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М.
доктор политических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Асеев А. Д., Шишков В. В.</i> Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе	9
<i>Киселев С. Г., Опокин А. Б.</i> Зарубежный опыт борьбы с коррупцией на государственной службе	24
<i>Михайлин И. В.</i> Лоббизм как инструмент «мягкой силы» в решении внешнеполитических задач России	31
<i>Сагалаева С. С.</i> Имидж государства: сущность и подходы к определению	43
<i>Эшмаков А. Я., Тишков С. А.</i> Полицейское миротворчество ООН в Республике Гаити в начале XXI века	55
<i>Синчук Ю. В.</i> Историческое мифотворчество идеалов Запада и США – «захват будущего» через «захват прошлого»	74
<i>Харичкин И. К., Шамаров П. В.</i> Миротворчество как элемент геополитики Российской Федерации и Североатлантического Союза	88

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Горлов В. Н.</i> Институт прописки как инструмент регулирования численности населения Москвы в советский период	102
<i>Касюк А. Я.</i> Пропагандистское оружие Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	116
<i>Клевцевич П. В.</i> Военно-политические аспекты сотрудничества СССР и Югославии в ходе нормализации двусторонних связей (начало 1960-х – 1968 г.)	133

<i>Кострикова Е. Г.</i>	
Санкт-Петербургское телеграфное агентство как информационный ресурс Государственной Думы (1906–1914)	150
<i>Лубков А. В., Новиков М. В.</i>	
Развитие Коминтерном теории революции в ходе Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.	170

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Веремчук В. И., Поплёвкин Н. П.</i>	
Институциональное управление процессом социализации военнослужащих по контракту	182
<i>Карлова Е. Н., Талынёв В. Е.</i>	
Возможности и ограничения использования цифровых технологий военнослужащими в условиях цифровой трансформации общества	189
<i>Примаков В. Л.</i>	
Медиатизация как фактор социальной регуляции и манипуляции	204
<i>Передня Д. Г., Жучков В. В.</i>	
Изменения управленческой культуры в органах внутренних дел России	219
<i>Саблуков А. В.</i>	
Коммуникативная культура студента в контексте требований современного рынка труда	229
<i>Станевич А. Ю.</i>	
Уровень лояльности к власти как составляющая политических настроений	242

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Aseev A. D., Shishkov V. V.</i> Russia in the Wars of Memory: Historical Politics in Eastern Europe	9
<i>Kiselev S. G., Opokin A. B.</i> Foreign Experience in Fighting Corruption in Public Service	24
<i>Mikhailin I. V.</i> Lobbying as «Soft Power» Tool Contributing Solution of Russia Foreign Policy Tasks	31
<i>Sagalaeva S. S.</i> Image of the State: the Content and Approaches to Defining	43
<i>Eshmakov A. Ja., Tishkov S. A.</i> Un Police Peacekeeping in the Republic of Haiti in the Early Twenty-First Century	55
<i>Sinchuk J. V.</i> The Historical Myth-Making of the Ideals of the West and the USA is «Capture of the Future» through «Capture of the Past»	74
<i>Kharichkin I. K., Shamarov P. V.</i> Peacekeeping as an Element of Geopolitics of the Russian Federation and the North Atlantic Union	88

HISTORICAL SCIENCES

<i>Gorlov V. N.</i> Institute of Registration as a Tool for Regulating the Population of Moscow in the Soviet Period	102
<i>Kasyuk A. Y.</i> Propaganda Weapon of the Red Army During the Great Patriotic War 1941–1945	116
<i>Klevtsevich P. V.</i> Military-Political Aspects of Cooperation between the USSR and Yugoslavia in the Course of Normalization of Bilateral Relations (Early 1960–1968)	133

<i>Kostrikova E. G.</i>	
St.-Petersburg Telegraph Agency as an Information Resource of the State Duma (1906–1914)	150
<i>Lubkov A. V., Novikov M. V.</i>	
Development of the Comintern Theory of Socialist Revolution During the Spanish Civil War 1936–1939	170

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Veremchuk V. I., Poplyovkin N. P.</i>	
Institutional Management of the Process of Socialization of Military Personnel Under Contract	182
<i>Karlova E. N., Talynyov V. E.</i>	
Opportunities and Limitations of the Use of Digital Technologies by Military Personnel in the Context of Digital Transformation of Society	189
<i>Primakov V. L.</i>	
Mediatization as a Factor of Social Regulation and Manipulation	204
<i>Perednja D. G., Zhuchkov V. V.</i>	
Changes in Management Culture in Russia's Internal Affairs	219
<i>Sablukov A. V.</i>	
Student's Communication Culture in the Context of Modern Labor Market Requirements	229
<i>Stanevich A. Yu.</i>	
Political Loyalty to Authority as One of the Components of Political Moods	242

УДК 323.1

А. Д. Асеев, В. В. Шишков

Асеев А. Д., кандидат философских наук, профессор;
профессор кафедры государственного управления
и политических технологий Института государственного управления и права
Государственного университета управления;
e-mail: sanmich55@gmail.com

Шишков В. В., кандидат политических наук, доцент;
доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественнонаучных
дисциплин Института права и национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы;
e-mail: fh55@mail.ru

РОССИЯ В «ВОЙНАХ ПАМЯТИ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В статье исследуются проблемы исторической политики и «войн памяти» в Восточной Европе, определяются причины антироссийской направленности политики ряда стран и ее последствия для отношений России с этими странами. Анализ указанной проблематики проведен на широкой методологической основе, включающей теорию нации и национализма, концепцию мягкой силы и актуальные исследования политики памяти. Рассмотрены объективные ограничения национально-государственного развития в Восточной Европе и основные причины «войн памяти». В работе исследуются особенности формирования и проведения исторической политики в Украине и в Беларуси. Представлены выводы и рекомендации, связанные с реализацией российской исторической политики как одной из составляющих отечественной политики «мягкой силы».

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; «войны памяти»; мягкая сила; Россия; Украина; Беларусь; постсоветское пространство.

A. D. Aseev, V. V. Shishkov

Aseev A. D., PhD (Philosophy), Prof.,
Prof. at the Department of Public Administration and Political Technologies of the
Institute of Public Administration and Law of the State University of Management;
e-mail: sanmich55@gmail.com

Shishkov V.V., PhD (Political Science), Assoc. Prof.,
Assoc. Prof. at the Department of Socio-humanitarian, Economic and Natural Sciences
of the Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy
and Public Administration;
e-mail: fh55@mail.ru

RUSSIA IN THE WARS OF MEMORY: HISTORICAL POLITICS IN EASTERN EUROPE

The article examines the problem of historical politics and memory wars in Eastern Europe, the reasons for their anti-Russian orientation and the consequences for Russia's relations with these countries. The analysis of this problem was carried out on a broad methodological basis, including the theory of nation and nationalism, the concept of soft power and current research on memory politics. The features of nation-building in Eastern European countries related to the ethnic nature of nationalism are considered. This circumstance is an objective restriction of national and state development and one of the main causes of memory wars. The paper considers the features of the organization and conduct of historical policy in Ukraine and Belarus. Conclusions and recommendations related to the implementation of the Russian historical policy as one of the components of the domestic soft power policy are presented.

Key words: historical politics; politics of memory; memory wars; soft power; Russia; Ukraine; Belarus; post-Soviet space.

Введение

Политика и история как сферы общественной и интеллектуальной жизни тесно связаны друг с другом. С одной стороны, история позволяет говорить о преемственности политики государственности, ее целях и интересах, ее постоянстве или изменчивости, с другой – политическая повестка определяет внимание к тем или иным важным историческим явлениям, событиям и процессам.

Политические процессы, связанные с распадом империй, крахом авторитарных и тоталитарных идеократий, развитием национальной идентичности и государственности, обусловили возникновение и специфическое выражение такой взаимосвязи политики и истории, как историческая политика, и в этом контексте возникновение особых конфликтов между государствами и нациями – «войн памяти».

Историческая политика или политика памяти представляет собой деятельность политических элит, государственного аппарата по идеологической индоктринации общества «в сфере исторического сознания и коллективной памяти» [Миллер URL]. Историческая политика –

необходимый элемент процесса современного нацистроительства, в котором история и политика вместе призваны определить конфигурацию соответствующей идентичности.

В Восточной Европе, где процессы национально-государственного развития получили новый импульс после распада социалистического лагеря и СССР, главным объектом исторической ревизии стали события XX в., связанные с Российской империей и СССР. Восточно-европейские нации и этносы в процессе политической консолидации, нуждаясь в новой национальной мифологии, предпринимают попытки ее формирования за счет обличения и обвинения России.

Цель данной статьи заключается в исследовании и анализе исторической политики в постсоветских странах Восточной Европы, причин, по которым ведутся «войны памяти», их особенностей и последствий для российской политики.

«Войны памяти» как метод конфронтации с Россией

Россия оказалась втянута в столкновения исторических трактовок – «войны памяти», которые происходят на межгосударственном уровне, нередко инициированы. «Войны памяти» – это особый вызов не только российской политике, но и историческим представлениям, укоренившимся в российском обществе.

Об актуальности рассматриваемой темы свидетельствуют недавние события. Так, 19 сентября 2019 г. Европарламент принял Резолюцию «О важности европейской исторической памяти для будущего Европы», в которой пакт Молотова – Риббентропа определялся в качестве непосредственной причины Второй мировой войны [European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe URL]. Кроме того, в данном документе, в продолжение европейской исторической политики, указывается на необходимость отвержения в общеевропейской культуре памяти преступлений тоталитарных, фашистских режимов. Неоднозначные положения Резолюции вызвали заочный обмен мнениями по вопросу ответственности за начало Второй мировой войны между российскими, польскими и американскими официальными лицами. Положения документа, касающиеся событий 1939 г., негативно оценил Президент Российской Федерации В. В. Путин, указав на существенные отступления от исторических фактов. Одним из результатов такой заочной полемики между официальными лицами по

историческим вопросам стало ухудшение отношений между Россией и Польшей, причем историческая политика последней в контексте отношений с Россией рассматривается на правительственном уровне.

Еще одним примером «войн памяти» в Восточной Европе стала инициатива властей Праги по переносу памятника освободителю маршалу И. С. Коневу с одной из площадей города в музей. В то же время в одном из районов чешской столицы выступили с инициативой установить памятник солдатам дивизии РОА, принявшим участие в боях за Прагу в 1945 г. В ответ российское посольство напомнило о решениях Нюрнбергского трибунала, согласно которым РОА является коллаборационистским вооруженным формированием, созданным нацистами.

Приведенные факты не способствуют укреплению политических позиций России и нормализации отношений с восточноевропейскими государствами – членами ЕС. Еще большее значение для российской политики имеют исторические конфликты в бывших советских республиках, среди которых антироссийской исторической риторикой и деятельностью выделяется Украина.

Таким образом, вопросы, связанные с политикой памяти, имеют для России и ее политики актуальное значение, в немалой степени влияя на взаимоотношения с соседними государствами. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что дискуссионность целого ряда моментов недавнего прошлого отечественной истории влияет и на внутривнутриполитические процессы.

Настоящее исследование исходит из того, что основным содержанием политических процессов в восточноевропейских государствах постсоветского пространства, в том числе в странах бывшего социалистического лагеря, стало построение национальных государств. Исходя из этого, методологической основой данного исследования выступает теория нации и национализма, ее постмарксистское и конструктивистское направления, которые представляют наиболее развернутые и аргументированные модели формирования и развития нации.

Среди суждений целого ряда исследователей данного направления необходимо обратить внимание на умозаключения Мирослава Хроха, который проанализировал процесс становления нации [Hroch 1985; От национальных движений к сформировавшейся нации 2002]. С точки зрения ученого, первым условием образования нации выступает представление об общем прошлом, которое понимается как «судьба». Данный вывод показывает закономерность обращения постсоветских

обществ Восточной Европы к истории, актуальности политики памяти. Ведь речь идет о новом этапе конструирования национальных идентичностей.

М. Хрох также указывает на прерываемость и возобновляемость процесса национального строительства. Становление нации связано с национальным движением – организованной деятельностью по обретению всех необходимых нации атрибутов. Исследователь выделяет три основные цели, которые преследует национальное движение. Во-первых, развитая национальная культура, преобладание языка нации в экономике, управлении и образовании. Далее – гражданские права, самоуправление, автономия и, как итог, политическая независимость нации. Третья группа целей связана с выстраиванием социальной структуры нации, ее элиты, управленческого, предпринимательского, рабочего и иных слоев. В связи с этим нельзя не отметить остроту языкового вопроса, в частности в современной Украине. Также следует иметь в виду, что историческая политика в Восточной Европе может рассматриваться как продолжение политики, направленной на национальную консолидацию и придание смысла новой государственности.

Исследователем выделяются три фазы нациестроительства, процесса, который, по его мнению, неразрывно связан с национальным самосознанием. Эти фазы охватывают активность в рамках национального движения от культурного и языкового обособления до формирования политической и социальной структуры нации. Здесь существенным представляется то, что чем более ранней является фаза развития нации, тем более актуален для развития национального самосознания общий исторический нарратив, актуализируемый в современных реалиях в рамках политики памяти.

Вопросы современного национального развития в Восточной Европе отдельно оговариваются исследователем. По его мнению, перед национальными движениями стоят те же цели, что и сто лет назад. По большому счету восточноевропейские общества, несмотря на наличие национальной государственности, находятся только в середине пути национального развития. Вновь актуальны языковые и культурные вопросы. Снова востребована политика, обеспечивающая национальные интересы и развитие национальной социальной структуры. Нация пытается персонифицироваться через осознание своего прошлого.

Существенными для понимания политических процессов в Восточной Европе представляются выводы Эрика Хобсбаума, касающиеся различия гражданского и этнического национализмов [Хобсбаум 1998; Хобсбаум 2002]. С позиции исследователя, этноисторическая основа каждой нации – это своего рода условность, связанная с необходимостью гражданского уравнивания социальных статусов в соответствии с либеральными идеями в пределах той или иной общности. Состоятельность нации определяется критериями, составляющими «принцип порога». Этими критериями выступают: историчность связи народа с государством, наличие культурной элиты и способность к завоеваниям.

Э. Хобсбаум противопоставляет национализм, имеющий действительное политическое выражение, и «принцип этнической принадлежности», социальный по своей сути. Развитие обществ Восточной Европы привело к тому, что «принцип этничности» получил политическое содержание¹. Этнический национализм имеет в своей основе антиимперский этнический сепаратизм, усугубленный социальной дезориентацией, основы которой в определенной степени были заложены в советский период.

Необходимо отметить, что специфика формирования нации и национализма в Восточной Европе состоит не только и не сколько в их «запоздалом», нередко «отложенном» развитии. В современной трактовке характерная политизация этничности определяется как продолжение и развитие эксклюзивности; ее содержание – отход от общественной идентичности к узкогрупповой.

Против различия этнического и гражданского национализма выступает Роджерс Брубейкер, занимающий инструменталистские позиции в современном конструктивизме. Так, исследователь обращает внимание на политизированность самого различия гражданского и этнического национализма, указывая при этом на аналитическую размытость данных категорий, не позволяющую рассматривать их как взаимоисключающие. При этом большее значение имеют критерии включения и исключения членов нации. Р. Брубейкер также подчеркивает специфику наций и национализма Восточной Европы,

¹ Ханс Кон – один из основоположников различия гражданского и этнического национализма, противопоставлял гражданский национализм Запада и этнический Восточной Европы как следствие неравномерности социально-политического развития в Новое время [Кон 2001].

где «этничность национализуется, тогда как национальность и национальное существование этнизируются» [Брубейкер 2012, с. 270].

В Восточной Европе наблюдаются процессы не только конструирования нации, но и этничности. В таких государствах, как Украина и Беларусь, формирование нации имеет выраженный инструменталистский характер, когда стимулирование этнического национализма используется внешними и внутренними политическими силами для продвижения своих интересов.

Принцип этнической принадлежности, господствующий в Восточной Европе, выражает фундаментальное ограничение национально-государственного развития ряда постсоветских стран. Политика памяти представляет собой попытку политико-исторического обоснования этногрупповой идентичности при отсутствии объективных предпосылок национально-государственной состоятельности. В этом можно видеть предпосылки радикализма современной исторической политики.

Методология настоящего исследования связана и с анализом исторической политики в контексте концепции мягкой силы, предложенной американским политическим исследователем Д. Наем для обозначения политики формирования привлекательного образа США как государства-гегемона при помощи невоенных инструментов. Причем важное место среди последних занимают социально-гуманитарные ресурсы. В дискуссии по содержанию понятия «мягкая сила» представляется возможным выделить работы зарубежных исследователей: Дж. Галларотти, С. Льюкса, Д. Б. Меттерна, А. Вивинга, Л. Роселя. В отечественной политической науке «мягкая сила» и вопросы ее применения в российской политике изучались видными учеными разных направлений, такими как М. М. Лебедевой, Д. Б. Казариновой, О. Г. Леоновой, Ю. А. Никитиной, М. В. Харкевичем и другими учеными. Специфику политики памяти в России и в странах Восточной Европы исследовали А. И. Миллер, Д. В. Ефременко, О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина и др. В данных работах политика памяти представлена в качестве содержания государственной деятельности по политизации истории.

Историческая ревизия в государственной политике

Итак, Россия вынуждена вести свою политику и выстраивать отношения с государствами Восточной Европы в условиях, когда основным содержанием их внутривнутриполитических процессов является

развитие государственности на этнической основе. В этих условиях историческая политика выступает составляющей этнонационалистического дискурса, существенную часть которого составляет русофобия. Показательные образцы такой политики демонстрируют наиболее близкие в культурно-историческом отношении к России страны – Украина и Беларусь.

В Украине развитие исторической политики сопутствовало становлению украинской государственности. По мере радикализации политических процессов всё более частым явлением становились конфликты по поводу исторических событий, так называемые «войны памяти». Основным содержанием исторической политики и «войн памяти» стало стремление украинского государства и этно-радикальных кругов украинской общественности отмежеваться от России, общей русской истории и культуры.

Историческая ревизия затронула всю русскую историю от раннего Средневековья до современности. Ожидаемо, что наибольшее внимание было уделено XX в., наиболее актуальному периоду, когда уже существовала украинская государственность и была признана украинская этнонациональная идентичность.

Так, в период после «оранжевой революции» одним из главных сюжетов войн памяти стал голодомор начала 1930-х гг., трактуемый как сознательная политика советского государства по уничтожению украинского народа. Нельзя не отметить тот факт, что переписывание школьных учебников по истории началось незадолго до указанных политических событий. В свою очередь, основы новой украинской истории закладывались, начиная с позднесоветского времени. Уже в 1990-е гг. в процесс исторической ревизии были вовлечены органы государственной власти, местного самоуправления, учебные, научные учреждения и негосударственные организации [Касьянов 2019; Чураков 2018]. Данные факты позволяют говорить о том, что такая историческая политика свойственна украинской государственности. Более того, ее следует рассматривать в качестве предпосылки нарастающего отчуждения Украины от России.

Сюжеты формируемого исторического нарратива Украины связаны с подавлением украинской «нации» в Российской империи, которая уже тогда препятствовала «европейскому выбору украинского народа» и его национально-государственному развитию. Особое внимание уделяется фигурам Ивана Франко и Тараса Шевченко,

мифологизированным еще в советское время. Радикально переоцениваются события советской истории: образование УССР, межвоенный период, Великая Отечественная война.

Серьезные изменения в исторической политике Украины происходили с 2014 г. Тогда создается «Украинский институт национальной памяти» – орган исполнительной власти, в задачи которого входит реализация государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти украинского народа [Положення про Український інститут національної пам'яті URL]. Отметим, что аналогичное учреждение есть в Польше. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что целью деятельности украинского Института является интеграция в украинское общество национальных меньшинств и коренных народов, к которым относится и русское население.

В 2015 г., с принятием законов о декоммунизации, разработанных при участии этого Института, историческая политика Украины приобрела законодательную основу. В этот же период более широкое распространение получает героизация лидеров УПА – Степана Бандеры и Романа Шухевича. Украинская история получает всё более оформленный националистический вид. XX век представляется периодом обретения национально-государственной независимости от Украинской революции 1917–1921 гг. до 1991 г.

Особое место занимает новая мифология, связанная со Второй мировой войной. Из украинской истории уже исключается понятие Великой Отечественной войны. На смену приходят представления об антикоммунистическом и антинацистском украинском освободительном движении. В таком контексте следует рассматривать провокационное заявление Президента Украины В. Зеленского о вине СССР в начале Второй мировой войны, сделанное во время визита в Польшу 28 января 2020 г.

Украинская историческая политика стала одним из значимых факторов принятия значительной частью населения политической программы Евромайдана 2014 г. Участие России в «войнах памяти» в Украине привело к ограниченному результату. Историческая политика России, во многом связанная с апологией СССР, так и не стала эффективной составляющей «мягкой силы», способной представить более привлекательный образ будущего, чем «европейский выбор». Своего рода промежуточным итогом неудач российской политики стала реформа образования в Украине, существенно ограничивающая обучение на русском и других национальных языках.

Перейдем к рассмотрению исторической политики в другой восточноевропейской стране – Беларуси.

Следует отметить, что отношения Москвы и Минска отличается наибольшая степень политической и экономической интеграции. Беларусь входит в ЕАЭС и ОДКБ. Кроме того, более 20 лет действует Договор о создании Союзного с Россией государства.

До недавнего времени развитие национальной идентичности и вместе с тем ревизионистская историческая политика не были характерны для этой постсоветской республики. При этом русский язык признан в качестве государственного и доля обучающихся на русском языке сохраняется стабильно высокой. Тем не менее уже в конце 2000-х гг. стала заметна тенденция смены идентичности «перехода в беларусы» жителей республики, ранее идентифицирующих себя как русские [Буховец, Був 2018, с. 76].

Российские эксперты говорят о том, что с середины 2010-гг. в Беларуси идет процесс «ползучей» или «мягкой» беларусизации [Баранчик URL; Тимаров 2014]. Примерами могут служить смена написания топонимики в городах, распространение этнонациональной символики, поддержка общественных организаций, выступающих за распространение белорусского языка и белорусской идентичности.

Тенденции, связанные с политикой идентичности, более наглядны при анализе исторической политики. Не является исключением здесь и Беларусь. Одной из первых мишеней исторической политики стала Отечественная война 1812 г. с Наполеоном. В связи с «противоречивым характером войны» теперь в белорусской исторической науке она именуется «Войной 1812 года» [Лукашевич, Яцкевич 2011]. Главное внимание в исторической науке уделяется значению войны для Беларуси. При этом в равной степени рассматривается ущерб, нанесенный белорусским землям наполеоновскими войсками и русской армией.

Данный пример – не единичный случай проявления исторической политики. По крайней мере, с 2013 г. учебная литература по истории содержит специфическую этноцентристскую интерпретацию истории Беларуси от средневековья до событий XX в. включительно и выражает «мягкую» национализацию истории. Еще более наглядна данная тенденция в научной и публицистической исторической литературе. Характерно, что при этом сохраняются взгляды, присущие советской исторической науке, в частности в отношении польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. [Баранов 2018]. Всё это позволяет говорить о том, что историческая политика находит всё большее проявление

в республике. Причем ее направленность становится всё более националистической.

Показательно в этой связи заявление, сделанное А. Г. Лукашенко в интервью казахстанскому телеканалу «Хабар» в октябре 2019 г. Президент указал на то, что Беларусь и Казахстан всегда были под чьей-то плеткой и вынуждены были участвовать в чужих войнах, в том числе в Великой Отечественной войне [Эксклюзивное интервью Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко телеканалу «Хабар» 2019].

Национализации истории, с одной стороны, сопутствует возросшая активность России по интеграции в рамках Союзного государства, а с другой стороны, интенсификация контактов белорусского руководства с США. Так, в 2018 и 2019 гг. в Минск приезжали чиновники из Вашингтона У. Митчелл, Дж. Кент, Д. Хэйл, советник Президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, в начале 2020 г. – государственный секретарь М. Помпео. Здесь необходимо указать на то, что в постсоветских восточноевропейских странах внутренняя политика, направленная на утверждение этнонациональной идентичности, взаимосвязана с внешнеполитической ориентацией на США, ЕС и ведущие европейские государства. Поэтому данные контакты в условиях набирающей силу политики идентичности и памяти ставят под сомнение безусловность пророссийской ориентации Беларуси.

Политика памяти в Беларуси пока не находит отклика у широких слоев населения. Тем не менее ее реализация достаточно последовательна и без соответствующей реакции со стороны российского государства и общества может негативно сказаться на интеграции двух стран. Иными словами, анализ исторической политики в Беларуси показывает, что в этой постсоветской республике наблюдаются отдельные процессы, которые имели место ранее на Украине.

Прежде чем подвести итоги настоящего исследования, необходимо сказать об истоках исторической политики в Восточной Европе. При том что процессам нацистроительства сопутствует националистическая мифология, в рассмотренных случаях политика памяти имеет выраженную антироссийскую направленность. Сложно связать данное обстоятельство исключительно с негативной реакцией на советское прошлое, поскольку не всем постсоветским странам присуща такая историческая память. Не следует забывать и о том, что для Украины и Беларуси советский период был временем первого

этапа национально-государственного строительства, причем дополнительно стимулируемым советским правительством.

Советской политике развития национальных идентичностей сопутствовала и историческая политика, направленная против великорусского шовинизма, основателем которой был М.Н.Покровский. Закономерным представляется то, что историческая политика постсоветских республик, наряду с негативным отношением к СССР, унаследовала постулаты школы Покровского, направленные на дискредитацию истории России. Рецепция их в формируемой национальной мифологии приобретает характер догм, которые и есть главное оружие, используемое в «войнах памяти». В связи с этим важно обращение к истории отечественной государственности, на всей своей протяженности показывающей безосновательность таких положений.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что политика памяти находится в тесной связи с политикой конструирования национальных идентичностей в Восточной Европе. «Войны памяти», направленные против общей с Россией истории, преследуют политические цели: с одной стороны, обеспечить развитие национальных идентичностей, с другой – придать им антироссийскую направленность и ограничить политическое влияние России как определяющее в регионе. В проведение такой исторической политики вовлечены органы государственной власти, общественные организации, создаются специализированные институты и организации, ей сопутствует возрастающее влияние США и ЕС.

Следует отметить, что у России отсутствуют специальные институты политики памяти, за исключением Россотрудничества, что существенно ограничивает потенциал реализации «мягкой силы». При этом серьезным успехом является регулярное проведение акции «Бессмертный полк», которая частично проводится на территории Беларуси и Украины. Представляется, что одним из направлений исторической политики России может стать расширение деятельности общественных организаций.

В заключение необходимо сказать о совершенствовании научной исторической и политической методологии отечественной политики памяти с учетом объективной ограниченности процессов национального строительства в восточноевропейских постсоветских странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. В.* Проявления исторической политики в современной Беларуси // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 2 (22). С. 86–90.
- Баранчик Ю.* Как в Беларуси идет ползучая националистическая белорусизация. URL: regnum.ru/news/2223991.html (дата обращения: 03.02.2020).
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М. : Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
- Буховец О. Г., Був А. Л.* Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3. С. 71–82.
- Дуда созвал совещание с правительством по вопросам отношений с Россией. РИА Новости 07.01.2020. URL: ria.ru/20200107/1563167830.html (дата обращения: 11.02.2020).
- Касьянов Г. В.* Украина и соседи. Историческая политика. 1987–2018. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 625 с.
- Кон Х.* Идея национализма // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 419–450.
- Лукашевич А. М., Яцкевич Д. Л.* Предисловие // Беларусь и Война 1812 года: сб. документов / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич. Минск : Беларусь, 2011. 559 с. Национальный исторический архив Беларуси. URL: niab.by/newsite/ru/content/all/ (дата обращения 29.01.2020).
- Миллер А. И.* Россия: власть и история. URL: polit.ru/article/2009/11/25/miller/ (дата обращения: 14.12.2019).
- От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М., 2002. С. 121–145.
- Положення про Український інститут національної пам'яті. URL: www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoipamyati (дата обращения: 04.02.2020).
- Тимаров А.* Белорусизация: миф или реальность? 2014. URL: www.dw.com/ru/белорусизация-миф-или-реальность/a-17791982 (дата обращения: 10.02.2020).
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
- Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе : сб. статей. Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 332–346.
- Чураков Д. О.* «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К. А. Пахалюка. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 421–431.
- Эксклюзивное интервью Президента Республики Беларусь А. Лукашенко телеканалу «Хабар» 23.10.2019. URL: khabar.kz/ru/aktualno/

- item/116611-eksklyuzivnoe-intervyu-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-telekanalu-khabar (дата обращения: 12.01.2020).
- European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 11.02.2020).
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. 220 p.

REFERENCES

- Baranov A. V.* Projavlenija istoricheskoj politiki v sovremennoj Belarusi // Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. 2018. № 2 (22). S. 86–90.
- Baranchik Ju.* Kak v Belarusi idet polzuchaja nacionalisticheskaja belorusizacija. URL: regnum.ru/news/2223991.html (дата обрashhenija: 03.02.2020).
- Brubejker R.* Jetnichnost' bez grupp. M. : Vysshaja shkola jekonomiki, 2012. 408 s.
- Buhovec O. G., Buev A. L.* Gosudarstvennyj bilingvizm. Polozhenie russkikh i russkojazychie v Respublike Belarus' // Sovremennaja Evropa. 2018. № 3. S. 71–82.
- Duda sozval soveshhanie s pravitel'stvom po voprosam otnoshenij s Rossiej. RIA Novosti 07.01.2020. URL: ria.ru/20200107/1563167830.html (дата обрashhenija: 11.02.2020).
- Kas'janov G. V.* Ukraina i sosedi. Istoricheskaja politika. 1987–2018. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 625 s.
- Kon H.* Ideja nacionalizma // Ab Imperio. 2001. № 3. S. 419–450.
- Lukashevich A. M., Jackevich D. L.* Predislovie // Belarus' i Vojna 1812 goda: sb. dokumentov / sost. A. M. Lukashevich, D. L. Jackevich. Minsk : Belarus', 2011. 559 s. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. URL: niab.by/newsite/ru/content/all/ (дата обрashhenija 29.01.2020).
- Miller A. I.* Rossija: vlast' i istorija. URL: polit.ru/article/2009/11/25/miller/ (дата обрashhenija: 14.12.2019).
- Ot nacional'nyh dvizhenij k sformirovavshejsja nacii // Nacii i nacionalizm / B. Anderson, O. Baujer, M. Hroh [i dr.]. M., 2002. S. 121–145.
- Polozhennja pro Ukraïns'kij institut nacional'noj pam'jati. URL: www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoi-pamyati (дата обрashhenija: 04.02.2020).
- Timarov A.* Belorusizacija: mif ili real'nost'? 2014. URL: www.dw.com/ru/belopyczacujaja-muf-ulu-peal/#nocm#/a-17791982 (дата обрashhenija: 10.02.2020).
- Hobsbaum Je.* Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. SPb. : Aletejja, 1998. 306 c.

- Hobsbaum Je.* Princip jetniceskoj prinadlezhnosti i nacionalizm v sovremennoj Evrope : sb. statej. Nacii i nacionalizm. M. : Praxis, 2002. С. 332–346.
- Churakov D. O.* «Vojny pamjati» i lokal'nye konflikty sovremennosti // Prepodavanje voennoj istorii v Rossii i za rubezhom: sb. st. / pod red. K. A. Pahaljuka. SPb. : Nestor-Istorija, 2018. S. 421–431.
- Jekskljuzivnoe interv'ju Prezidenta Respubliki Belarus' A. Lukashenko telekanalu «Habar» 23.10.2019. URL: khabar.kz/ru/aktualno/item/116611-eksklyuzivnoe-intervyu-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-telekanalu-khabar (data obrashhenija: 12.01.2020).
- European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (data obrashhenija: 11.02.2020).
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. 220 p.

УДК 327

С. Г. Киселев, А. Б. Опокин

Киселев С. Г., доктор философских наук;
профессор кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической
деятельности России РАНХиГС при Президенте Российской Федерации;
e-mail: ksg56@mail.ru

Опокин А. Б., старший преподаватель Государственного университета управления;
e-mail: alopokin@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В статье исследуется зарубежный опыт борьбы с коррупционными проявлениями на государственной службе, прежде всего, опыт государств с наименьшими показателями коррупции – Дании, Финляндии, Сингапура, Новой Зеландии, Швеции и др. Авторы исходят из позиции, что антикоррупционная борьба – действенный инструмент повышения эффективности государственной службы. Рассматриваются иностранные подходы, программы и инструментарий борьбы с коррупцией в среде государственных служащих. Обращается внимание на целесообразность использования зарубежных методик в процессе противодействия коррупции в российской государственной службе.

Ключевые слова: государственная служба; госслужащий; коррупция; противодействие коррупции; зарубежный опыт.

S. G. Kiselev, A. B. Opokin

Kiselev S.G., Doctor of Philosophy (Dr. habil), Prof., Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); Moscow State Linguistic University;
Prof. at the Department of international security and foreign policy of Russia Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA);
e-mail: ksg56@mail.ru

Opokin A. B., Senior Lecturer of State University of Management;
e-mail: alopokin@yandex.ru

FOREIGN EXPERIENCE IN FIGHTING CORRUPTION IN PUBLIC SERVICE

The article examines the foreign experience of fighting corruption in the public service, first of all, the experience of the states with the lowest indicators

of corruption – Denmark, Finland, Singapore, New Zealand, Sweden, and others. The authors proceed from the position that the fight against corruption in the public service is an important and complex direction of improving the quality of public service, fulfilling the duties assigned to them by society and the state. Foreign approaches, programs and tools for fighting corruption among civil servants are considered. Attention is drawn to the expediency of using foreign methods in the process of combating corruption in the Russian public service.

Key words: public service; public servant; corruption; corruption prevention.

Введение

Актуальность исследования данного вопроса обусловливается некоторыми весьма значимыми обстоятельствами.

Во-первых, коррупция – крайне негативное социальное явление, язва, разъедающая государство, народ, общество в целом, и препятствующая его развитию.

Во-вторых, в ряде стран накоплен значительный опыт противодействия коррупционным проявлениям, использование которого способно принести очевидную пользу российскому обществу и государству. Согласно Индексу восприятия коррупции за 2019 г. Российская Федерация занимает в нем невысокое 137-е место.

Цель исследования – изучить зарубежный опыт борьбы с коррупцией на предмет целесообразности его использования в процессе противодействия коррупционным проявлениям в российской государственной службе.

Задачи исследования:

- краткий анализ опыта борьбы с коррупционными проявлениями на государственной службе в других государствах;
- исследование процесса антикоррупционной деятельности в государствах с наименьшими показателями коррупции – Дании, Финляндии, Сингапуре, Новой Зеландии, Швеции и др.
- выявление позитивных зарубежных подходов, программ, методик, эффективно использованных в процессе противодействия коррупции, которые целесообразно использовать в российской государственной службе.

Методология исследования основана на комплексном методе исследования, позволяющем охватить основные стороны антикоррупционной деятельности. Системно-функциональный метод способствовал выявлению характерных особенностей функционирования государственной службы в свете противодействия коррупции.

Сравнительный анализ обеспечил исследование аналогичных параметров в разных странах; осуществить их сопоставление и оценку.

Противодействие коррупционным проявлениям на государственной службе в странах с невысоким уровнем коррупции

Борьба с коррупцией актуальна и характерна не только для российской жизни, но и для других государств. Данная проблема приобрела практически глобальный характер [Литвяк, Нескородова 2013, с. 147–148]. Это обстоятельство вынуждает разрабатывать программы, способы и методы борьбы с коррупцией среди государственных служащих.

Рассмотрим опыт стран с невысоким показателем коррупции и выделим примечательные подходы, методики и инструменты.

Дания. Лидером *Индекса восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI)* за 2019 г., составляемого ежегодно (с 1995 г.) международной неправительственной организацией *Transparency International*, является Дания. Антикоррупционная законодательная база страны весьма развита и постоянно совершенствуется, причем, как правило, в сторону ужесточения ответственности, в том числе уголовной. К примеру, только за последние годы сроки уголовного наказания за коррупционные проявления на государственной службе увеличились с трех до шести лет лишения свободы.

Антикоррупционной борьбе в значительной степени способствует высокий уровень самосознания и ответственности датчан, успешно формируемый государством, в том числе при помощи СМИ на принципах гласности и открытости. Эффективно действует Кодекс чести чиновников. Специальные контрольно-надзирающие органы обеспечивают прозрачность движения финансов (в том числе доходов и расходов чиновников) и публичность (при помощи средств массовой коммуникации). В то же время государственные служащие обеспечены высоким уровнем государственной социальной защиты (бесплатные услуги медицины и образования, высокие зарплаты и госпенсии, различные социальные гарантии).

Новая Зеландия. Вторую позицию в рейтинге *Transparency International* на данный момент занимает Новая Зеландия (как и Дания, набрала 87 баллов). В стране создано несколько государственных органов по противодействию коррупции, основные из которых – Управление по борьбе с серьезными мошенничествами (*The Serious*

Fraud Office, SFO), в ведении которого – выявление и борьба с крупными коррупционными проявлениями, причиняющими наиболее серьезный вред государству и обществу. SFO имеет весьма широкие возможности (например, полномочия руководителя службы выше, чем у директора новозеландской полиции). SFO самостоятельно открывает расследование дел в случае антикоррупционных проявлений, публикует результаты в СМИ. В стране удалось создать эффективно действующую систему требований к чиновникам и мониторинга их деятельности. Одно из объяснений данному феномену – прозрачность, открытость и публичность антикоррупционной борьбы.

Интересным антикоррупционным инструментом представляется курируемая Министерством юстиции программа «Скажи нет взяточничеству и коррупции!», вовлекаемая в эту сферу всех жителей страны. Каждому жителю созданы условия участия в антикоррупционной борьбе: каждому доводятся рекомендации и инструкции, что делать в случаях обнаружения антикоррупционных проявлений; каждый может обратиться с соответствующим заявлением, причем в электронном виде, как на сайт SFO, так и на сайт полиции; каждому обеспечивается анонимность [Bribery and corruption URL].

Финляндия. Финляндия имеет весьма низкий уровень коррупции на госслужбе (3-е место в *Индексе восприятия коррупции* за 2019 г.). Коррупция в Финляндии рассматривается как опасное деяние, уголовно наказуемое. Роль инструмента гражданского контроля играют СМИ. Госконтроль осуществляют правоохранительные органы и органы судебные. Большое внимание обращается на этические нормы и воспитание. Наконец, формируются условия, неблагоприятствующие возникновению коррупции, а также условия, позволяющие успешно бороться с ней.

Сингапур. Далее в рейтинге – Сингапур, являющийся страной с очень низким уровнем коррупции. Сингапур выделяется своей антикоррупционной стратегией, которая характеризуется последовательностью действий и строгостью наказаний, вплоть до смертной казни. 50 с небольшим лет назад, в Сингапуре, в момент образования страны в 1965 г., был очень высокий уровень коррупции. Но ее удалось снизить за счет жестких методов. Было принято весьма строгое законодательство. Образован орган государственной власти с почти неограниченными полномочиями под названием «Бюро по расследованию коррупции». Деятельность государственных служащих строжайше контролируется (проверяются их финансы, счета и т. п.), но вместе с тем хорошо оплачивается.

Швеция. В этом государстве с низким уровне коррупции установлены этические стандарты (довольно высокие) для госслужащих. И государство добилось их выполнения. Честность – социальная норма среди шведских госслужащих. Государство обращает пристальное внимание на социально-экономических меры. Зарплаты госслужащих достойные. Небезынтересно, что не так давно высокопоставленные госслужащие получали больше рабочих в 12–15 раз, а теперь разница лишь двукратная, но случаев коррупции при этом почти нет [Литвяк, Нескородова 2013, с. 148–149].

Нидерланды – государство с весьма низким уровнем коррупции, где функционирует заслуживающая внимания комплексная система, включающая вовлеченность в антикоррупционную деятельность всех органов государственной власти, элементы гражданского общества, средства массовой коммуникации, прозрачность, открытость, различные отчеты, например, ежегодный доклад министра внутренних дел о фактах коррупции. Государственные служащие, допустившие коррупционные правонарушения, лишаются всех льгот, включая пенсионные.

Германия. В Германии детально регламентированы негативные последствия ненадлежащего выполнения госслужащим его служебных обязанностей. В целом к госслужащему в Германии предъявляются довольно высокие требования; вместе с тем обеспечивается достойный уровень жизни, стабильность места службы, карьерный рост.

США. В США обязанностью госслужащего является информирование соответствующих органов о случаях злоупотреблений и коррупции. Госслужащие могут получать иной доход за услуги и работу, не входящую в его служебные обязанности, кроме госслужащих, назначаемых Президентом США.

Госслужащие в США обязаны представлять информацию о своих финансах и имуществе (полный заработок, гонорары, доходы от движимого и недвижимого имущества, проценты по вкладам, дивиденды, финансовые доходы от неправительственных организаций; подарки, полученные от каких-либо лиц или организаций, в том числе в качестве питания, угощения в ресторанах, оплаты транспорта, проживания в гостиницах, договоренности с организациями о возможной работе; список всех компаний и организаций, в том числе некоммерческих, с которыми госслужащий сам или через супругу или через несовершеннолетних детей имеет отношения и сохраняющийся финансовый интерес, список кредиторов, наличие недвижимости).

С целью проверки этих сведений создаются специальные комиссии, которые могут проводить расследование, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. А госслужащие высоких должностей обязаны проходить процедуру проверки на полиграфе [Литвяк, Нескородова 2013, с. 148–149].

Китай. Обратим также внимание на антикоррупционную борьбу в КНР, значительно способствующую, особенно в период с 1978 г., заметному социально-экономическому росту.

В Китае уделяется чрезвычайно большое внимание борьбе с коррупцией, для чего в 1978 г. создан специальный орган – Центральная комиссия Компартии Китая по проверке дисциплины, а в 2007 г. – Государственное управление по предупреждению коррупции, с задачами анализа причин коррупции, методов борьбы с коррупцией, госконтроля над госслужащими, совершенствования законодательства по борьбе с коррупцией. Наказания за коррупцию очень строгие, вплоть до смертной казни. Проводятся публичные казни коррумпированных чиновников.

Для борьбы с коррупцией в Китае активно используется ротация кадров во всех без исключения органах госвласти и на всех уровнях, которой занимается Министерство кадров – для этого подготовлен многочисленный кадровый резерв.

Заключение

Таким образом, проблема борьбы с коррупцией на государственной службе актуальна не только для России, но и для других стран, в которых накоплен немалый позитивный опыт в данной сфере публично-государственной деятельности. В зависимости от страновых особенностей (ментальных и государственно-правовых) эта борьба характеризуется, в одних случаях, мягкими методами ведения, в иных – строгими. Важно изучать и предметно учитывать зарубежный опыт по борьбе с коррупцией, особенно опыт стран с низким уровнем коррупции, заключающийся в заслуживающих внимания комплексных системах мер борьбы с коррупцией, передовых подходах и эффективном инструментариим.

В условиях обострения межгосударственной конкурентной борьбы необходимо усиливать российские позиции в этом вопросе (в Индексе восприятия коррупции Transparency International за 2019 г. Россия «набрала» лишь 28 баллов из 100. Выше показатели у Китая,

Индии, Бразилии, значительно выше у США (70 баллов), Германии, Франции, Великобритании), в том числе укрепляться за счет использования зарубежного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киселев С. Г., Опокин А. Б.* Государственная служба и борьба с коррупцией // Проблемы права. 2019. № 1. С. 28–29.
- Киселев С. Г.* Антикоррупционная составляющая правового статуса госслужащего // Проблемы права. 2016. № 3. С. 94–97.
- Киселев С. Г., Опокин А. Б., Томилина Е. Е.* Обоснование баланса в соотношении должного и возможного в статусе государственного служащего // Проблемы права. 2019. № 2. С. 114–117.
- Литвяк Л. Г., Нескородова И. С.* Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 147–149.
- Черкашина Е. А.* Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // Право: современные тенденции: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа, 2014. С. 77–80.
- Bribery and corruption: Saying no. Ministry of justice. URL: www.justice.govt.nz/publications/global-publications/b/publication/bribery-and-corruption-saying-no (дата обращения: 21.12.2019).

REFERENCES

- Kiselev S. G., Opokin A. B.* Gosudarstvennaja sluzhba i bor'ba s korrupciej // Problemy prava. 2019. № 1. S. 28–29.
- Kiselev S. G.* Antikorrupcionnaja sostavljajushhaja pravovogo statusa gossluzhashhego // Problemy prava. 2016. № 3. S. 94–97.
- Kiselev S. G., Opokin A. B., Tomilina E. E.* Obosnovanie balansa v sootnoshenii dolzhnogo i vozmozhnogo v statuse gosudarstvennogo sluzhashhego // Problemy prava. 2019. № 2. S. 114–117.
- Lityjak L. G., Neskorodova I. S.* Opyt zarubezhnyh stran v bor'be s korrupciej // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2013. № 6. S. 147–149.
- Cherkashina E. A.* Korrupcija v Rossii: prichiny vzniknovenija i metody bor'by // Pravo: sovremennye tendencii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ufa, 2014. S. 77–80.
- Bribery and corruption: Saying no. Ministry of justice. URL: www.justice.govt.nz/publications/global-publications/b/publication/bribery-and-corruption-saying-no (data obrashhenija: 21.12.2019).

УДК 327

И. В. Михайлин

доктор исторических наук, профессор;
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических
наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

ЛОББИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕШЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИИ

В статье рассматривается лоббизм – важный, но пока недостаточно изученный феномен в отечественной политологии. Автор выделяет лоббизм как одну из форм «мягкой силы», использование которой позволяет добиваться искомого результата путем оказания одним субъектом побуждающего воздействия на другой. Присущая лоббизму несилевая природа превращает его в чрезвычайно востребованный инструмент решения конфликтных ситуаций в разных сферах общественно-политической жизни. Лоббизм вырастает из гражданского общества, открывающего возможности для самопроявления интересов людей, которые объединяются в различные организации, в том числе группы давления, для добывания нужной информации и ее использования с целью получения желаемого результата. В статье на примере России рассматриваются три разновидности лоббизма: выход на властные структуры зарубежных стран, обращение к услугам консалтинговых и юридических организаций (технократический лоббизм), создание парламентских лобби («групп дружбы с Россией») в законодательных органах иностранных государств. В результате Россия добилась определенных геополитических выгод, экономических и политических преимуществ, что способствовало решению ряда внешнеполитических задач.

Ключевые слова: лоббизм; технократический лоббизм; парламентское лобби; «мягкая сила»; гражданское общество.

I. V. Mikhailin

Doctor of History (Dr. habil), Prof. at the Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University;
e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

LOBBYING AS «SOFT POWER» TOOL CONTRIBUTING SOLUTION OF RUSSIA FOREIGN POLICY TASKS

The article deals with lobbying as important but till now insufficiently explored phenomenon in Russian political studies. The author considers lobbying as a form of «soft power» which allows any subject to achieve a desired result by means of exerting incentive influence upon another subject. Non violent nature of lobbying turns it

into an extraordinary demandable instrument to solve disputed cases in different spheres of social and political life. Lobbying comes out from civil society that clears the way to possibilities for self-revealing of people's interests. People join different organizations including pressure groups, trying to gather necessary information, that can help to obtain desired result. In article the author, taking Russia as an example, analyses 3 lobbying varieties: addressing governing structures of foreign countries, access to consulting and juridical services («technocratic lobbying»), setting up parliament «lobbies» (friendship groups) in foreign legislative bodies. As a result, Russia has gained certain geopolitical advantage, economic and political benefits, which contributed to solution of a number of foreign policy tasks.

Key words: lobbying; technocratic lobbying; parliamentary lobby; “soft power”; civil society.

Международные отношения переживают во многом судьбоносный этап. США и их ближайшие союзники по НАТО сосредоточили вблизи российских пределов значительные ресурсы военной техники и вооруженных сил. Американские генералы делают воинственные заявления, которые можно расценить как психологическую подготовку к войне. «Опасность подобного развития событий в мире как-то затушевывается – сказал по этому поводу Президент РФ В. В. Путин – это может привести к гибели всей цивилизации» (*Пресс-конференция Президента РФ В. В. Путина // Российская газета, 21.12.2018*). Обмен в январе 2019 г. военными ударами между Индией и Пакистаном, обладающими ядерными вооружениями, стал еще одним предупреждением о грозящей миру опасности.

На таком тревожном фоне разворачиваются и другие события и процессы с потенциальной конфликтной составляющей: конкурентная битва вокруг продажи сжиженного природного газа европейским потребителям; острое соперничество за доступ к рынкам сбыта и контроль над транспортными артериями; борьба в ряде регионов Ближнего Востока и Африки за пользование источниками питьевой воды. Арктика с ее колоссальными природными ресурсами превращается в арену острейшего противоборства международных акторов с уже заложенной в планы их освоения возможностью применения военного ресурса.

Все упомянутые примеры объединяет использование несилowych способов урегулирования противостояний; при этом, однако, не исключается ограниченное (как в случае Индии и Пакистана) применение военной силы. Крайне важно, чтобы соперничающие международные акторы оставались в рамках использования для

разрешения своих противоречий исключительно **цивилизованных** форм – инструментов и политик, призванных урегулировать разногласия путем переговоров, компромисса, примирительных процедур, арбитража, добрых услуг, «третьей стороны» и др. Набор этих инструментов, политик и процедур получил собирательное название «мягкая сила». Главные ее слагаемые – убеждение, а не принуждение, поиски компромисса вместо силового давления, формулирование привлекательных для оппонентов альтернатив в противовес взаимному запугиванию и т. д.

К числу инструментов «мягкой силы» можно отнести такую признанную в международной практике форму несилового воздействия, как **лоббизм**. Лоббизм отвечает главному критерию «мягкой силы», который, по оценке автора этого концепта американского ученого Дж. Найа, заключается в способности получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели [Joff 1997].

В политологической, в первую очередь американской, литературе существует немало толкований этого феномена. Одно из них, в наибольшей степени отражающее главную функцию лоббизма, дает американский политолог Д. Бэрри. Задача лоббистов состоит в доведении информации до правительства и получении информации от правительства. Большая информированность о планах правительства увеличивает способность людей влиять на политику [Berry 1978]. На начальном этапе глобализации в 1970-е гг. американские ученые Р. Кеохейн и Дж. Най подметили, что растущая взаимозависимость государств вызвала к жизни многообразные каналы для установления контактов и связей между правительственными и неправительственными организациями, и эти связи проникают через национальные границы [Keohane, Nye 1977]. Тем самым создаются возможности не только для неправительственных организаций, но и для различных групп давления одного государства добывать информацию и оказывать на ее основе воздействие на властные структуры другой страны.

Достоинство лоббизма не ограничивается его способностью добиваться желаемого без принуждения. К числу достоинств лоббизма можно отнести и то, что он, будучи одним из инструментов «мягкой силы», содействует решению поставленной в Концепции внешней политики РФ (2013) перед задействованными в международной сфере ведомствами задачи создать положительный образ

России [Концепция внешней политики Российской Федерации 2013]. Взаимосвязь между лоббизмом и «мягкой силой» прослеживается и в том, что оба эти феномена сравнительно недавно вошли в арсенал форм и методов, используемых во внешнеполитической практике России. Поэтому содержащаяся в том же документе рекомендация «совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности в этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику» в равной степени относится и к лоббизму [там же]. Хотя Россия в сравнении с развитыми странами Запада с некоторым опозданием стала задействовать лоббизм в качестве одного из инструментов международной политики, она постепенно наверстывает отставание и уже добилась определенных успехов в его использовании для решения внешнеполитических задач.

По причине отсутствия единообразной классификации видов лоббистской деятельности в отечественной политологической литературе автор счел возможным воспользоваться наработками южнокорейских политологов. Дополнительный кредит доверия этим наработкам придает то обстоятельство, что они обобщили опыт лоббистской деятельности, накопленный в других странах, и приспособили его к реальным потребностям собственной страны, что сыграло немаловажную роль в ее ускоренном экономическом развитии.

Выход на властные структуры

Этот вид лоббизма как бы выполняет функцию «ходатая» для продавливания решения, в принятии которого заинтересована страна, использующая этот инструмент воздействия. Этот вид прямого лоббирования обоснованно считается наиболее трудным с точки зрения подбора кандидата на выполнение подобной миссии, но одновременно он обладает и наибольшей эффективностью. Максимальную отдачу он способен обеспечить, когда имеются альтернативные варианты решения вопроса, затрагивающие интересы лоббирующего государства, в то время, как правящие элиты других заинтересованных стран проявляют нерешительность или колебания.

В качестве примера можно сослаться на ситуацию, сложившуюся вокруг строительства «Северного потока-2» (2016–2019) как второй очереди газопровода «Северный поток». Против прокладки газопровода по экологическим основаниям высказывались Швеция, Финляндия

и Дания. Их оппозиция этому проекту стала постепенно ослабевать по мере осознания очевидных экономических выгод, связанных с получением природного газа от такого надежного торгового партнера, как Россия. Дополнительным фактором в пользу перелома в умонастроениях сомневавшихся стран стало решение продлить полномочия бывшего канцлера Германии Г. Шредера на посту главы управляющего совета компании «Северный поток–2» в знак признания его заслуг в деле завершения проекта «Северный поток». Он же возглавляет комитет акционеров Северного потока, дочернего предприятия Газпрома. При принятии положительного решения по Г. Шредеру учитывалось, что он досконально знает Германию и ее энергетические компании и хорошо известен правящим элитам колебавшихся государств. Считалось также, что он поможет этим странам найти взаимопонимание с Россией. Последнее обстоятельство особенно встревожило США и Украину, наиболее ярых противников «Северного потока–2». Только этим можно объяснить развязанную США кампанию по «демонизации» Г. Шредера в западных СМИ и заявление в недавнем прошлом украинского министра П. Климкина, потребовавшего от немецких властей даже ввести санкции против бывшего канцлера как самого важного лоббиста российского президента В. Путина [МИД Украины: необходимо наказать Шредера за хорошее отношение к Путину URL].

Заслуживает также упоминания медийная фигура израильского политолога, бывшего главы секретной службы «Натив» Якова Кедми. Высказываемые им в ходе многочисленных дискуссионных передач по радио и телевидению благожелательные оценки многих решений России во внутренней и внешней политике на фоне абсолютного доминирования «фейковых» новостей западных СМИ о нашей стране, могут, хотя и с определенной долей условности, расцениваться как пропагандистский лоббизм. В программе «Личностный фактор» на радиостанции «Вести ФМ» он сам объяснил мотивы своего преимущественно благожелательного отношения к нашей стране. «Я стараюсь выступать на стороне России, защищать ее законные права. Я выступаю против двойных и даже тройных стандартов по отношению к российскому государству со стороны Запада». Вместе с тем он отметил, что всегда старался действовать объективно, подчеркивая как положительные, так и отрицательные стороны РФ [Politobzor URL]. Показательно, что Я. Кедми высказывает критикам те же претензии, что и мы сами (игнорирование или неуважение законных интересов России, порочная практика двойных стандартов).

Выдержанные в благожелательном духе оценки действий России можно оценить, с одной стороны, как отражение ее восприятия здравомыслящей частью западного общества, с другой – повышенным (в сравнении с рядовым журналистом) доверием отечественной аудитории к Я. Кедми как серьезному специалисту в области международных отношений, тайной дипломатии и в военном деле.

Сказанное выше вовсе не означает, что Г. Шредер и Я. Кедми действуют по заказу Российской Федерации. Первый руководствуется служебным (как глава управляющего совета СП–2) и национальным интересом (Германия будет распределять газовые потоки). Второй – здравым смыслом и объективным подходом. Другое дело, что эти побудительные мотивы объективно превращают обоих (Г. Шредера – в большей степени, Я. Кедми – в меньшей) в своего рода лоббистов экономических и пропагандистских интересов России, что она достаточно искусно использует.

Технократический лоббизм

Он состоит в использовании консалтинговых и юридических организаций, структур по связям с общественностью, отдельных лоббистов одного государства в интересах другой страны. Использование возможностей этих лоббистских структур помогло российскому бизнесу прорваться на американский рынок и завоевать стартовые позиции для их дальнейшего закрепления.

Проникновение российского бизнеса на американский рынок прошло несколько этапов. На первом (1991–1993) произошла смена типов субъектов российского лобби в США. Второй этап (1993–2003) условно можно назвать расцветом российского бизнес-лобби. Десятки российских компаний стали нанимать вашингтонские консалтинговые фирмы для продвижения своих интересов в органах государственной власти. Третий этап совпал со вторым сроком президентства В. В. Путина (2004–2008). В США критически восприняли решение об отмене в России выборов глав субъектов федерации, что послужило причиной прекращения практически всех контрактов с лоббистскими фирмами. Четвертый этап начался с избранием Президентом США Б. Обамы и Президентом РФ Д. А. Медведева в 2008 г., когда наметился рост числа регистраций российских структур.

Внедрение российского бизнеса охватило некоторые ключевые отрасли экономики США. В **металлургической отрасли** «Евразхолдинг» приобрел за 2,3 млрд долл. США 100 % акций производителя

специальных сталей и труб «Орегон Стил Миллс». «Норильский никель» приобрел никелевое подразделение американской «ОМ Групп». В **машиностроительной** промышленности компания «Базовый элемент» приобрела 5 % акций корпорации «Дженерал Моторс». В **нефтегазовом секторе** «Лукойл» приобрел сначала 1260, а затем еще 795 автозаправочных станций у компании «Коноко Филлипс». В церемонии открытия АЗС «Лукойла» в Нью-Йорке принял участие российский президент В. В. Путин. При активном участии российского посольства проводилась регулярная работа по содействию формированию позитивного имиджа России в общественном мнении. Заметную лоббистскую активность стал проявлять российский **банковский сектор**. Сразу восемь российских финансовых структур пользовались услугами консультантов по «связям с правительством». В рассматриваемый период не только совершались деловые приобретения, но и расширялась продажа отечественных товаров и услуг. В 2007 г. объем продаж составил 19 млрд долл., что позволило РФ занять 20-е место среди стран-экспортеров в США [Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы 2009]. На этом основании можно сделать вывод, что технократический лоббизм способствовал осуществлению такого заявленного в Концепции внешней политики РФ (2013) приоритета российской внешней политики, как «подведение под диалог с США солидного экономического фундамента» [Концепция внешней политики Российской Федерации (2003) 2013, с. 535]. С другой стороны, он также во многом содействовал достижению более широкого радиуса целей, таких как создание на фоне демократических реформ в нашей стране «благоприятных политических условий для диверсификации российского присутствия на мировых рынках за счет расширения номенклатуры экспорта и географии внешнеэкономических и инвестиционных связей России» [там же, с. 524].

Создание парламентского лобби («группы дружбы с Россией»)

В 1990-е и первое десятилетие XXI в. в ряде государств Запада сложились объективные предпосылки для создания парламентского лобби, которое приобрело в последние годы форму «групп дружбы с Россией». К числу таких предпосылок следует, в первую очередь, отнести специфическую политическую культуру некоторых стран, таких как, например, Греция, Испания и Италия. Отличительная ее

особенность, по мнению местных политологов, состоит в высокой степени концентрации и персонализации власти, опирающейся к тому же на относительно отсталый менталитет и частично устаревшие формы общественной жизни. В рамках этой структуры власти, как считает политолог Сотело, имея в виду Испанию, воспроизводится модель отношений «патрон – клиентура», известная как «клиентелизм» (*El Pais*, 22.2.1988). Система клиентелизма, полагает политолог Н. Вентурис, лежит в основе и греческой политической жизни. По его мнению, политические партии, парламент являются как бы придатком «клиентельных» отношений [Wenturis 1984]. В целом укладывается в модель клиентелизма и политическая жизнь в Италии с той лишь разницей, что группы давления оказывают нажим не на парламент, а непосредственно на административную власть и ее структуры.

Лоббизму в немалой степени способствует и национальный характер испанцев, итальянцев и греков, у которых много общего. Главная объединяющая их черта состоит в том, что сложившиеся отношения на почве дружбы, знакомства, симпатий или деловых связей имеют приоритет над общественными интересами. Все эти факторы объективно благоприятствовали созданию парламентского лобби в странах Южной Европы.

Первой по времени появления в конце 80-х гг. XX в. стала разновидность лобби – греко-российская парламентская комиссия дружбы. В нее вошли парламентарии от всех политических партий, причем их число находилось в прямой пропорциональной зависимости от партийного представительства в парламенте. Обращает на себя внимание весьма представительный состав комиссии из 46 человек. Комиссию возглавлял парламентарий от правящей партии ПАСОК, его заместителем был депутат от ведущей оппозиционной силы Народная демократия. Среди членов комиссии – бывшие министры, заместители министра, бывший генеральный секретарь профобъединения ВКТГ, руководители ряда городов, несколько высокопоставленных дипломатов. Некоторые члены комиссии вошли в ее состав также вследствие личной заинтересованности в развитии двусторонних отношений, прежде всего в торгово-экономической области.

В советский период оказание влияния на центральные и местные органы власти Греции осуществлялось силами Компартии, которой по идеологическим соображениям отдавалось предпочтение перед партией ПАСОК, а также Обществом дружбы СССР – Греция с его

многочисленными филиалами по всей стране. С образованием парламентской комиссии дружбы развитие российско-греческих связей стало опираться на более широкую, нежели в прошлом, партийно-парламентскую базу. Комиссия дружбы постепенно стала превращаться в постоянно действующий инструмент содействия активизации двустороннего сотрудничества, способный выполнять свою миссию вне зависимости от того, какая партия находится у власти.

В феврале 2004 г. состоялся официальный визит в Москву Председателя Сената Генеральных кортесов Испании Хуана Хосе Лукеса, по итогам которого было подписано Соглашение о сотрудничестве между верхними палатами парламентов России и Испании. Депутаты нижних палат последовали примеру своих коллег и создали собственные структуры сотрудничества. В ходе официального визита в Испанию Президент РФ В. В. Путин в выступлении перед руководством Генеральных кортесов 9 февраля 2006 г. приветствовал создание «групп дружбы» в нижних палатах парламентов России и Испании [Выступление В. В. Путина перед руководством Генеральных кортесов URL]. Создание «групп дружбы с Россией» в целом вписывалось в заявленную в Концепции внешней политики РФ (2008) линию на «развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Грецией, Испанией и Италией», названного в этом документе «важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах» [Концепция внешней политики Российской Федерации (2008) 2012, с. 219–220]. Последней по времени появления (2019) стала «группа дружбы» парламентариев России и Турции.

Накопленный опыт создания парламентского лобби («групп дружбы с Россией») в разных странах позволяет представить этот процесс в виде ряда последовательных этапов.

1. На подготовительном этапе важно ознакомиться с преобладающими в общественном мнении конкретной страны настроениями в отношении России и развития отношений с нашей страной. Целесообразно также выявить, используя для этого парламентские отчеты, публичные заявления, мнения деловых связей круг законодателей, как правящей, так и оппозиционных партий, занимающих наиболее благожелательные позиции в отношении России.

2. Следующим шагом может стать публикация в местных изданиях, желательно во влиятельной газете, объявления с призывом к депутатам парламента вступать в лобби («группы дружбы с Россией»).

3. Одновременно, используя доверительные связи из числа парламентариев, инициировать проведение пресс-конференции на соответствующую тему с приглашением на нее журналистов, аккредитованных при парламенте.

4. Создание инициативной группы, способной взять на себя миссию по организационному оформлению лоббистской организации.

5. Проведение информационной акции по содействию обработке общественного мнения в благожелательном духе в отношении активизации связей с Россией.

6. Инспирирование настроений, которые стимулировали бы парламентскую группу подтолкнуть правительство в направлении развития политического сотрудничества, в частности по парламентской линии, с Российской Федерацией.

7. Налаживание организационной работы в том же направлении в оппозиционных партиях.

8. Необходимо обратить особое внимание на привлечение к участию в лоббистской организации депутатов, представляющих в парламенте регионы и провинции, и попытаться заинтересовать их идеей продвижения в местные СМИ публикаций, популяризирующих деятельность лоббистской организации, а также других информационных материалов, выдержанных в благожелательном для нашей страны духе.

Перечисленные этапы создания парламентского лобби носят общий характер, однако могут быть воспроизведены, если не полностью, то хотя бы в укороченном формате. Важно найти в каждом конкретном случае особый подход, способный вызвать встречную положительную реакцию. Применительно к Испании, например, таким подходом стала заинтересованность, о чем было заявлено на самом высоком уровне, и многократно парламентариями, в учете для наших внутренних дел накопленного ею опыта перехода, быстрого и относительно безболезненного, от авторитаризма к представительной демократии, особенно принимая во внимание значительную роль Генеральных кортесов в этом демократическом транзите. Конечно, в ситуации, сложившей в отношениях между нашей страной и коллективным Западом после крымских событий, трудно ожидать, что идея создания «групп дружбы с Россией» получит дальнейшее распространение. Вместе с тем следует учитывать, что отношения «Россия – коллективный Запад» в текущем

столетии меняется в режиме маятника. Он уже близок к исчерпанию негативного хода и может скоро качнуться в обратную сторону.

Не все, однако, возможности, открывающиеся в связи с использованием лоббизма, исчерпаны. Не удалось пока добиться сколько-нибудь заметных результатов этническому лоббизму, под которым принято понимать влияние, оказываемое частью населения на основе этнической общности, на власти страны проживания. Причин здесь несколько. Это и отсутствие собственного опыта взаимодействия с русскими общинами за рубежом, нежелание властей отдельных стран, в частности в Центральной Азии, уважать в полном объеме права русскоязычной части своих граждан; относительно невысокие организаторские способности самих русских общин и их диаспоральных организаций по использованию имеющихся возможностей. Тем не менее некоторые успехи, пусть пока скромные, есть и на этом направлении, что вселяет надежду на постепенное изменение к лучшему в решении такой важной внешнеполитической задачи, как защита прав и законных интересов наших соотечественников за рубежом.

Выводы

1. В современном мире, перегруженном конфликтами, в том числе с участием ядерных держав, остро ощущается потребность в цивилизованных инструментах в духе «мягкой силы» для защиты государствами своих интересов. Лоббизм является, возможно, самым недооцененным из них.

2. Лоббизм обладает доказанной способностью защищать интересы одной страны на хозяйственном пространстве другого государства. С присущим ему несиловым инструментарием лоббизм способствует реализации внешней политики Российской Федерации. Применение лоббизма в разных его разновидностях содействует наполнению реальным содержанием заявленных в Концепции внешней политики РФ (2016) отдельных линий ее деятельности на международной арене. Благодаря применению, в числе прочих форм и методов лоббизма, создаются благоприятные внешние условия для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения.

3. Необходимы масштабные и постоянные усилия, чтобы в духе современной тенденции в мировой политике к широкому применению

инструментов «мягкой силы» лоббизм стал еще более активно использоваться в роли инструмента для решения внешнеполитических задач России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выступление В. В. Путина перед руководством Генеральных кортесов. URL : Kremlin.ru/events/president/Transcripts/23434.
- Концепция внешней политики Российской Федерации (2003) // Внешняя политика России. Теория и практика. М. : Книга и бизнес, 2013. 543 с.
- Концепция внешней политики Российской Федерации (2008) // Внешняя политика России 2000–2020 : в 3 т. М. : Аспект Пресс, 2012. Т. 3. 550 с.
- Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы : монография. М. : Российская Академия наук, 2009.
- МИД Украины: необходимо наказать Шредера за хорошее отношение к Путину. URL : Rossaprimavera.ru/news/3 ac 94 c4d.
- Berry J.* Lodging for the people. Princeton. 1978.
- Joff J.* How America Does it // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 5. September – October.
- Keohane R., Nye J.* Power and interdependence. Boston, 1977.
- Politobzor. URL : net>155771-Yakov-Kedm...na...ru
- Wenturis N.* Das politisce system Griechenlands: Elne Sociopolit. Analyse. Stuttgart, 1984.

REFERENCES

- Vystuplenie V. V. Putina pered rukovodstvom General'nyh kortesov. URL : Kremlin.ru/events/president/Transcripts/23434.
- Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (2003) // Vneshnjaja politika Rossii. Teorija i praktika. M. : Kniga i biznes, 2013. 543 s.
- Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (2008) // Vneshnjaja politiki Rossii 2000–2020 : v 3 t. M. : Aspekt Press, 2012. T. 3. 550 s.
- Lobbizm rossijskogo biznesa v SShA i ES: jevoljucija i perspektivy : monografija. M. : Rossijskaja Akademija nauk, 2009.
- MID Ukrainy: neobhodimo nakazat' Shredera za horoshee otnoshenie k Putinu. URL : [Rossaprimavera. ru> news/3](http://Rossaprimavera.ru/news/3) ac 94 c4d
- Berry J.* Lodging for the people. Princeton. 1978.
- Joff J.* How America Does it // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 5. September–October.
- Keohane R., Nye J.* Power and interdependence. Boston, 1977.
- Wenturis N.* Das politisce system Griechenlands: Elne Sociopolit. Analyse. Stuttgart, 1984.

УДК 327

С. С. Сагалаева

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sagsvet@mail.ru

ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА: СУЩНОСТЬ И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия имиджа государства. Принимая за основу различные подходы российских и зарубежных исследователей, автор выделяет и подчеркивает существенные черты феномена «имидж», консолидация которых приводит к раскрытию исследуемой категории. Делается акцент на такой составляющей при формировании имиджа государства, как целенаправленная работа в русле политической коммуникации. Предложен вариант авторского определения понятия «имидж государства».

Ключевые слова: имидж; политический имидж; имидж государства; подходы к определению имиджа; сущность имиджа.

S. S. Sagalaeva

PhD Student at the Department of Political Science
of Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: sagsvet@mail.ru

IMAGE OF THE STATE: THE CONTENT AND APPROACHES TO DEFINING

The author describes theoretical approaches to defining the essence of image of a state. Taking as a basis different approaches of Russian and foreign researchers the author specifies and emphasizes the essential features of phenomenon of image, consolidation of which results in clarifying of the category under analysis. The research focuses on such a constituent in a state image forming as purposeful work in the furtherance of political communication. The author provides a definition of «state image» and explain its content.

Key words: image; political image; state image; approaches to defining image; essence of image.

Введение

Продолжающийся рост интереса к исследованию имиджа в научной мысли обуславливает частое обращение к данному феномену специалистов разных областей знания. Разновидностью имиджа,

используемого в сфере международных отношений и международной коммуникации, является имидж государства, являющийся важным фактором в контексте влияния на характер и направление хода политических процессов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления подходов к определению понятия «имидж государства» через рассмотрение сущности понятия «имидж» как междисциплинарной категории.

В целом конструирование имиджевой составляющей страны является стратегической задачей любого современного государства. Когда речь идет об эффективной имиджевой политике страны, в представлении возникает образ государства с высоким уровнем культурного и экономического развития. Сформировавшийся позитивный имидж – важная составляющая для проведения государством успешной внешней и внутренней политики. Имидж государства обеспечивает привлекательность и доверие к данному государству, играя важную роль в качестве ключевого компонента «мягкой силы».

В рамках ряда наук – политологии, психологии, социологии – авторами изучаются специфические аспекты имиджа, однако отсутствие единого подхода к определению данного понятия говорит о том, что на сегодняшний день не сложилось устоявшегося понимания рассматриваемой категории. Таким образом, цель настоящей работы – исследовать сущностные черты и свойства имиджа государства как самостоятельного политического феномена. Для достижения указанной цели автором будут решены следующие задачи: рассмотрены подходы российских и зарубежных исследователей к определению понятия «имидж» в системе гуманитарных наук; охарактеризованы закономерные черты в методологии исследователей и на основании них выявлены сущностные черты имиджа государства; сформулировано авторское определение понятия «имидж государства».

Концептуальные подходы к изучению имиджа

Первыми исследователями, обратившимися в своих работах к категории «имидж», являются зарубежные авторы. На важность исследования имиджа в русле политической коммуникации указывал К. Боулдинг, рассматривавший в одной из работ имидж как поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, который способен влиять как на

поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций [Boulding 1956]. В свою очередь, во второй половине прошлого века американским ученым, исследователем в области связей с общественностью, дана следующая многовариантная дефиниция имиджа: «Имидж – это репутация, восприятие, отношение, сообщение, оценка, узнавание, доверие, поддержка, коммуникация и отношение» [Gruning 1992, с. 33].

Важная заслуга в исследовании рассматриваемого феномена принадлежит и английскому политтехнологу Г. Уоллесу, который ввел в научный оборот понятие «политический имидж», под которым подразумевал свойство кандидата, обуславливающее его выбор на политический пост со стороны населения. Как утверждал английский ученый и политический деятель – не рациональные мотивы являются базисом, при помощи которого закладывается определенная модель поведения избирателей, а складывающиеся годами поведенческие установки [Wallas 2004]. При этом среди дефиниций зарубежных исследователей отметим как наиболее точную и содержательную дефиницию немецкого социолога К. Хилманна, указавшего, что «имидж – это сумма чувств, идей и оценок, которые, воспринимаясь субъективно отдельными лицами или группой лиц, становятся основой их представлений о других людях, общественных организациях, социальных институтах» [Фатыхова 2016, с. 10].

Дефиниции рассматриваемого понятия содержатся и в энциклопедических и справочных изданиях, представляющих «имидж» как образ, представление о чем-либо, о ком-либо. В словаре иностранных слов «имидж» трактуется как «представление, впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т. п., часто целенаправленно создаваемые» [Субботина 2013]. Согласно краткому социологическому словарю «имидж» – «совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом» [Кравченко 2017, с. 122]. Так, данные дефиниции, предусматривающие целенаправленность как важнейшую имиджформирующую составляющую, допускают при создании имиджа и такой фактор, как стихийность.

Похожее определение предложено в словаре по социальной политике: «имидж – это ореол, создаваемый мнением социальной группы, демографического слоя, собственными усилиями человека» [Социальная политика 2005]. Здесь же подчеркивается близость рассматриваемого понятия к понятиям «репутация» и «доброе имя»,

а также указывается на изменяемость имиджа под воздействием обстоятельств, новой информации – так, авторы указывают на имидж как на произведение, которое создается как образами, так и словами, затейливо перемешивающимися и, вследствие этого, превращающихся в массовом сознании в единый комплекс.

И. М. Синяева, рассматривающая понятие имиджа в контексте имиджа организации, также указывает на такую неотъемлемую составляющую, как целенаправленная работа: «позитивный имидж создается основной деятельностью компании, а также целенаправленной информационной работой, ориентированной на целевые группы общест­венности» [Синяева 2018].

Необходимо отметить, что такое свойство имиджа как искусственность является той общей единицей, на которую указывают российские и зарубежные исследователи в различных подходах к определению данного феномена. Так, исследователями-политологами указывается на такую технологию, как «имиджевая легенда», которая призвана наделить воспринимаемый объект – государство – необходимыми характеристиками, способствующими его восприятию со стороны общества в необходимом для создателей легенды ключе [Давыборец, Кузьмина, Танцура 2018].

Как отмечает А. И. Кравченко, первоначально термин «имидж» указывал на истинный образ объективной реальности, созданный нашим сознанием, однако во второй половине XX в., в связи с развитием коммерции и рекламы, его содержание изменилось на прямо противоположное: «теперь термин обозначает ложный образ, искусственно сфабрикованный коммерческими институтами и СМИ с целью привлечь внимание к лучшим сторонам рекламируемого образца или фирмы, даже если таковых не имеется на самом деле» [Кравченко 2019, с. 189–190].

Похожее замечание встречается и у И. Н. Лисаковского, который указывает, что методика создания имиджа составляет особую отрасль в социальной психологии, специальное направление в практике теле-, радио- и кинопропаганды, деятельности пиаровских групп. По мнению исследователя имидж является «представлением о вещах и людях, формируемым преимущественно средствами массовых коммуникаций» [Лисаковский 2002, с. 61].

Отличное определение дает в своем исследовании М. Ли, описывающий имидж как «цель и инструмент управления общественными настроениями» [Ли 2017, с. 116]. Близкую позицию мы прослеживаем

и в работе З. Ю. Надточего, указывающего на то, что, имиджу присущ иррациональный характер. Сравнивая процесс конструирования позитивного имиджа с рекламным ходом, автор отмечает: «Задача имиджа – заставить человека знать и верить» [Надточий 2019, с. 119].

В то же время в политической энциклопедии представлена следующая дефиниция исследуемой категории: «Имидж – это образ, целенаправленно и активно формируемый с использованием всех возможных средств и призванный эмоционально-психологически воздействовать на определенных лиц с целью популяризации, политической рекламы и т. д.» [Семигин 1999, с. 427–428].

Таким образом, применительно к особенностям, целям и задачам ряда наук к настоящему времени термин «имидж», который, несомненно, можно рассматривать в качестве самостоятельного феномена, обрел обширный круг различных дефиниций. Сложившаяся теоретическая база включает в себя различные методологические подходы, в соответствии с которыми имидж можно рассматривать и в качестве образа, искусственно созданного манипулятором; и в качестве репутации объекта или мнения о нем; и в качестве совокупности поведенческих механизмов и внешних характеристик.

При этом имиджу как продукту не только интерсубъектного взаимодействия, но и как категории, значительно облегчающей формирование реакций на круг субъектов, на которых созданный имидж в той или иной мере воздействует, присуща вторичность по отношению к действительности.

Специфическое разграничение взглядов на феномен «имиджа» наблюдается в работах зарубежных ученых, где, с одной стороны, имидж рассматривается с позиции «метафоры», а с другой – «буквального восприятия». Идеей первого направления является рассмотрение политического имиджа в качестве бренда. Причем имидж является не просто визуальным или аудиообразом, «картинкой в голове», а «ментальным паттерном, выражающим отношение субъекта к носителю имиджа» [Blackett 2009, с. 13]. В рамках второго, более раннего, исследования имидж понимается более упрощенно – как визуальный феномен, представленный в виде комплекса различных его проявлений: графического, оптического, вербального и перцепционного [Mitchell 1986]. В связи с этим можно прийти к выводу, что феномен «имидж», главным образом, являет собой совокупность иррационально-субъективных форм, в основе которой лежит, в первую очередь, восприятие.

Исследование возможности создания в сознании общества образов, которые бы не имели почти ничего общего с объективной реальностью, отражено в работах Дж. Траута и Э. Райса. Авторами описана концепция, согласно которой человеческое восприятие предмета позиционирования превалирует над объективной действительностью, т. е. субъективное восприятие в итоге имеет решающее значение перед реальным положением вещей, иными словами, истина несущественна, а значение имеет присущее сознанию восприятие [Райс, Траут 2018].

Таким образом, имидж как междисциплинарный феномен представлен в виде стереотипизированного мнения; субъективного восприятия; отношения; складывающихся годами установок поведения; иррационального отражения представлений.

Подходы к определению имиджа государства. Сущностные черты

Вместе с тем в политической науке продолжают дискуссии относительно знаковых индикаторов имиджа государства. Политический имидж в трактовке Д. В. Ольшанского – это «воображаемый образ данного государства у граждан страны и зарубежья» [Ольшанский 2002, с. 166].

Д. А. Клименко, принимая за основу дефиницию, предлагаемую учеными-специалистами в области брендинга, интерпретирующими имидж вещи как «набор представлений, которые бы владельцу вещи хотелось бы внедрить в массовое сознание», уточнил данное определение, проведя аналогию с государством – «это то, как хотелось бы государству, чтобы его воспринимали в международном пространстве» [Клименко 2010, с. 166].

По мнению Ф. Котлера, профессора международного маркетинга одного из университетов США, имидж места, под которым мы, в том числе, можем справедливо понимать и государство в целостности, – это «сумма убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места» [Маркетинг мест 2005, с. 205].

В близком ключе истолковывают понятие имиджа государства Т. Ю. Асрян, С. И. Кузина, отмечающие, что имидж – это «специально, целенаправленно конструируемый образ объекта (группы, государства, организации, личности и т. д.) с заданными определенными социально-политическими ценностями, апеллирующий к эмоциональной

сфере реципиента» [Кузина, Асрян 2017, с. 143] и М. А. Булгаров, согласно мнению которого «страновой имидж представляет собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа» [Булгаров, Тонян, Кутюкова 2017, с. 112]. Последние из вышеупомянутых определений имиджа государства являются наиболее полными, так как здесь внимание авторов сосредоточено на стихийности и на компоненте целенаправленной работы, ибо «слухи запускаются специально с определенной целью» [Логутова М., Логутова Е. 2018, с. 426].

Согласно позиции К. Боулдинга имидж страны включает в себе синтез следующих аспектов. Первым является географический аспект, к которому относится расположение государства, и такие показатели, как площадь, климат и т. д. Вторым аспектом является позиция государства на международной арене, а точнее – уровень дружественности или враждебности правительства. Третьим же аспектом является уровень «могущественности» государства. Таким образом, ученый выделяет географический имидж государства и имиджевый ресурс с позиции использования «умной» силы – умения государства использовать потенциал как «мягкой» так и «жесткой» силы в совокупности.

По мнению некоторых исследователей государственный имидж, насыщенный категориями иррационального и субъективного, также включает в себя значимые объективные имиджи. Так, Э. А. Галумов отмечает ряд объективных имиджей, наличествующих у государства: имидж политический, имидж социально-экономический, имидж экологический, имидж гуманитарный и т. д. Вместе с этим, любая составляющая может быть как отрицательной, так и положительной. Кроме этого, структура государственного имиджа может включать в себя два компонента – первичный или базовый и второстепенный. Первичный имидж представлен исследователем как «комплексное представление о стране как о некоей цельной данности (субъекте политической, экономической и прочей деятельности), которое формируется и фиксируется в сознании общественности в результате первичного знакомства с государством» [Галумов 2003, с. 17]. Вместе с этим имидж государства в ходе политической деятельности насыщается некоторыми признаками, новыми реалиями, что приводит к образованию вторичного имиджа страны, «возникающего только в процессе конкурентной (политической, экономической, информационной и т. п.) борьбы с другими странами» [Галумов 2003, с. 17].

Таким, образом, имидж страны формируется в практике межгосударственных взаимодействий, складываясь, с одной стороны, из особенностей существования конкретной страны, а с другой – представляя собой результат синтеза факторов субъективного порядка с объективным миром. Результат восприятия государства тем или иным обществом, а значит и эффективность его имиджа в значительной степени зависит от установок и ожиданий, которые существуют в данном обществе. Как справедливо указывает К. И. Телегина – «чтобы понять особенности восприятия имиджа какого-либо государства, необходимо изучить идеальные образы массового сознания» [Телегина 2014, с. 191].

Не вызывает сомнения, что положительное восприятие государства как гражданами внутри него, так и социальными группами – массово – за рубежом является важным конкурентным преимуществом, высокопотенциальным капиталом его развития, базисом продуктивного взаимодействия как с деловыми кругами, так и с представителями медиа. При этом восприятие имеет прямую зависимость от идеальных образов, существующих в массовом сознании аудитории. Таким образом, эффективность имиджа напрямую зависит от отклика населения на транслируемые в сообщениях, под которыми мы в данном случае понимаем целый механизм по доведению до массового потребителя информации, «образы».

Синтезируя имеющийся материал предыдущих концепций, отметим, что имидж государства – это обобщенная, состоящая из ряда убеждений, оценка представлений (осознанная или неосознанная) о государстве, формирующаяся у социального субъекта (индивидуального, группового или массового) как данного, так и иностранного государства при помощи каналов коммуникации, главным образом, через целенаправленные действия субъектов, заинтересованных в формировании того или иного конечного образа страны. Имидж государства является не просто индикатором фактического состояния данного государства, а совокупным отражением мнений, отношений, впечатлений о нем.

Заключение

Проанализировав основные сложившиеся подходы к пониманию сущности имиджа, необходимо отметить, что в рассмотренных точках зрения векторы внимания в основном направлены на отдельные компоненты, тогда как ни один из подходов не охватывает всех составляющих исследуемого феномена для создания целостного представления.

Сущность имиджа государства заключается в том, что имидж является определенным синтезом двух основных компонентов: существующего в массовом сознании идеального образа государства и реальных черт государства. Занимая промежуточную позицию между реальной ситуацией и психологическим, эмоциональным ожиданием целевой аудитории – реципиентов имиджа, имидж расширяет возможности восприятия объекта, при этом только в заданном векторе, позволяя домыслить воспринимаемый образ.

Формирование имиджа государства – это технология, и, как и в основе любой технологии, в самом процессе формирования или конструирования имиджа содержатся определенные социальные и психологические законы, свойства, установки, тенденции. Имидж государства в текущем контексте информатизации и глобализации общества представляет собой средство для решения широкого круга задач, стоящих перед государством: достижения стратегических целей, защиты национальных интересов, а также формирования благоприятной и перспективной среды для реализации собственного потенциала через кооперацию и взаимодействие с международным сообществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаров М. А., Тонян М. Н., Кутовая А. А.* К вопросу о сущности понятия «Имидж страны». World Science: problems and innovations: сб. ст. IX Международ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. Ч. 2. С. 110–113.
- Социальная политика: энциклопедический словарь / под ред. Н. А. Волгина. М. : Акад. Проект : Трикста, 2005. 686 с.
- Галумов Э. А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М. : Известия, 2003. 450 с.
- Давыборец Е. Н., Кузьмина О. В., Танцура М. С.* Современные технологии формирования имиджа государства // Вестник ЗабГУ. 2018. № 2. URL: cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-formirovaniya-imidzha-gosudarstva (дата обращения: 16.02.2020).
- Клименко Д. А.* Основные составляющие странового имиджа и технологии его продвижения (на примере формирования имиджа Италии в России) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика, 2010. № 1. С. 165–182.
- Кравченко А. И.* Краткий социологический словарь. М. : Проспект, 2017. 347 с.
- Кравченко А. И.* Культурология : учебник. М. : Проспект, 2019. 288 с.

- Кузина С. И., Асрян Т. Ю. СМИ как инструмент «мягкой силы» в процессах формирования политического имиджа российского государства // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 143–147.
- Ли М. Понятия «образ» и «имидж» в русском и китайском языках // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 116–121.
- Лисаковский И. Н. Художественная культура: термины, понятия, значения. М. : РАГС, 2002. 238 с.
- Логутова М. А., Логутова Е. В. Слухи как угроза информационной безопасности // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сб. тр. Всерос. науч. конф. / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабирова. Новосибирск : СибГУТИ, 2018. С. 426–429.
- Маркетинг мест / Ф. Котлер [и др.]. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2005. 390 с.
- Надточий З. Ю. Концептуальное оформление имиджологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–1 (37). С. 117–120.
- Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М. : Академический Проект : Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 576 с.
- Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб. : Питер, 2018. 320 с.
- Семигин Г. Ю. Политическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. Общественно-научный фонд. М. : Мысль, 1999. Т. 1. С. 427–428.
- Синяева И. М. Паблик рилейшнз: толковый словарь. М. : Дашков и К, 2018. 200 с.
- Субботина Л. А. Словарь иностранных слов. М. : АСТ, 2013. 606 с.
- Телегина К. И. Понятие и структура имиджа государства. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (50). С. 191–194.
- Фатыхова Д. Р. Технологии формирования имиджа женщины-политика в современной России (на материалах Республики Татарстан) / науч. ред. Г. В. Морозова. Казань : Казан. ун-т, 2016. 141 с.
- Blackett T. What is a brand? // Brands and branding. N.Y., 2009. P. 13.
- Boulding K. The Image. Knowledge in Life and Society. MI : University of Michigan Press. 1956. 175 p.
- Gruning J. E. (Ed.) Excellence in Public Relations and Communication Management. Lawrence Eribaum Associates, Inc. New Jersey, 1992.
- Mitchell W. J. T. Iconology : Image, Text, Ideology. Chicago : University of Chicago Press, 1986. P. 165.
- Wallas G. Human nature in politics // The Project Gutenberg EBook of Human Nature in Politics. 2004.

REFERENCES

- Bulgarov M.A., Tonjan M.N., Kutovaja A.A.* K voprosu o sushhnosti ponjatija «Imidzh strany». World Science: problems and innovations: sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Penza : Nauka i Prosveshhenie, 2017. Ch. 2. S. 110–113.
- Social'naja politika: jenciklopedicheskij slovar' / pod red. N.A.Volgina. M. : Akad. Proekt : Triksta, 2005. 686 s.
- Galumov Je.A.* Mezhdunarodnyj imidzh Rossii: strategija formirovaniya. M. : Izvestija, 2003. 450 s.
- Davyborec E.N., Kuz'mina O.V., Tancura M.S.* Sovremennye tehnologii formirovaniya imidzha gosudarstva // Vestnik ZabGU. 2018. № 2. URL: cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-formirovaniya-imidzha-gosudarstva (data obrashhenija: 16.02.2020).
- Klimenko D.A.* Osnovnye sostavljajushhie stranovogo imidzha i tehnologii ego prodvizhenija (na primere formirovaniya imidzha Italii v Rossii) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika, 2010. № 1. S. 165–182.
- Kravchenko A.I.* Kratkij sociologicheskij slovar'. M. : Prospekt, 2017. 347 s.
- Kravchenko A.I.* Kul'turologija: uchebnik. M. : Prospekt, 2019. 288 s.
- Kuzina S.I., Asrjan T.Ju.* SMI kak instrument «mjagkoj sily» v processah formirovaniya politicheskogo imidzha rossijskogo gosudarstva // Dnevnik AShPI. 2017. № 33. S. 143–147.
- Li M.* Ponjatija «obraz» i «imidzh» v russkom i kitajskom jazykah // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. № 6. S. 116–121.
- Lisakovskij I. N.* Hudozhestvennaja kul'tura: terminy, ponjatija, znachenija. M. : RAGS, 2002. 238 s.
- Logutova M.A., Logutova E.V.* Sluhi kak ugroza informacionnoj bezopasnosti // Informacionnye vojny kak bor'ba geopoliticheskikh protivnikov, civilizacij i razlichnyh jetosov: sb. tr. Vseros. nauch. konf. / pod nauch. red. prof. V.Sh.Sabirova. Novosibirsk : SibGUTI, 2018. S. 426–429.
- Marketing mest / F.Kotler [i dr.]. SPb. : Stokgol'mskaja shkola jekonomiki, 2005. 390 s.
- Nadtochij Z.Ju.* Konceptual'noe oformlenie imidzhologii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 10–1 (37). S. 117–120.
- Ol'shanskij D.V.* Politiko-psihologicheskij slovar'. M. : Akademicheskij Proekt : Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2002. 576 s.
- Rajs Je., Traut Dzh.* Pozicionirovanie: bitva za uznavaemost'. SPb. : Piter, 2018. 320 c.
- Semigin G. Ju.* Politicheskaja jenciklopedija: v 2 t. / Nac. Obshhestvenno-nauchnyj fond. M. : Mysl', 1999. T. 1. S. 427–428.
- Sinjaeva I.M.* Pablik rileyshnz: tolkovyj slovar'. M. : Dashkov i K, 2018. 200 s.

Subbotina L. A. Slovar' inostrannyh slov. M. : AST, 2013. 606 s.

Telegina K. I. Ponjatie i struktura imidzha gosudarstva. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie // Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 12-2 (50). S. 191–194.

Fatyhova D. R. Tehnologii formirovanija imidzha zhenshhiny-politika v sovremennoj Rossii (na materialah Respubliki Tatarstan) / nauch. red. G. V. Morozova. Kazan' : Kazan. un-t, 2016. 141 s.

Blackett T. What is a brand? // Brands and branding. N.Y., 2009. P. 13.

Boulding K. The Image. Knowledge in Life and Society. MI : University of Michigan Press. 1956. 175 p.

Gruning J. E. (Ed.) Excellence in Public Relations and Communication Management. Lawrence Eribaum Associates, Inc. New Jersey, 1992.

Mitchell W. J. T. Iconology : Image, Text, Ideology. Chicago : University of Chicago Press, 1986. P. 165.

Wallas G. Human nature in politics // The Project Gutenberg EBook of Human Nature in Politics. 2004.

УДК 327.7

А. Я. Эшмаков, С. А. Тишков

Эшмаков А.Я., многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали; e-mail: eshmakov@hotmail.com.

Тишков С.А., кандидат политических наук, доцент; Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова; заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД; e-mail: stishkov@list.ru.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО ООН В РЕСПУБЛИКЕ ГАИТИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются особенности выполнения полицейских задач мандатов современных операций ООН по поддержанию мира в Республике Гаити в сфере безопасности, реализации программ разоружения, демобилизации, реинтеграции бывших участников вооруженных формирований и полицейского реформирования. Особое внимание уделено опыту реформирования и развития национальной полиции Республики Гаити и новым формам работы полицейских – миротворцев ООН. Авторы делают вывод о том, что прогресс в сфере поддержания общественного порядка и рост профессионализма местной полиции были достигнуты только благодаря многолетней масштабной международной помощи. Обосновано, что для обеспечения безопасности и развития в долгосрочной перспективе целесообразно дальнейшее международное присутствие под эгидой ООН, ориентированное на социально-экономическое развитие в целях устранения коренных причин нестабильности в стране.

Ключевые слова: ООН; миротворческая деятельность; полиция ООН; миростроительство; институциональное строительство; Гаити.

A. Ja. Eshmakov, S. A. Tishkov

Eshmakov A. Ja., United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali; e-mail: eshmakov@hotmail.com.

Tishkov S. A., PhD (Political Science), Assoc. Prof.; Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs; Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: stishkov@list.ru

UN POLICE PEACEKEEPING IN THE REPUBLIC OF HAITI IN THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY

The article studies implementation of police tasks within mandates of modern UN peacekeeping operations in the Republic of Haiti in the field of security, disarmament,

demobilization and reintegration of former members of armed groups, local police reform. Special attention is paid to the experience of the Haitian national police reform and new forms of UN police peacekeepers activities. The authors stressed that the long-term international assistance is key to progress in public order maintenance and the local police capacity strengthening. It is proved that further international presence lead by UN focused on socio-economic development to sustain stability in the country is expedient for long term development and security.

Key words: UN; peacekeeping; UN police; peacebuilding; institutional building; Haiti.

Введение

15 октября 2019 г. Совет Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН) заявил о завершении мандата Миссии ООН по поддержке сектора правосудия в Гаити (МООНППГ). На брифинге в Нью-Йорке Жан-Пьер Лакруа, заместитель Генерального секретаря ООН по миротворческим операциям, подвел основные итоги длительного периода миротворческого присутствия ООН в этой стране.

Но ООН не намерена покидать Гаити и заявила о готовности оказывать дальнейшую поддержку через Объединенное представительство ООН в Гаити (ОПООН), созданное для координации деятельности учреждений, фондов и программ семьи ООН, представленных в стране¹.

Необходимо отметить, что с 1993 г. в Гаити было последовательно развернуто 6 операций по поддержанию мира разного формата. Тем самым Республика Гаити может считаться одним из лидеров по количеству проведенных операций ООН. С учетом причин внутреннего конфликта именно опыт Гаити показал важность полицейских задач для миротворческих мандатов ООН.

На рубеже XX и XXI вв. действия миротворцев ООН привели к относительной стабилизации обстановки в стране. Но продолжительный политический кризис, сопровождавшийся отсутствием безопасности, не позволил завершить начатый миротворческий процесс. По-прежнему наблюдается значительная социально-экономическая напряженность, которая в сочетании с сохраняющимися гуманитарными потребностями лежит в основе регулярных осложнений в политической сфере и нестабильной обстановки в плане безопасности.

¹Резолюция Совета Безопасности ООН № 2476 (2019). Документ ООН S/RES/2476 (2019) от 25 июня 2019 г. URL: [undocs.org/ru/S/RES/2476\(2019\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2476(2019)) (дата обращения: 09.09.2019).

В XXI в. миротворцы ООН вновь вернулись в Республику Гаити и на протяжении пятнадцати лет участвовали в поддержании безопасной обстановки и реформировании правоохранительных органов. Таким образом, миротворческому процессу в Гаити присуща цикличность, что подчеркивает актуальность анализа накопленного миротворческого опыта для повышения эффективности операций ООН по поддержанию мира.

В последние годы некоторые аспекты деятельности операций ООН по поддержанию мира в Республике Гаити в части выполнения полицейских мандатов освещались в научных публикациях, как правило, подготовленных непосредственными участниками событий [Потоков 2017; Тишков 2017; Эшмаков 2018; Вербилов, Опарин, Созина 2018]. Вместе с тем существует потребность в проведении комплексного исследования опыта полицейского миротворчества, полученного ООН в данной стране, в целях формирования новых подходов к функционированию операций ООН по поддержанию мира.

Миссия ООН по стабилизации в Гаити: задачи, проблемы и уроки

После вывода миротворцев ООН из Республики Гаити в конце XX в. мировое сообщество рассчитывало на продолжение развития заложенных основ мирного демократического правления в стране. Однако состоявшиеся в 2000 г. президентские и парламентские выборы не привели к разрешению глубокого политического кризиса и началу политического диалога в стране. Несмотря на то, что избранный Президентом Гаити Жан-Бертран Аристид пользовался абсолютной поддержкой избирателей [Nohlen 2005], оппозиция отказалась признавать результаты выборов и обвиняла Ж.-Б. Аристида в коррупции и связях с наркоторговлей. К концу 2003 г. в стране сформировалось единое оппозиционное движение, лидеры которого стали призывать к отставке президента.

Начавшиеся в январе 2004 г. народные волнения на севере Гаити переросли в февральское восстание в г. Гонаив, в результате которого бунтовщики получили контроль над северной частью страны, а Президент Ж.-Б. Аристид был вынужден покинуть Гаити [MINUSTAH Background URL]. Столкновения вооруженных групп сторонников свергнутого президента и его противников привели к новому витку

политического насилия, которое всё чаще переходило в обычный разбой и бандитизм. Политические силы и деловые круги, как представляется, использовали влияние криминальных лидеров и бандитские группировки для реализации своих интересов. Гаити вновь столкнулась с глубоким институциональным кризисом в области управления и верховенства права, который был вызван тупиком в политическом процессе и ухудшением экономической ситуации.

Период политической нестабильности существенно затронул органы правоохранительной системы. Не будучи способными противостоять господству банд в столице и росту преступности в стране, полицейские комиссариаты сами подвергались нападениям и разграблению [Потоков 2017].

Бедственное положение в политической сфере и увеличение количества жертв гражданского населения не могли остаться без внимания мировой общественности. Поэтому 29 февраля 2004 г. СБ ООН принял решение о развертывании Многонациональных временных сил (МВС) сроком на три месяца и подтвердил готовность в дальнейшем создать дополнительные стабилизационные силы ООН для поддержки мирного и конституционного политического процесса и сохранения безопасной обстановки¹.

МВС было поручено содействовать достижению безопасности и стабильности в стране, оказывать помощь полиции Гаити и гаитянской береговой охране в наведении правопорядка и защите прав человека [Совет Безопасности принял решение ... URL].

Приемником международных усилий по нормализации обстановки стала учрежденная 1 июня 2004 г. резолюцией СБ ООН № 1542 (2004) Миссия ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ, июнь 2004 г. – октябрь 2017 г.) [МООНСГ – фактологический бюллетень]. Численность новой миссии составила 6.311 военнослужащих и 1.622 полицейских, включая шесть сформированных полицейских подразделений (СПП) численностью по 125 человек каждое.

С учетом сложившейся в стране ситуации меры по обеспечению безопасной и стабильной обстановки, как приоритетные задачи миссии, были сгруппированы в первом блоке мандата.

¹ Резолюция СБ ООН № 1529 (2004). Документ ООН S/RES/1529(2004) от 29 февраля 2004 года. URL : [undocs.org/ru/S/RES/1529\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1529(2004)) (дата обращения: 26.08.2019).

На полицейских МООНСГ был возложен широкий круг обязанностей, в том числе: оказание содействия Правительству Гаити в восстановлении и поддержании условий для реализации конституционных и политических процессов; обеспечение законности, общественной безопасности и общественного порядка; перестройка и реформирование Гаитянской национальной полиции (ГНП); охрана персонала и объектов ООН, обеспечение свободы передвижения ее персонала; защита гражданских лиц, подвергшихся непосредственной угрозе физического насилия¹.

Практически все из приведенных выше задач в той или иной мере решались миротворцами ООН в конце XX в. Но политическое брожение и нестабильность вновь привели к активизации хронических проблем Гаити.

Необходимо отметить, что к моменту развертывания МООНСГ оперативная функциональность ГНП, фактически существовавшей около десяти лет, вызывала определенные сомнения. Поэтому деятельность МООНСГ и Правительства Гаити по восстановлению дееспособных правоохранительных органов можно рассматривать как возрождение ГНП. Основными проблемами в сфере организации деятельности местной полиции были устаревшая нормативная база, недостаточно развитая инфраструктура полицейских подразделений, острая нехватка квалифицированного руководящего состава, низкий уровень подготовки подразделений спецполиции.

Относительно новой для миротворцев стала задача по разоружению и демобилизации всех вооруженных групп и фракций, включая женщин и детей, ассоциированных с данными группами, а также контроль оборота оружия. Поскольку традиционные подходы к программам разоружения, демобилизации и реинтеграции оказались не применимыми к условиям Гаити², МООНСГ в 2006 г. провозгласила

¹ Резолюция СБ ООН № 1542 (2004). Документ ООН S/RES/1542 (2004) от 30 апреля 2004. URL: [undocs.org/ru/S/RES/1542\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1542(2004)) (дата обращения: 26.08.2019).

² После начала миротворческой операции командующий военным контингентом сил ООН в Гаити бразильский генерал А. Р. Перейра отмечал, что в углубляющемся кризисе виновны не только незаконные формирования и банды. По его мнению, стратегия, применявшаяся в Гаити, являлась ошибочной и подлежала ревизии, т.к. «невозможно обеспечить стабильность

Стратегию сокращения насилия и преступности в общинах, которая была начата после осуществления миротворцами неотложных силовых мер по стабилизации обстановки.

Для преодоления социально-экономического отчуждения молодежи, регулярно пополнявшей ряды криминальных группировок, особую роль играли программы преобразующего экономического развития на низовом общинном уровне, направленные на укрепление социальных основ мира и борьбу с бандитизмом и преступностью путем создания рабочих мест и обеспечения конструктивного участия молодежи в общественных мероприятиях по сокращению масштабов насилия в общинах [Тишков 2017].

Необходимо отметить, что деструктивное влияние на ситуацию в стране и динамику миротворческого процесса регулярно оказывали природно-климатические факторы.

Только в 2008 г. на Гаити четыре раза обрушивались тропические штормы и ураганы [Старовойт, Чепкунас, Коломиец 2010].

Разрушительное землетрясение, случившееся 12 января 2010 г., нанесло удар по инфраструктуре и резко ухудшило и без того сложное экономическое положение Гаити. По официальным данным погибло 222,5 тыс. человек, 311 тыс. человек получили ранения, 1,3 млн человек остались без крова. Причиненный материальный ущерб был оценен в 5,6 млрд евро (50 % ВВП Гаити) [Соколов 2011].

Серьезные потери понесла и полиция Гаити: 77 полицейских погибло, 258 получили ранения, были полностью разрушены штаб-квартира, школа полиции, более трети комиссариатов полиции получили серьезные повреждения вплоть до разрушений [Потоков 2017].

В 2010 г. вследствие низкого уровня жизни местного населения, колоссальных человеческих жертв, начавшегося социального хаоса, разрушения медицинской инфраструктуры и ухудшения качества питьевой воды в стране началась эпидемия холеры, ставшая еще одним испытанием для самой бедной страны западного полушария [Вспышка холеры в Гаити URL].

и безопасность только при помощи винтовок и солдат на улицах в стране, где 80% населения не имеют работы и более 70 % едят только один раз в день». URL : gia.ru/20050610/40506921.html (дата обращения 09.09.2019).

В октябре 2016 г. полицейские ООН вновь столкнулись с проблемой обеспечения безопасности конвоев с гуманитарной помощью¹. Поставки в пострадавшие от урагана «Мэтью» регионы медикаментов, продовольствия, питьевой воды, а также строительных материалов, организованные Всемирной продовольственной программой ООН, Агентством США по международному развитию и международными неправительственными организациями (МНПО) гуманитарной направленности (ACTED, Oxfam International и т. д.) оказались под угрозой разграбления.

Необходимо отметить, что следующие одно за другим потрясения, такие как стихийные бедствия и эпидемии, оказали влияние на окончательное формирование хронической зависимости гаитянского населения от гуманитарной помощи наряду с экономическими трудностями, социально-политической напряженностью и ограниченными возможностями государства по предоставлению населению необходимых базовых услуг.

Длительное миротворческое присутствие ООН и оказание гуманитарной помощи со стороны США и МНПО также оказало негативное влияние на желание местного населения активно работать для получения средств к существованию.

Гаитяне привыкли к гуманитарной помощи, распределение которой, отчасти, стало источником коррупции для определенных слоев населения, получивших доступ к распределению различной международной помощи. В криминальных схемах активно участвовали представители организованной преступности, занимающиеся контрабандой. После разрушений, причиненных ураганом «Мэтью», внешняя помощь стала единственным средством к выживанию для широких групп населения.

Полицейским ООН совместно с коллегами из ГНП было поручено обеспечить безопасность персонала международных неправительственных организаций и сохранность перевозимых грузов, с которой они успешно справились. Например, в период с сентября 2016 г. по февраль 2017 г., личным составом полицейского компонента МООНСГ в Южном департаменте Гаити совместно с коллегами

¹ Доклад национального центра по ураганам США. URL: www.nhc.noaa.gov/data/tcr/AL142016_Matthew.pdf (дата обращения: 26.10.2019).

из ГНП было сопровождено 165 гуманитарных колонн с грузами для пострадавшего населения [Эшмаков 2018].

Таким образом, выполнение мандата МООНСГ проходило в непростых условиях, обусловленных негативным влиянием внутренних и внешних факторов. При этом значительная часть задач данной миссии была возложена на ее полицейский компонент.

Роль ООН в реформировании и институциональном строительстве Гаитянской национальной полиции

Для восстановления ГНП миротворцами ООН был последовательно реализован комплекс институциональных мероприятий, которые были сгруппированы в пятилетние планы.

План реформирования ГНП на период 2006–2011 гг. включал три стратегические цели: повышение профессионального уровня полицейских кадров; усиление функциональных возможностей полиции и развитие ее институциональной структуры.

Продолжением усилий по реформированию ГНП стал План развития ГНП на 2012–2016 гг., который в дополнение к ранее поставленным задачам предусматривал активизацию координации донорской помощи и развитие международного сотрудничества. Реализация этого Плана предполагала становление ГНП как современной полицейской службы, оснащенной технологиями, демонстрирующей профессионализм и пользующейся уважением и доверием граждан.

В финансировании запланированных мероприятий совместно с ООН принимали участие Европейский союз, а также более двух десятков государств-доноров, которые финансировали строительство зданий для полицейских учреждений, приобретение вооружения, транспортных средств и оборудования, обучение местных полицейских и другие проекты.

Н. Н. Потоков отмечает, что реализация мероприятий по реформированию ГНП выявила проблему разновекторности (в оригинале «разнонаправленности»). – *Прим. авт.*) внешних усилий и ориентаций национального истеблишмента в части подходов к институциональному строительству полиции ведущих стран-доноров (США, Канады и Франции), а также неоднозначности политических и культурных ориентиров местных элит [Потоков 2017].

Важно отметить, что внешняя финансовая помощь была направлена не только на правоохранительный сектор. Совместные усилия

МООНСГ, стран-доноров, агентств ООН и МНПО также позволили достичь относительной стабилизации социально-экономической ситуации в Республике Гаити. Но с учетом темы исследования основное внимание будет уделено вопросам реформирования местной полиции.

В октябре 2017 г. своем регулярном полугодовом докладе о деятельности МООНСГ Генеральный секретарь ООН отметил успехи миротворцев в наборе и подготовке персонала местной полиции для достижения целевого показателя численности личного состава в 15 тыс. полицейских. В сфере участия МООНСГ в институциональном строительстве местной полиции была отмечена поддержка 74 проектов по строительству, восстановлению и модернизации объектов инфраструктуры ГНП, включая строительство четырех полицейских комиссариатов в департаменте Артибонит и одного – в департаменте Гранд-Анс, а также 38 проектов материально-технического обеспечения местных полицейских подразделений.

Полиция ООН также оказывала помощь в наращивании потенциала национальной полиции по борьбе с сексуальным и гендерным насилием посредством ведения информационно-пропагандистской деятельности и оказания технической и финансовой поддержки¹.

Деятельность МООНСГ получила неоднозначную оценку со стороны экспертного сообщества. Отмечая неудачи в борьбе с коррупцией, провалы в экономической сфере, огромный ущерб, причиненный распространением холеры, эксперты относят реформу ГНП и уменьшение количества банд и криминальных группировок в столице к положительным результатам наряду с реформированием правительства и проведением демократических выборов, трижды обеспечивших мирный переход президентской власти в стране [Бригиневич, Слинко 2018].

После завершения в феврале 2017 г. избирательного процесса и восстановления конституционного порядка мандат МООНСГ подошел к логическому завершению. СБ ООН признал достижение прогресса в стабилизации Гаити и восстановлении политико-правовой сфере². Однако Правительство Гаити выразило готовность

¹ Доклад Генерального секретаря ООН о МООНСГ. Документ ООН S/2017/840 от 5 октября 2017 г. URL: undocs.org/ru/S/2017/840 (дата обращения: 26.10.2019).

² Доклад Генерального секретаря ООН о МООНСГ. Документ ООН S/2017/604 от 12 июля 2017 г. URL: undocs.org/ru/S/2017/604 (дата обращения: 19.10.2019).

к продолжению сотрудничества с ООН в целях развития системы правоохранительных органов. Перед миротворцами ООН были поставлены новые, более сложные задачи, требующие реформирования миссии и формирования новых подходов к работе с местной полицией [Вербилов, Опарин, Созина 2018].

С учетом опыта ранее проведенных миссий к моменту принятия резолюции СБ ООН № 2350 (2017) руководство МООНСГ уже имело представление о том, каким образом необходимо реорганизовать миссию, чтобы удовлетворить нужды страны в развитии институтов правоохранительной системы. Для трансформации МООНСГ были привлечены специалисты Постоянного полицейского компонента Отдела полиции Управления по делам органов обеспечения законности и безопасности Департамента операций по поддержанию мира [SPC News URL].

В течение переходного периода с 16 апреля по 15 октября 2017 г. МООНСГ вывела из страны международный военный контингент и провела существенное сокращение полицейского персонала, а также разработала новые концептуальные документы по взаимодействию с ГНП. Задачи полицейского компонента видоизменились и перешли на новый уровень. Целевой группой для полицейских ООН стал руководящий состав ГНП в целях повышения его готовности к передаче всей полноты ответственности за обеспечение законности и правопорядка после завершения миротворческого участия ООН.

Для проведения переходного периода МООНСГ была принята «Программа ООН по сопровождению и поддержке полиции Гаити» (далее Программа) [Сайт МООНППГ URL], которая определяла новый формат работы полицейских ООН с местной полицией на основе применения пересмотренных методов ведения наставничества и консультирования в рамках переходной стратегии трансформации МООНСГ. Предполагалось, что реализация нового подхода к деятельности по укреплению местной полиции должна повысить уровень подготовки старших полицейских сотрудников и обеспечить их соответствие занимаемой должности.

Процесс внедрения Программы на местах проходил с мая по сентябрь 2017 г. в четыре этапа. На первом этапе Программа была опробована в Северном департаменте Республики Гаити. Для этого была отобрана команда полицейских ООН, обладающих необходимым опытом и знаниями. После подведения итогов пилотного проекта

были реализованы последующие два этапа, в ходе которых Программа была внедрена в работу других департаментов ГНП и полиции ООН. На последнем этапе в нее включался личный состав столичного региона, в том числе Центральный аппарат ГНП.

Представляется дискуссионным порядок включения местных полицейских подразделений в Программу, а именно – привлечение Центрального аппарата ГНП в последнюю очередь. По мнению авторов, организацию взаимодействия полицейских ООН и местной полиции в новом формате следовало начинать именно с руководящего звена. В таком случае руководители ГНП национального уровня могли бы применять приобретенный опыт для координации и контроля проводимых мероприятий, что позволило бы повысить эффективность реализации Программы на местах.

Особо следует отметить, что сотрудники Центрального аппарата ГНП не всегда проявляли должный интерес к выполнению Программы, не участвовали в обсуждении хода ее реализации с полицейскими ООН. Вследствие этого на региональном уровне руководители ГНП зачастую игнорировали предложения миротворцев, самоустраивались от встреч и совместных мероприятий. Как правило, наибольшую активность гаитянские полицейские проявляли при решении за счет ООН вопросов материально-технического обеспечения – приобретения автотранспорта, оснащения вычислительной техникой и средствами связи, постройки и ремонта зданий полицейских подразделений.

Авторы допускают, что такой «мягкий саботаж» работы на местах по реализации Программы в некоторых случаях был обусловлен неадекватностью рекомендаций «голубых беретов» складывающейся обстановке и возможностям местной полиции, а в других – отсутствием должного авторитета полицейских ООН у местных коллег.

В этой связи хотелось бы отметить важную роль взаимного уважения, умения добиваться расположения путем демонстрации высокого уровня профессионализма, такта, понимания обстановки и условий работы гаитянских коллег. Полицейскому ООН необходимо не только быть профессионалом, но и обладать незаурядными личными качествами. Следует также отметить наличие внутрисистемных проблем, с которыми столкнулось руководство полицейского компонента МООНСГ при реализации Программы. *Во-первых*, с учетом новых приоритетов в работе повысился уровень профессиональных требований, предъявляемых к международным полицейским

советникам ООН. Новые функциональные обязанности требовали более глубокого знания местного законодательства, а также новых подходов к взаимодействию с гаитянскими коллегами. *Во-вторых*, с изменением задач и формата работы, а также требований о наличии соответствующей специализации, специального звания и опыта руководящей работы, многие полицейские ООН были переведены для работы в другие регионы страны. Данный фактор отчасти оказал негативное влияние на их мотивацию к работе. Указанные моменты необходимо учитывать при отборе персонала на этапе трансформации операций ООН по поддержанию мира, а также при планировании работы с местной полицией. При этом мы рекомендуем в обязательном порядке организовывать дополнительное обучение полицейских миротворцев, рекомендованных на этапе трансформации для работы в новой миссии.

Приемником МООНСГ стала Миссия ООН по поддержке сектора правосудия в Гаити (МООНППГ, октябрь 2017 г. – октябрь 2019 г.), штатная численность которой предусматривала до семи СПП с общей численностью до 980 полицейских и 295 полицейских, набранных на индивидуальной основе.

Целями миссии стали оказание содействия Правительству Гаити в укреплении местных правоохранительных органов, обеспечение дальнейшей поддержки и развития ГНП, а также наблюдение за положением в области прав человека и представление докладов по данной проблеме¹.

Одним из основных документов, определяющих совместную работу миротворцев ООН и их гаитянских коллег, являлся «Стратегический план развития полиции Гаити на 2017–2021 годы»².

Сотрудники полиции ООН совместно с гражданскими полицейскими экспертами, принятыми на контрактной основе, были размещены на 17 объектах ГНП в столице и во всех штаб-квартирах

¹ Резолюция СБ ООН № 2350 (2017). Документ ООН S/RES/2350(2017) от 13 апреля 2017 г. URL: [undocs.org/ru/S/RES/2350\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2350(2017)) (дата обращения: 26.08.2019).

² Стратегический план развития полиции Гаити на 2017–2021 гг. URL: www.academia.edu/35223105/Plan_Strat%C3%A9gique_de_D%C3%A9veloppement_2017-2021_de_la_Police_nationale_dHaïti (дата обращения: 26.09.2019).

10 департаментов национальной полиции, а сотрудники исправительных учреждений были направлены на работу в 18 тюрем и 4 полицейских центра содержания под стражей.

При реализации данного стратегического плана миротворцы столкнулись с тем, что в Республике Гаити основные функции внутренних войск, войск береговой охраны и пенитенциарной службы были возложены на ГНП. С одной стороны, это упрощало руководство данными структурами с учетом единоначалия, но с другой – требовало от миссии новых подходов в части реформирования сектора безопасности [Вербилов, Опарин, Созина 2018].

В октябре 2019 г. Генеральный секретарь ООН в качестве одного из контрольных показателей достижения мандата МООНППГ отметил высокий профессионализм и осведомленность сотрудников ГНП, задействованных в обеспечении общественного порядка, о правах человека и гендерных аспектах полицейской деятельности.

В соответствии со «Стратегическим планом развития полиции Гаити на 2017–2021 годы» число полицейских на одну тысячу граждан местного населения достигло показателя 1,33. Мероприятия по децентрализации ГНП и достижению максимального территориального охвата позволили разместить 37,92 % сотрудников за пределами столичной агломерации Порт-о-Пренса. Благодаря поддержке ООН представительство женщин–полицейских достигло показателя 10,5 % от общего количества личного состава по сравнению с 5,6 % женщин в 2004 г., при пропорциональном показателе 0,6 сотрудников на одну тысячу местных жителей.

Достижению целей мандата МООНППГ в области верховенства права, охраны правопорядка и прав человека способствовало проведение 96 общенациональных конференций по вопросам верховенства права, осуществление 50 проектов по сокращению масштабов насилия в общинах, бенефициарами которых стали более 23 тыс. женщин и девочек и более 20 тыс. мужчин и мальчиков из подверженных риску общин¹.

Подводя итоги МООНППГ аналитики ООН отметили, что за два года функционирования данной миссии 95 % операций местной

¹ Доклад генерального секретаря о МООНППГ. Документ ООН S/2019/805 от 9 октября 2019 г. URL: undocs.org/ru/S/2019/805 (дата обращения: 26.11.2019).

полицейские были проведены без международного участия, которое ограничилось поддержкой 127 правоприменительных акций по поддержанию общественного порядка и 29 операций против городских банд [The 24 months of MINUJUSTH URL].

Таким образом, длительное международное присутствие помогло не только стабилизировать обстановку в Республике Гаити, но сыграло решающую роль в становлении и развитии ГНП как современной полицейской службы.

Смена формата операции ООН как перспектива разрешения конфликта

Данные результаты не остались без внимания международных экспертов. В Докладе Специальной консультативной группы по Гаити¹, с 22 по 24 мая 2019 г. посетившей страну для изучения ситуации, отмечено, что с 2004 г. в области обеспечения безопасности, управления и верховенства права был достигнут некоторый прогресс.

Но, по мнению экспертов ООН, условия для кардинального изменения положения в Гаити еще не выполнены и что резкое сокращение присутствия ООН может привести к дальнейшей нестабильности как на национальном, так и на региональном уровне. В стране по-прежнему наблюдается значительная экономическая и социальная напряженность, которая в сочетании с сохраняющимися гуманитарными потребностями лежит в основе длительной политической нестабильности и ухудшения обстановки в плане безопасности.

Группа подчеркнула необходимость проведения мероприятий по стабилизации обстановки в плане безопасности, в том числе путем разработки национальной стратегии на основе многосекторального подхода к решению проблемы бандитизма через осуществление программ сокращения масштабов насилия в общинах, контроль оборота оружия и боеприпасов, принятие политических и социально-экономических мер и дальнейшее наращивание потенциала ГНП.

В целях развития возможностей местных властей в части противодействия стихийным бедствиям и создания условий для развития данные социально-экономические меры должны дополняться

¹ Доклад Специальной консультативной группы по Гаити. Документ ООН E/2019/80 от 20 июня 2019 г. URL: undocs.org/pdf?symbol=ru/e/2019/80 (дата обращения: 26.10.2019).

эффективными действиями по обеспечению верховенства права и благого управления, созданию прочных институтов, реформированию сектора правосудия, борьбе с коррупцией, а также поощрению и защите прав человека.

Таким образом, в Гаити имеется потребность в дальнейшей реализации всего комплекса миростроительных механизмов ООН по налаживанию стабильной жизнедеятельности на основании норм и принципов международного права от постконфликтного установления правопорядка, обеспечения господства права и правосудия переходного периода, проведения мероприятий по демобилизации и реинтеграции, восстановления доверия населения к органам власти и правосудия до консультативной помощи экспертов в законотворческой деятельности [Степанченко 2016].

Поэтому эксперты ООН считают, что дальнейшее международное присутствие продолжительностью до 30 лет и значительная финансовая помощь будут способствовать формированию условий для более эффективного устранения коренных причин нестабильности в Гаити. Данное предположение соответствует тезису О. А. Воркуновой о том, что формирование и сохранение устойчивого мира в переходные периоды развития общества и государства от авторитарного к демократическим формам правления является сложным, дорогостоящим и длительным процессом. Отсталая структура экономики, низкий уровень образования, высокий уровень бедности и вертикального неравенства в числе многих других факторов закономерно обуславливают необходимость масштабной международной помощи [Воркунова 2017].

Таким образом, в настоящее время начинается новый этап участия ООН в разрешении длительного внутреннего конфликта в Гаити, от успеха которого зависит дальнейшая стабильность этого островного государства.

Заключение

Опыт проведения операций ООН по поддержанию мира в Гаити в начале XXI в. подтвердил, что в основе данного кризиса лежит социальная напряженность, постоянно подпитываемая недоверием со стороны всех слоев гаитянского общества к правительству и национальным институтам. Поэтому для разрешения данного конфликта

необходим всеобъемлющий национальный диалог как необходимое условие для достижения прогресса в политической, социальной и экономической сферах.

Миротворческое участие ООН в Гаити позволило накопить определенный опыт в части стабилизации обстановки в сфере безопасности, реализации программ разоружения, демобилизации и реинтеграции бывших участников вооруженных формирований и ассоциированных с ними лиц, полицейского реформирования.

С положительной стороны возможно отметить гаитянский опыт реформирования и развития местной полиции при участии международных организаций и доноров. Рост профессионализма ГНП и прогресс в сфере поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью были достигнуты только благодаря многолетней масштабной международной помощи. При планировании помощи внешних факторов важно учитывать не только потенциал международных доноров, но и возможную разновекторность интересов внешних акторов и ориентаций местных элит и истеблишмента ввиду специфики политических и культурных особенностей местного населения.

Следующим положительным уроком может стать использование потенциала ППК Отдела Полиции ООН для оптимизации деятельности полицейских компонентов на этапе завершения / трансформации МООНСГ.

В настоящее время для устранения коренных причин нестабильности, уязвимости и небезопасной обстановки требуется дальнейшее международное присутствие под эгидой ООН. При этом необходима смена формата миротворческого присутствия в стране к миростроительным действиям, направленным на уменьшение риска возобновления конфликта путем укрепления национальных возможностей по управлению конфликтной ситуацией и строительству фундамента для устойчивого мира и развития.

В случае успеха переход присутствия ООН в Гаити от операции по поддержанию мира к миростроительным действиям, направленным на долгосрочную стабильность и развитие, мог бы служить примером для разрешения других внутренних конфликтов, подпитываемых давними экономическими, социальными и политическими разногласиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Совет Безопасности принял решение направить на Гаити Временные многонациональные силы. URL: news.un.org/ru/story/2004/03/1050301 (дата обращения: 12.12.2019).
- Старовойт О. Е., Чепкунас Л. С., Коломиец М. В.* Сейсмическая трагедия на Гаити // Земля и вселенная. 2010. № 2. С. 107–109.
- Соколов Ю. И.* Катастрофы начала XXI в. // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2011. Т. 1. № 1 (1). С. 90–95.
- Вспышка холеры в Гаити. URL: www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/emergency.shtml (дата обращения: 05.10.2019).
- Степанченко А. А.* Понятие и становление деятельности по постконфликтному миростроительству // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 122–125.
- Воркунова О. А.* Миростроительство в системе обеспечения региональной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 3 (787). С. 9–27.
- Потоков Н. Н.* О некоторых аспектах взаимодействия международных и национальных институтов в процессе формирования и развития национальной полицейской службы Гаити // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 187–192.
- Тишков С. А.* Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15 (264). С. 175–182.
- Бригиневич А. А., Слинко А. А.* Деятельность миссии ООН по стабилизации в Гаити // Социально-политические процессы в современном мире: Взгляд молодых : материалы Третьей студенческой науч.-практ. конф. Воронеж : Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2018. С. 21–23.
- Вербилев А. Ф., Опарин К. Ю., Созина А. Ю.* От MINUSTAH к MINUJUSTH: основные направления деятельности гражданского полицейского миротворческого контингента в Республике Гаити // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 61–65.
- Эшмаков А. Я.* Опыт полицейского по охране гуманитарных конвоев в Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити // Оперативник (сыщик). 2018. № 1 (54). С. 64–67.
- МООНСГ – фактологический бюллетень. URL: peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (дата обращения: 12.12.2019).

- Сайт МООНППГ. URL : minujsth.unmissions.org/programme-accompagnement-et-conseil-les-officiers-de-police-individuels-se-forment-aux-techniques-de (дата обращения: 12.12.2019).
- Nohlen D.* Elections in the Americas: A data handbook, Vol. 1. North America, Central America, and the Caribbean, NY : Oxford University press, 2005. URL: bookre.org/reader?file=1175949&pg=399 (дата обращения: 12.12.2019).
- MINUSTAH Background. URL: www.un.org/en/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml (дата обращения: 12.12.2019).
- SPC News. January 2017. URL: police.un.org/sites/default/files/spc-news_jan17.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
- The 24 months of MINUJUSTH. URL: minujsth.unmissions.org/sites/default/files/final_pdf_24_months_of_minujsth_v_optimized.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

REFERENCES

- Sovet Bezopasnosti prinjal reshenie napravit' na Gaiti Vremennye mnogonacional'nye sily. URL: news.un.org/ru/story/2004/03/1050301 (дата обращения: 12.12.2019).
- Starovojt O. E., Chepkunas L. S., Kolomiec M. V.* Sejsmicheskaja tragedija na Gaiti // *Zemlja i vseennaja*. 2010. № 2. S. 107–109.
- Sokolov Ju. I.* Katastrofy nachala XXI veka // *Strategija grazhdanskoj zashhity: problemy i issledovanija*. 2011. T. 1. № 1 (1). С. 90–95.
- Vspyshka holery v Gaiti. URL: www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/emergency.shtml (дата обращения: 05.10.2019).
- Stepanchenko A. A.* Ponjatie i stanovlenie dejatel'nosti po postkonfliktnomu mirostroitel'stvu // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2016. № 1. S. 122–125.
- Vorkunova O. A.* Mirostroitel'stvo v sisteme obespechenija regional'noj bezopasnosti // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki*. 2017. № 3 (787). S. 9–27.
- Potokov N. N.* O nekotoryh aspektah vzaimodejstvija mezhdunarodnyh i nacional'nyh institutov v processe formirovanija i razvitija nacional'noj policejskoj sluzhby Gaiti // *Obshhestvo i pravo*. 2017. № 4 (62). S. 187–192.
- Tishkov S. A.* Opyt i uroki missii OON po stabilizacii v Gaiti po sokrashheniju nasilija i prestupnosti v processe formirovanija osnov postkonfliktного vostanovlenija // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. 2017. № 15 (264). S. 175–182.
- Briginevich A. A., Slin'ko A. A.* Dejatel'nost' missii OON po stabilizacii v Gaiti // *Social'no-politicheskie processy v sovremennom mire: Vzglyad molodyh*.

- Materialy 3-ej studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh : Redakcionno-izdatel'skij otdel Voronezhskogo filiala RANHiGS, 2018. S. 21–23.
- Verbilov A. F., Oparin K. Ju., Sozina A. Ju.* Ot MINUSTAH k MINUJUSTH: osnovnye napravlenija dejatel'nosti grazhdanskogo policejskogo mirotvorcheskogo kontingenta v Respublike Gaiti // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 61–65.
- Jeshmakov A. Ja.* Opyt policejskogo po ohrane gumanitarnyh konvoev v Missii Organizacii Ob#edinjonnyh Nacij po stabilizacii v Gaiti // Operativnik (syshhik). 2018. № 1 (54). S. 64–67.
- MOONSG – faktologicheskij bjulleten'. URL: peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (data obrashhenija: 12.12.2019).
- Sajt MOONPPG. URL: minujusth.unmissions.org/programme-accompagnement-et-conseil-les-officiers-de-police-individuels-se-forment-aux-techniques-de (data obrashhenija: 12.12.2019).
- Nohlen D.* Elections in the Americas: A data handbook, Vol. 1. North America, Central America, and the Caribbean, NY : Oxford University press, 2005. URL: bookre.org/reader?file=1175949&pg=399 (data obrashhenija: 12.12.2019).
- MINUSTAH Background. URL: www.un.org/en/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml (data obrashhenija: 12.12.2019).
- SPC News. January 2017. URL: police.un.org/sites/default/files/spc-news_jan17.pdf (data obrashhenija: 25.09.2019).
- The 24 months of MINUJUSTH. URL: minujusth.unmissions.org/sites/default/files/final_pdf_24_months_of_minujusth_v_optimized.pdf (data obrashhenija: 12.12.2019).

УДК 327.8

Ю. В. Синчук

доктор политических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ИДЕАЛОВ ЗАПАДА И США – «ЗАХВАТ БУДУЩЕГО» ЧЕРЕЗ «ЗАХВАТ ПРОШЛОГО»

В статье рассматривается феномен интерпретации информации для достижения своих политических задач различными акторами на мировой политической арене, а также тенденция искажения прошлого, существенного изменения смысла и нравственных факторов в оценке исторических событий с целью «захвата» информационного пространства настоящего. Описываются способы ведения информационной войны, направленной на подрыв культурных ценностей общества, путем дезинформации, подмены понятий, искажения истории. Процесс мифотворчества представлен как инструмент политического влияния и управления обществом.

Ключевые слова: информационная война; информационное пространство; информационное оружие; миф; мифотворчество; атомизация.

J. V. Sinchuk

Doctor of Political Science (Dr. habil), Prof.,
Head of the Department of History and Theory of International Relations Institute of
International Relations and Socio-political Sciences (Faculty),
Moscow State Linguistic University;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

THE HISTORICAL MYTH-MAKING OF THE IDEALS OF THE WEST AND THE USA IS «CAPTURE OF THE FUTURE» THROUGH «CAPTURE OF THE PAST»

The article discusses the phenomenon of interpreting information to achieve their political goals by various actors in the world political arena, as well as distorting the past, significantly changing the meaning and moral factors in the evaluation of historical events in order to “capture” the information space of the present. The article describes the methods of waging information warfare aimed at undermining the cultural values of society, through misinformation, substitution of concepts, distortion of history. The process of myth-making is considered in detail as an instrument of political influence and social management.

Key words: information war; information space; information weapons; myth; myth-making; atomization.

Введение

В современном мире – мире информационном – тот, кто владеет информацией, тот владеет силой. Информационное оружие – давно не миф, а реальность, что позволяет использовать его при совершенно разных обстоятельствах и масштабах: для изменения направления общественной мысли, корректировки политического курса различных оппозиционно-настроенных меньшинств, партий и даже государств.

США опубликовали директиву в 1978 г., в момент развязывания «холодной войны», частью которой была война информационная. Она подразумевала как можно сильнее подавить СССР в политической и военной сфере, поставить нашу страну в экономическую зависимость на максимально невыгодных условиях. Координация всех средств по подрыву политических и экономических возможностей, а также воли противника стояла за информационной частью этой доктрины. Но при всех деяниях США в документе специально оглашалось, что ответственность за снижение уровня благополучия в России лежит не на политике США, а на самом объекте [Containment. Documents of American Policy and Strategy 1945–1950].

Сначала идеи должны охватить массы, поглотить их полностью, и только после этого их можно назвать материальной силой. Поэтому успех комплекса информационной обработки напрямую влияет на ключевую значимость внедряемой идеи в массы. 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности Соединенных Штатов Америки принял директиву под номером 20/1 «Цели США в отношении России». В этот же период и зародилось понятие информационных войн.

Термин «информационная война» впервые рассмотрел С. П. Расторгуев. Он писал, что информационная война – прежде всего воздействие любого характера – скрытого или открытого – с одной лишь задачей – получить материальный выигрыш путем целенаправленного взаимодействия информационных комплексов. Наиболее действенными являются скрытые операции, направленные на изменение психологического состояния объекта. Чаще всего такие сложные комплексные операции направлены на массовое гражданское сознание и систему социальных отношений [Расторгуев 1998].

Даже геополитические кризисы можно разрешить без единого выстрела с помощью информационных технологий. Главными средствами ведения информационной войны являются средства идеологии, пропаганды, психологического воздействия. Часто в самых скрытых формах Запад во главе с США интенсивно занимается переустройством миропорядка путем закрепления своих позиций в конфронтационных сферах. Безусловно главными преследуемыми целями этой деятельности являются в первую очередь модификация традиций и устоявшихся обычаев, национальной культуры, прерывание преемственности нравственных идеалов и национальных ценностей, уничтожение исторической памяти. Конец идейного сопротивления означает победу в информационной войне. Изменяются национальные понятия, традиции и обычаи, происходит замещение стиля управления и его типа.

Когда происходит «утечка мозгов», наносится двойной ущерб, потому что теряется не только энное число специалистов, но и ресурсы, потраченные на их рост. Заключительным шагом в закреплении успеха становится появление своих «агентов влияния» среди правящих элит противника.

Информационно-смысловой удар наносится с целью дезориентации, за ним следует информационно-эмоциональный, чтобы нарушить восприимчивость объекта. После этого необходимо стереть черту между хорошим и плохим, пошатнуть нравственные ценности. Тут используют информационно-нравственный удар. Пожалуй, самый действенный и губительный – информационно-исторический удар. Он наносится с целью полного уничтожения исторических корней, любых возможных доказательств существования мнения иного, нежели навязываемое. Под действием всех этих информационных ударов общественное сознание будет готово следовать указаниям субъекта, беспрекословно повинуваясь, не имея ни малейшего шанса на отпор, так как социальная идентичность общества полностью уничтожена, а возможности на ее возрождение – исторические корни – забыты. Таким образом человек лишается всех своих культурно-нравственных ценностей и становится легко подверженным влиянию извне. В конечном счете в таком обществе напрочь исчезает способность реагировать на что-либо или чувствовать что-то.

Информационная война обладает рядом специфических форм. Многие говорят о войне информационно-психологической, другие делают акцент на аспекте политическом и называют ее

психологополитической. Но чаще сходятся на едином названии – информационная война. Сегодня на человека можно воздействовать при помощи четырех рычагов: *заражение, внушение, подражание и убеждение*.

Самая простая ложь должна быть завуалированной, ее нужно прятать от глаз обывателей – например, бесчеловечно-жестокие авиаудары называют гуманитарными или антитеррористическими, когда в ход идут заранее неверные схемы логики. В таком случае малую долю феномена отождествляют с целым явлением, а незначительную его характеристику, проявляющуюся очень редко и несущественно, выдают за его главную черту; информацию о факте заведомо выдают искаженной, а сам факт предпочитают скрыть или переместить его в другой временной промежуток. Наряду с этим одна неправда заменяет собой другую с целью отвлечь от предыдущей. Это позволит не заострять внимания на лжи. Повтор информации обеспечивает правдивость лжи, т. е. многократно повторенная ложь становится истинной, так как другого мнения просто нет. Это могут различные умышленные вбросы фейковой информации, специально дезориентирующие вектор общественной мысли, псевдоуточки «ценной и закрытой» информации, меняющие направление мышления общественных масс.

Самыми действенными являются хорошо продуманные и спланированные конструкции блефов, мифов. Они направлены на влияние на ход мыслей человека, что в конечном итоге приводит к изменению в принятии решения. Несмотря на то, что человек сам взвешивает все «за» и «против», в его доводах уже кроется ложь. Такая дезинформация, направленная на общественное сознание, в зависимости от ее серьезности и уровня значимости, может вызвать подрыв целых инфраструктур и различных сфер функционирования общества. Часто целенаправленное воздействие на один объект может вызвать колоссальные последствия в целом государстве и даже континенте.

Благодаря многоходовым комбинациям, способным увлечь сознание и дезориентировать его, манипулятор приводит его к заранее запланированному результату. Такие сложные комбинации основываются на психологии, ментальных особенностях общества, другими словами, на перепрограммировании сознания общественных масс.

Информационное вмешательство в управление технологическими процессами может стать результатом крупных техногенных катастроф на территории врага. Этому способствуют различные тактики

«затупления врага», например: внедрение неэффективных методов обучения, приобщение к модельной системе образования, лишаящей общество национальной идентичности, способности на самовыражение, способности мыслить критически, задаваться вопросами о значимости навязываемого мнения. Все эти факторы искусственно тормозят развитие общества, превращая в послушное стадо, заведомо пуская по неэффективному пути обучения. Избавляются от профессионалов и тех, кто способен рационально оценивать ситуацию, разрушая профессиональные системы и поощряя дилетантов. Логика сменяет постмодернистский дискурс, а саму науку – утопия.

Путем создания ложных моделей формируются подрывные акции. Например, продвижение заведомо провальных идей в образовании, поощрение бесперспективных профессий и специальностей, перенасыщение тупиковых отраслей экономики. К этому списку можно также добавить устранение профессиональных кадров, с целью замещения их на менее компетентных – «своих», с помощью вброса сфабрикованных компрометирующих фактов. Извращение истории народа есть не что иное, как информационная война с исторической укорененностью исторического самосознания. Таким образом ставятся под сомнения нормы нравственности в оценках исторических событий, а значит и предметы национальной гордости, что подрывает целостность единства общества.

Информационная война имеет и свое историческое измерение. Внедрение вражеских стереотипов производится путем их многократного повторения через разные каналы подачи информации. Одно из основных направлений пропаганды – «захват будущего» через «захват прошлого». В докладе «Тенденции, особенности и перспективы “захвата будущего” в современном информационном противоборстве по оси “Восток – Запад”» Генеральный директор Центра политической информации А. Мухин обратил внимание на то, что историческое мифотворчество является одним из важнейших инструментов формирования сознания людей. «Захват будущего» осуществляется через «захват прошлого». Историческое мифотворчество идеалов Запада и США – один из важнейших инструментов в информационной войне.

Миф – инструмент, позволяющий индивиду выйти из общественной массы. Мифотворчество существовало на протяжении всего времени как явление общественной реальности и стало методом формирования общественного сознания.

Обыденное сознание сформировано из мифов. Мифы как примеры героизма народа, примеры для подражания. Мифологическое мышление является важной частью жизни человека, оно сопутствовало человечеству на протяжении всего его существования, несмотря на великие научно-технические открытия.

В мифах заключен многовековой опыт человеческого выживания. Впрочем, для кого-то мифологизация осуществляется через банализацию стереотипов, когда человек, не задумываясь, принимает то, что при внимательном рассмотрении его разум должен был бы как минимум поставить под сомнение. Для других миф представляет собой нечто более поэтичное, например, в трактовке Самуэля Франца миф – это «вечный праздник ума, торжествующего над косностью сознания, первоистория, восходящая к глубинам памяти» [Мифы и легенды народов мира 2007, с. 5].

Главное одно – миф возникает там, где мы осознаем чью-то ценность или значение. Так, выстраивая системную связь между миром фактов и миром знаков, миф проступает через наше отношение к ним, благодаря которому мы сортируем информацию на имеющую знаковый смысл для нас или нет.

Стоит отметить, что мифотворчество строится на образно оформленных аналогиях. И искать их не надо. Они сами находят нас, чтобы стать частью нашего сознания. Вот почему даже древние мифы не уходят из нашей жизни, в той или иной форме присутствуя в сознании, привычно воспроизводя основанный на архетипах своеобразный мифологический механизм. Ключевыми в данном описании являются архетипичность мифа, зависимость его происхождения от устоявшихся моделей поведения общества, а также от его ценностей и идеалов. Манипуляция нередко закладывается в фундамент политического мифа – мощного средства воздействия на сознание аудитории, программирующего ее ценности, предпочтения, мнения и оценки актуальных событий.

Миф овладевает внутренним миром человека, программирует его и управляет человеком, помещая его в особую мифологическую реальность. И этим активно пользуются политики, политтехнологи, партии, рекламисты, пиарщики, различные объединения для манипуляции общественным сознанием. Мифы, используемые в информационно-психологической войне, несут глубокую опасность. Чуждые, враждебные мифы изменяют массовое сознание народа. Для того, чтобы создать какой-либо миф, необходимо досконально знать почву,

на которую он будет наноситься, понимать мышление масс и чего они желают, что идеализируют. Политтехнологи вместе с социологами и психологами изучают как свое общество, так и общество потенциального противника, чтобы в нужный момент на основе архетипов общества создать новые, когерентные мифы, которые будут отклонять вектор развития общества в необходимую сторону.

Особенно популярен у западных идеологов миф о России как об агрессоре на протяжении всей своей истории. Данным миф регулярно напоминает о себе в СМИ, так, например, на столетие начала Первой мировой войны в эфире ВВС именно Россия названа «агрессивным агрессором», которая руками Сербии развязала кровопролитную войну в своих интересах. Данный миф некогда представлял собой страх потерять нажитый капитал, а теперь нежелание слушать Россию и присмотреться к альтернативной модели развития мирового сообщества.

Долгие годы в США эксплуатировался миф об угрозе со стороны СССР, несмотря на то, что СССР никогда не планировал нападать на территорию США, он лишь хотел ограничить влияние оппонента в мире и предложить странам альтернативный путь развития.

Современные утверждения США о России – агрессоре, российской ядерной угрозе – миф. Ведь именно США подрывают все соглашения по контролю над вооружениями. В то время как суммарный потенциал ядерного оружия России уже ниже предусмотренного договором СНВ-3¹. Но, поскольку американцы с момента создания собственного государства верят в свою исключительность и уникальность, любая мера противодействия им будет восприниматься агрессивно практически во всех слоях населения страны. Так и получилось – американское правительство, осознавая, что население практически единогласно поддерживает идею «избранности Богом» американского народа, внедрило в политический дискурс и в новостные ленты СМИ понятие «красной угрозы» и прочих ярких образов идеологического врага.

Созданные мифы вызвали и вызывают максимально положительный отклик в массовом сознании американцев, и правительство США более не нуждалось в объяснении каждого шага перед СМИ и общественностью, последние сами создают образ зла мирового масштаба, на борьбу с которым можно и нужно тратить колоссальные средства.

¹Рябков. Утверждения США о российской ядерной угрозе – это миф // Российская газета, 26.04.2019. С. 19–20.

Другим примером мифотворчества США и западных стран являются мифы не среди собственного населения, а созданные непосредственно для советского, а сейчас российского населения. Так для советских людей посредством радиостанций и немногих людей, выезжавших за границу, распространялись мифы о загадочности, необычности заграничного мира. Расчет состоял в том, что советское правительство будет запрещать слушать радиовещание «врага», просмотр его телепередач, требовать минимизировать контакты с иностранцами. Расчет оправдал себя как нельзя лучше: у советского населения возникало непреодолимое желание узнать, о чем же таким говорят в западных СМИ и на западных радиостанциях, а позже обсудить услышанное на кухне, выполняя функцию сарафанного радио.

Как результат – за последние десятилетия произведена перекодировка сознания россиян. С помощью западных и российских средств массовой информации шло развенчание идеалов народа России и насаждение чуждых мифов. В результате мифотворчества была проведена мощная антироссийская агитация россиян в пользу убеждения отсутствия изъянов на Западе. Следствием чего стал распад СССР, а переход к капитализму привел к хаосу в экономике.

Западу удалось извлечь выгоду из информационной войны с Россией еще в девяностые годы. У него получилось внедрить в умы россиян прозападные русофобские настроения. В результате чего получил от России свободный рынок, поставку ресурсов на невыгодных для России условиях, «утечку российских мозгов», содействие во внешнеполитической сфере, а также одностороннее разоружение.

Что особенно важно, все эти важные политические и экономические цели достигаются путем вливания в агитацию относительно небольших денег и сил. В то время как на информационную войну против России расходуются ежегодно всего лишь сотни миллионов долларов, в девяностые годы прибыль от ограбления лежащей в нокдауне России измерялась сотнями миллиардов.

Современные мифы о западе по-прежнему будоражат умы российских граждан. Темы этих мифов нескончаемые: о миролюбивой и честной западной политике, о свободных и честных западных СМИ, об отсутствии коррупции на Западе, о добрых западных полицейских и соблюдении прав человека, о чудесах западной экономики, на Западе нет бедности, на Западе всё качественно и очень дешево, на Западе свободная экономика и честная конкуренция, на Западе все живут

лучше только потому, что они более трудолюбивые и эффективные, Запад привнес цивилизацию в страны, которые он колонизировал [Мифы о Западе URL].

Сейчас среди американского и западного в целом истеблишмента набирает популярность мифотворчество в области истории. Именно они призваны очернить образ страны, заставить обывателя поверить в то, что «положение дел удручающее» и необходимо «срочно покидать страну». Вызываются к жизни и конструируются как имеющие место быть, но гипертрофированные иностранной пропагандой недостатки, так и не имеющие реальной основы за собой лживые идеи. Для трансляции мифов используются институты образования, науки, издаются исторические учебники, пишутся псевдонаучные статьи. Широко используется ресурс телевидения и кинематографа.

Сила мифа и последствия его воздействия на массовое сознание выражаются в общем отуплении сознания, в угнетении способности к критическому мышлению и непредвзятому восприятию и анализу информации, в тех выводах, которые делает человек, попавший под информационное воздействие мифа. Неспособность критически мыслить порождает тип манипулятивного сознания, которое наиболее предрасположено к восприятию навязываемой информации, особенно той, которая полностью или частично является ложной.

Западные идеологи пытаются всячески исказить историю российского государства, роль России в мире, повернуть события, факты против чести России. Так, польский президент Анджей Дуда обвиняя Россию, как государство-наследника СССР, в развязывании Второй мировой войны с фашистской Германией, на заседании Совбез ООН (3 декабря 2019 г.) выступил против России и за сохранение санкций в отношении России. По его заявлению: «1 сентября [1939 года] на Польшу напали войска вермахта, а 17 сентября – Советский Союз, союзник гитлеровской Германии. Польша исчезла с карты мира».

Фальсификация истории Второй мировой войны в заявлениях президента Эстонии Керсти Кальюлайд, которая также призвала Москву разделить вину с гитлеровской Германией за развязывание войны, окончание которой Россия «затормозила» на полвека. По ее словам, Вторая мировая для ее страны завершилась после того, как российские войска покинули территорию республики. О том, что многие эстонцы в 1940-е гг. перешли на сторону нацистов, глава государства предпочитает не вспоминать. Забыла о своем сотрудничестве

с Третьим рейхом и Болгария – страна, которая с апреля 1941 по сентябрь 1944 г. была активным союзником нацистской Германии.

США вовсе пытаются умалить, свести на нет победу Советского народа в войне против нацизма. В одном из музеев США, посвященном Второй мировой войне, экспозиция говорит о героизме Штатов и американского народа, выделив в музее лишь отдельный уголок «для коммунистов».

Сами западные страны предпочитают не вспоминать былые грехи. В 1938 г. в столице Баварии был заключен пакт, вошедший в историю как «Мюнхенский сговор», согласно которому Судетская область Чехословакии отходила Германии. Свои подписи под этим соглашением поставили не только представители Третьего рейха и Италии, но и Франции вместе с Великобританией. В западной историографии заключение этой сделки называют итогом политики умиротворения, целью которой было с помощью уступок не допустить в Европе начала новой мировой войны. Одних Судет Германии оказалось мало, и уже в марте 1939 г. она оккупировала всю Чехословакию. Советский Союз, понимая исходящую от Берлина угрозу, неоднократно предпринимал попытки сформировать «антигитлеровскую коалицию коллективной безопасности». 17 апреля 1939 г. СССР предложил Великобритании и Франции заключить соглашение о взаимной помощи, предусматривающее также оказание поддержки странам Восточной Европы в случае агрессии против них. Однако заключать союз с Москвой ни в Лондоне, ни в Париже не собирались.

Попытка пересмотра исторических событий, прошлого народа негативно сказывается на будущем, на молодом поколении. Общество терзает страх перед трагедией войны и возникает опасность нового глобального кризиса. Провокационным является заявление немецкой газеты *Die Welt* о том, что, крупнейшее танковое сражение Второй мировой – триумф Красной Армии под Прохоровкой 12 июля 1943 г. – никакой победой и не был, а монумент в память о советских танкистах и вовсе пора снести. Издание ссылается на фотографии, неожиданно обнаруженные немецкой разведкой. Военный историк Карл-Хайнц Фризер из Германии и его британский коллега Бен Уитли считают, что Красная Армия под Прохоровкой понесла катастрофическое поражение.

Позиция России – совершенно недопустимы любые попытки пересмотра итогов войны, искажения истины, оправдания фашизма и его приспешников. Чем дальше от нас события Второй мировой войны,

тем выше наша ответственность – и государственная, и личная – за то, чтобы ее горькие уроки и подвиги никогда не были забыты, – заявил Президент России Владимир Путин¹.

В результате мирно протекающей глобализации большая часть медийного пространства занята западной продукцией. Так, например, россияне с приходом интерактивного ТВ перешли на зарубежные сервисы, транслирующие телешоу, так как отечественные стали их официальными дистрибьюторами. То же самое происходит в литературной, музыкальной и многих других областях культуры. Отсюда можно сделать вывод: при целенаправленном воздействии на культуру противника и дальнейшем ее замещении своими ценностями и идеалами объект воздействия в итоге их принимает, а значит проигрывает в информационной войне. Негативную роль в информационном противоборстве по «захвату будущего» выполняет и некритическая замена слов родного языка словами иностранными. Абсолютной синонимичности не существует: слова обычно связаны с целыми «кустами» смысловых ассоциаций, психоментальных привязок, и замена слов может становиться заменой привычных культурных опосредований и смысловых апелляций, часто имеющих и традиционную укорененность.

Особенностью нашего времени является проблема самоидентификации личности. Из-за постоянного воздействия «мягкой силы» объект приравнивает себя к определенному навязанному психотипу, абсолютно не имеющему отношения к его собственной социально-культурной принадлежности. Соответственно подменяются идеалы и рушатся культурные ценности общества.

Отождествление своих интересов с интересами группы людей, имеющих противоположные, в итоге приводит к раздвоению восприятия действительности. Человек уже не может рационально обдумывать свои решения, не задумываясь о реальной полезности своего конечного выбора. Таким образом на территории враждебного государства с помощью таких техник можно лоббировать свои интересы,

¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: nac.gov.ru/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta/ukaz-prezidenta-rf-ot-5-dekabrya-2016-g-no-646.html (дата обращения: 15.02.2020).

Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 10.02.2020).

подрывать местный миропорядок и навязывать свой собственный. Включение механизмов ложной идентификации заставляет людей с, казалось бы, общими целями встать друг против друга.

Глобализация все больше походит на глобофашизм. Цинизм стал неотъемлемой частью человеческого существования. По телеэкранам транслируют аморальные шоу, пропагандирующие насилие, заведомо закладывающие в сознание людей зерно агрессии, желания воплотить в жизнь увиденное. И это не только по ТВ, но и в литературе, музыке, искусстве – всюду. Человеческая идентичность унифицируется, происходит национальное обезличивание, а это чревато коллапсом корневой системы национальных ценностей, социальных институтов культуры общества.

Заключение

Современное информационное общество при своем постоянном контакте на самом деле разделено на так называемые человеческие атомы, которые не смогут объединиться в силу искусственно выведенных системных преград.

Атомизация общества, основанная на стимулировании крайнего индивидуализма, фабрикует **атомизированного** массового человека, растворенного во вненациональной массовой культуре, лишенного выработанной обществом системы ценностей, социальных привязок и ориентиров. Это своего рода нравственно-психологический люмпен с **анестезированной** телевидением / Интернетом душой. Поэтому речь при этом может идти не о едином человечестве, но лишь о формировании человеческой мегатолпы, послушной управлению мегавласти.

Мировое население специально отупляют в целях беспрепятственной его манипуляции. Как и раньше в литературе, на ТВ, а теперь и в интернете формируются новые программы агитации и пропаганды, приводящие к массовому зомбированию.

Манипуляция сознанием, через призму создания нужной картины мира, приводит общество к шизофринезации. Так как у людей создается двоякое чувство всего, обывателю начинает казаться, будто эпоха, в которой он живет, наихудшая из всех.

Вскоре у общества появляется шаблонное мышление, а следовательно им легче управлять. Но при беспрекословном повиновении средства контроля становятся всё более антигуманными, чтобы усугубить и без того зомбированное общество.

Изменения порождают изменения. Так в современных информационных войнах средством поражения и одновременно оружием являются культурные формы, ценности, нормы морали и т.п. Его использование влияет на массы сознания людей, разрушает ментальную систему общества, устои и обычаи, перекодирует систему нравов. Оно в состоянии исказить карту не только реального мира, но и заставить усомниться в истории, что приведет к коллапсу национальной идентичности, а после государства.

Еще одним поражающим свойством информационного оружия является вызов психологического стресса через окружение общества бессмысленным информационным шумом, ненужной дезориентирующей информацией.

Информационные войны должны закончить разделение мира, пройдясь по последнему, что осталось у человека, – интеллекту.

Продуктивное функционирование современного мифа, идеационных моделей получает материализацию в различных формах и культурных артефактах. Среди этих форм выделяются идеологии, социальные и политические движения, массовое искусство, рекламная продукция, индустрия развлечений и массовых зрелищ, которые вносят в культуру новую семантику, связанную с развитием общества потребления. Без сомнения информационные технологии, развивающиеся с каждым годом, являются главным фактором информационного давления. В современном обществе за информационным шумом ныне сложно разглядеть истину. Есть проблема информационного голодания.

Благодаря современному мифу обществу показывают желаемую картину мира. На эту цель направлена деятельность масс-медиа через постоянную актуализацию мифов, не давая обществу выйти из рамок мифотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мифы и легенды народов мира. Библейские истории. М. : Мир книги : Литература, 2007. 463 с.
- Мифы о Западе. URL: ruxpert.ru (дата обращения: 10.02.2020).
- Расторгуев С. П. Информационная война. М. : Радио и связь, 1998, Ч. 5. 415 с.
- Синчук Ю. В. Информационная война: теоретические и методологические основы // Электронный журнал «Вестник Юридического института МИИТ». 2013. № 2. С. 118–128.

- Панарин И. Н.* Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб. : Питер, 2010. 54 с.
- Синчук Ю. В.* Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 25 (631). С. 201–221.
- Синчук Ю. В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность 2012. № 3 (19). С. 60–66.
- Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305–314.
- Containment. Documents of American Policy and Strategy 1945–1950 / ed. by T. Etzold, J. Gaddis. NY., 1978. URL: www.socionauki.ru/journal/articles/136100/ (дата обращения: 12.2019).

REFERENCES

- Mify i legendy narodov mira. Biblejskie istorii. M. : Mir knigi : Literatura, 2007. 463 s.
- Mify o Zapade. URL: ruxpert.ru (data obrashhenija: 10.02.2020).
- Rastorguev S. P.* Informacionnaja vojna. M. : Radio i svjaz', 1998, Ch. 5. 415 s.
- Sinchuk Ju. V.* Informacionnaja vojna: teoreticheskie i metodologicheskie osnovy // Jelektronnyj zhurnal «Vestnik Juridicheskogo instituta MIIT». 2013. № 2. S. 118–128.
- Panarin I. N.* Pervaja mirovaja informacionnaja vojna. Razval SSSR. SPb. : Piter. 2010. 54 s.
- Sinchuk Ju. V.* Sovremennye vyzovy i ugrozy Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo kniversiteta. 2011. Vyp. 25 (631). С. 201–221.
- Sinchuk Ju. V.* Rossiya i osnovnye geopoliticheskie sily v sovremennom mire // Geopolitika i bezopasnost' 2012. № 3 (19). S. 60–66.
- Sinchuk Ju. V.* Geopoliticheskie vyzovy i ugrozy sovremennoj Rossii // Bezopasnost' Evrazii. 2011. № 1. С. 305–314.
- Containment. Documents of American Policy and Strategy 1945–1950 / ed. by T. Etzold, J. Gaddis. NY., 1978. URL: www.socionauki.ru/journal/articles/136100/ (data obrashhenija: 12.2019).

УДК – 327.7

И. К. Харичкин, П. В. Самаров

Харичкин И. К., доктор философских наук, профессор;
профессор кафедры политологии Института международных
отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: harichkin@starlink.ru

Самаров П. В., кандидат военных наук, доцент;
доцент кафедры Военной академии
Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: pvs291189@gmail.com

МИРОТВОРЧЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье исследуется миротворческая деятельность России и кризисное урегулирование НАТО с точки зрения реализации их геополитических целей и установок. Обосновывается позитивное влияние российского национально-государственного миротворчества на международную обстановку и раскрываются его основные характерные черты, способствующие формированию без политизации более эффективной и кризисоустойчивой мировой системы. Аргументируется агрессивная природа модели кризисного урегулирования Запада, реализующая под предлогом «защиты демократии, универсальных ценностей и прав человека» эгоцентричные национальные и блоковые интересы. Речь идет и о перспективах сотрудничества между Россией и НАТО в сфере международной миротворческой деятельности и необходимости многовариантности отечественных миротворческих операций.

Ключевые слова: миротворчество; конфликт; постсоветское пространство; черноморский регион; национальные интересы; национальная безопасность.

I. K. Kharichkin, P. V. Shamarov

Kharichkin I. K., Doctor of Philosophy (Dr. habil), Prof.;
Professor at the Department of Political Science,
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: harichkin@starlink.ru

Shamarov P. V., PhD (Military Sciences), Assoc. Prof.;
Assoc. Prof. at the Department of the Military Academy
of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: pvs291189@gmail.com

PEACEKEEPING AS AN ELEMENT OF GEOPOLITICS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE NORTH ATLANTIC UNION

The article examines the peacekeeping activities of Russia and the crisis settlement of NATO in terms of the implementation of their geopolitical goals and objectives. The positive influence of the Russian national-state peacekeeping on the international situation is substantiated and its main characteristic features that contribute to the formation of a more effective and crisis-resistant world system without politicization are revealed. The aggressive nature of the model of crisis management in the West, which realizes egocentric national and bloc interests under the pretext of "protecting democracy, universal values and human rights," is argued. It is also about the prospects for cooperation between Russia and NATO in the field of international peacekeeping and the need for multivariance of domestic peacekeeping operations.

Key words: peacekeeping; conflict; post-Soviet space; Black Sea region; national interests; National security.

Введение

Европа (и особенно ее Черноморский регион) исторически имеет ключевое геостратегическое значение для консолидированного Запада, считающего, что контроль этой территории позволяет определять будущее всего континента и проецировать военную мощь как на Балканы и Центральную Европу, так и на восточный район Средиземноморья, Южный Кавказ и даже север Ближнего Востока [Flanagan, Chindea 2019]. Наличие в Черноморском бассейне трех членов альянса (Болгарии, Румынии, Турции) и ряда его стран-партнеров является для НАТО достаточным основанием позиционировать любые действия других акторов в регионе (в том числе России) в качестве непосредственно затрагивающих интересы альянса [Анастасов 2018 URL], поскольку они якобы реконфигурируют современную систему европейской безопасности [Flanagan, Chindea 2019].

В нашем понимании термин «международное сообщество» не аутентичен понятию «консолидированный Запад», даже с учетом текущего доминирования в ООН трансатлантических подходов в отношении так называемой дальнейшей эволюции цивилизованного мира.

В последнее время Черноморский регион привлекает особое внимание международного сообщества, поскольку становится ареной геополитического противостояния между Западом и Россией по поводу якобы бы «повышенной конфликтности» последней, прежде всего, с Украиной, и так называемой вовлеченности ее вооруженных сил в эту

«агрессию» [Flanagan, Chindea 2019, с. 4–6]. Всё это, по оценке НАТО, уже значительно снизило уровень региональной безопасности в Европе [Анастасов 2018 URL].

Учитывая внутриукраинскую природу указанного конфликта, приведенное утверждение, по нашему мнению, является спорным и требует уточнения сущности практики новейшего миротворчества России и НАТО с точки зрения их геополитического влияния в мире. Это и составляет предмет исследования данной статьи.

1. Миротворческая деятельность России

Военная доктрина Российской Федерации однозначно определяет участие нашей страны в международной миротворческой деятельности с позиции сдерживания и предотвращения военных конфликтов¹.

1.1. Цели российского миротворчества

Вместе с тем исследование отечественной миротворческой практики позволяет утверждать [Шамаров 2018], что задачи современной России в сфере миротворчества имеют значительно больший функционал, который в условиях осложненной геополитической обстановки в мире включает:

1) обеспечение национальной и внутренней безопасности страны, парирование всего спектра нынешних и перспективных вызовов и угроз, в первую очередь, вследствие размещения дополнительных войск и объектов НАТО вблизи границ России, в странах Балтии и Восточной Европе, наращивания военного присутствия альянса в Черном море [Герасимов 2019, с. 29];

2) поддержание региональной и глобальной стабильности и безопасности;

3) укрепление существующего миропорядка;

4) сохранение общепризнанной в мире системы международного права на основе верховенства положений Устава ООН².

В этой связи считаем, что отечественное миротворчество востребовано, в первую очередь, в СНГ – зоне исключительных национальных

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № Пр-2976 от 25.12.2014 г.), пп. 21 (р), 29–31 // Российская газета, 30.12.2014.

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждено Указом Президента РФ 30.11.2016 г.), п. 3 // Российская газета. 01.12.2016.

интересов России, а также в Черноморском регионе – единственной территории вне постсоветского пространства, где наше Великое (по своей уникально-самобытной и народно-державной сути, а также с позиции Мировых истории, культуры, наследия и географии) государство [Путин 2019] уже в XVIII в. четко определило свои геополитические приоритеты [Arbatov 2000].

Полагаем, что западные эксперты неслучайно заявили, что Россия стремится восстановить статус Великой державы и воссоздать в Черноморье зону своего национального влияния [Анастасов 2018 URL]. Здесь необходимо учитывать ту мировую аксиому, что «Россия не может быть государством, если она не будет суверенной» [Путин 2019]. А, как известно, суверенитет – это та геополитическая категория, которая предполагает наличие конкретных национальных интересов. Последние, в свою очередь, требуют активной защиты со стороны любого государства, проводящего «самостоятельный и независимый внешнеполитический курс»¹. Именно поэтому миротворческая деятельность выступает в качестве важного элемента геополитики современной России, направленного на продвижение и защиту за рубежом ее ключевых государственных интересов и обеспечение национальной безопасности.

1.2. Содержание миротворческой деятельности России

С учетом того, что эффективность внешней политики суверенно-го актора определяется оптимальным симбиозом его национальных и международных интересов, полагаем, что сущностное содержание отечественного миротворчества включает такие основные черты, как:

– возможность рационально-прагматического нивелирования для безопасности России всего спектра существующих и перспективных вызовов и угроз;

– двуединое интегративное сочетание международной миротворческой деятельности и регионального миротворчества, прежде всего на постсоветском пространстве;

– в ряде случаев специфичный национально-государственный характер, допускающий в чрезвычайной ситуации прямое вмешательство в конфликт на основе межгосударственных соглашений в целях срочной локализации кризиса для прекращения вооруженного

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждено Указом Президента РФ 30.11.2016 г.), п. 21, 52 // Российская газета. 01.12.2016.

противостояния, восстановления относительных стабильности и гражданского порядка в условиях всесторонней ответственности России за удержание мира без политизации и интернационализации этого процесса [Большаков, Зазнаев 2011, с. 107–109].

Полагаем, что последнее соответствует сложившейся мировой практике, в рамках которой с начала 2000-х гг. влиятельные мировые акторы в лице членов Совета Безопасности ООН и НАТО силовым путем свыше десяти раз вмешивались во внутренние конфликты других государств без мандата ООН [Никитин 2011]. Однако Запад не любит вспоминать этого, но продолжает критиковать Россию за ее участие в четырех так называемых затянутых конфликтах в Грузии, Молдове, Азербайджане и Украине [Flanagan, Chindea 2019].

Вместе с тем наша страна, хотя и выходит в своей миротворческой практике в ряде случаев за рамки классических принципов ООН, но при этом в обязательном порядке:

а) **гарантирует** прекращение «горячего» вооруженного противостояния;

б) **обеспечивает** условия для последующего политического урегулирования и миростроительства;

в) **стабилизирует** внутривнутриполитическую обстановку.

Всё вышеперечисленное и признается ООН в качестве главнейших целей миротворческих операций [Handbook on United Nations Multidimensional Peacekeeping Operations... 2003, с. 1–2] и обеспечивается сегодня Россией даже на территории Сирии [Герасимов 2019, с. 30].

1.3. Российское миротворчество – препон для геноцида

Ряд отечественных исследователей определяют российское национально-государственное миротворчество в качестве «своевременной политики предотвращения массового геноцида мирного населения», благодаря чему после распада СССР были спасены сотни тысяч мирных жителей, которые могли стать невинными жертвами конфликтов [Ерицян 2015, с. 44–47]. Полагаем, что именно с таких позиций следует оценивать легитимность конфликта РФ с Грузией в Южной Осетии в августе 2008 г., который до сих пор трактуется Западом как «прямой вызов установленному миропорядку» [Анастасов 2018 URL].

Считаем, что с международной точки зрения правомочно квалифицировать жертвы южноосетинского населения и потери российских

миротворцев в качестве, соответственно, попытки совершения геноцида по национальному признаку и вооруженного нападения на миротворческий контингент Вооруженных Сил России. Последнее преступление приравнивается к вооруженной агрессии против самого государства, отрядившего миротворцев в конфликтную зону, а попытка геноцида – достаточное правовое основание для жесткого силового подавления Россией этого тягчайшего, с точки зрения норм международного права, преступления Грузии [Шамаров 2016, с. 135–138].

Уместно напомнить, что руководство ООН не раз критиковало международное сообщество за отсрочку в организации внешнего подавления этнического геноцида в Руанде. При этом всем войнам под флагом «гуманитарных и других интервенций» свойственны значительные жертвы среди гражданского населения [Конышев, Кубышкин, Сергунин 2015, с. 55]. Россия учла этот печальный мировой опыт и не допустила повторения подобного в Южной Осетии.

Одновременно полагаем, что приоритетом отечественного руководства была и остается защита и поддержка за рубежом российских граждан и соотечественников, проживающих, в первую очередь, в странах СНГ¹. Именно они, как показывает региональный опыт кризисного урегулирования, первыми становились жертвами всех постсоветских конфликтов. А многие жители Южной Осетии на момент военной агрессии Грузии уже имели российское гражданство.

1.4. Повышение эффективности миротворчества России

Вышперечисленное, по нашему мнению, актуализирует потребность в рациональной адаптации внешней политики России к новым мировым реалиям², что требует реформирования института национально-государственного миротворчества страны с позиции реализации ее национальных интересов и приоритетного обеспечения национальной безопасности.

Это предполагает в том числе проактивную внешнеполитическую идеологию в целях повышения международного рейтинга России, ее миротворческого потенциала и влияния, основу которой

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждено Указом Президента РФ 30.11.2016 г.), п. 3 (з), 45 (д), 55 (а) // Российская газета. 01.12.2016.

² Там же, п. 24(а).

может составить мировая память о двух важнейших геополитических факторах. *Первый фактор* связан с исключительной ролью России с XVIII в. на Европейском континенте как защитницы славянства и православия, особенно в Черноморском регионе, *второй* – с глобальным значением в XX столетии СССР, ставшим реальной и достаточно успешной альтернативой субъектам западной цивилизации.

Влияние перечисленных факторов усиливает отсутствие общего восприятия в мире России в качестве «действительной угрозы национальной и глобальной безопасности» даже среди старейших стран НАТО, что в воинственной форме, по нашей оценке, присуще только балтийским постсоветским республикам, Украине, Грузии, Румынии, Польше и некоторым странам Запада [Беблер 2019, с. 216].

Одновременно следует учитывать и текущую «погруженность» ключевых государств исторического Запада (Великобритании, Франции и Германии) в решение серьезных проблем безопасности, связанных с выходом Лондона из ЕС, нелегальной миграцией, международным терроризмом, кризисным урегулированием на Африканском континенте и Ближнем Востоке [Flanagan, Chindea 2019].

Все это формирует, по нашей оценке, благоприятные возможности для усиления влияния Российской Федерации в мире в качестве значимого, суверенного, независимого и самодостаточного геополитического актора [Путин 2019], препятствующего становлению на международной сцене агрессивной монополярности на основе силового диктата¹.

2. Кризисное урегулирование НАТО

В свою очередь Североатлантический союз декларирует, с одной стороны, что Европа является зоной его исключительной и легальной прерогативы, в которой Черноморскому региону отводится роль юго-восточного фланга альянса, а с другой – достигает свои стратегические цели в мире с помощью односторонних силовых акций под видом миротворчества и укрепления всеобщей безопасности или под предлогом обеспечения универсальных прав человека, поддержки в других странах «процессов демократизации и евроатлантической интеграции» [Анастасов 2018 URL].

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016, п. 26 // Российская газета, 01.12.2016.

2.1. Цели «декларируемого миротворчества» НАТО

Сегодня в Брюсселе официально декларируется приверженность Североатлантического союза принципу мирного урегулирования споров. Но если дипломатические усилия остаются безрезультатными, НАТО проводит военные операции в рамках кризисного урегулирования в соответствии со ст. 5 (коллективная оборона членов альянса) Вашингтонского договора или согласно мандату ООН, самостоятельно или совместно с другими странами и международными организациями [Официальный сайт НАТО URL].

В ходе «проецирования стабильности и укрепления международной безопасности» альянс осуществляет, по сути, операции военной агрессии, которые игнорируют Устав ООН, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г, общепризнанные международно-правовые нормы [Герасимов 2019], а также учредительные документы самого блока. Всё это служит реализации, по нашей оценке, новейшего функционала НАТО, одной из задач которой Брюсселем идентифицирована «обеспечение... собственной авторитетности» [Анастасов 2018 URL]. Другими словами, авторитетность в современной геополитике, в понимании руководства НАТО, – это силовое доминирование и военно-политический диктат, ставящий национальную безопасность членов ООН в зависимость от уровня их отношений с Западом.

Вместе с тем, с точки зрения соблюдения норм Устава ООН и международного права, западные акторы неоднократно реализовывали неправомерные силовые действия. К ним относятся агрессия против Сербии в 1999 г., военная кампания против Ирака в 2003 г. и др. Более того, пролоббированная Вашингтоном резолюция СБ ООН на начало военной операции в Ливии в 2011 г. якобы с целью защиты мирного населения от «зверств войск режима М. Каддафи» обеспечила военную поддержку именно ливийской оппозиции, физическое устранение легитимного национального лидера и насильственный захват власти. Подобные действия Запада сегодня отмечаются и в Сирии.

2.2. Истинные цели кризисного урегулирования НАТО

Вышеперечисленное позволяет считать геополитической целью кризисного урегулирования НАТО долгосрочную консервацию кризисной ситуации в интересах сохранения глобального доминирования

Запада в геостратегически важных регионах. Достижение указанной цели в действительности не связано с реальным разрешением конфликтов, примирением сторон, мирным урегулированием, постконфликтным восстановлением и миростроительством. Результаты «практического миротворчества» НАТО сегодня наблюдаются в Косово, Македонии, Боснии, Афганистане, Ливии, Ираке, других странах.

Вместе с тем именно замороженные постсоветские конфликты на территории Черноморского региона, по мнению экспертов альянса, провоцируют образование так называемых серых зон, которые якобы формируют условия для «политического запугивания» Россией бывших республик СССР, разрастания организованной преступности, незаконной торговли, радикальных и экстремистских взглядов. Все это оценивается Западом в качестве серьезного геополитического вызова, «способного дестабилизировать весь Черноморский регион» [Анастасов 2018 URL].

2.3. Практика кризисного урегулирования

Жестко критикуя российское миротворчество на постсоветском пространстве, Запад уходит от конструктивного обсуждения результатов собственного кризисного урегулирования, например, замороженного конфликта на территории сербского автономного края Косово, внутреннюю безопасность которого вот уже более 20 лет обеспечивают силы НАТО. Напомним, что присутствие мощной группировки альянса не помешало албанским экстремистам провести «в мирных условиях 2004 года» широкомасштабные этнические чистки, в ходе которых были полностью «защищены» от нацменьшинств 16 городов, разрушены 35 православных храмов и монастырей. Как следствие численность сербского населения автономии сократилась вдвое за счет беженцев в другие страны.

Ну а сегодня Косово приобрело неофициальный статус даже «не серой, а черной дыры Европы», в которой на фоне прогрессирующей бедности и безработицы бесследно исчезает огромная донорская финансовая помощь, находят прибежище международные экстремисты и радикалы, множатся межнациональные, межконфессиональные, внутривнутриполитические, экономические, социальные и другие проблемы, взращиваются структуры оргпреступности, ставящие под угрозу безопасность всей Европы.

Всё это дает основание полагать, что цель «кризисного урегулирования» НАТО в Косово связана с ее военным присутствием и продвижением на Балканах геополитических интересов и самое главное – с активным противодействием в рамках политики сдерживания России российскому влиянию в регионе¹.

Всё это противоречит «Основополагающему акту о взаимных отношениях, сотрудничеству и безопасности между Российской Федерацией и НАТО», где закреплена норма о непопозиционировании друг друга в качестве противника² [Основополагающий акт... 1997 URL]. Но об этом на Западе уже и не вспоминают, что закономерно поднимает вопрос о политико-правовой дееспособности Североатлантического союза и его приверженности своим международным обязательствам.

Другим показательным примером миротворческой эффективности альянса в Европе служит Босния и Герцеговина, ставшая при активном лоббировании Западом членом ООН и ОБСЕ, но декларативное квазинациональное единство которой до сих пор требует вооруженной поддержки НАТО и ЕС.

2.4. Сущность трансатлантического «миротворчества»

Вышеизложенное позволяет выделить главную особенность кризисного урегулирования блока, связанную с его причастностью к тем конфликтам и кризисам, в которых затрагиваются российские интересы. При этом для обоснования своей агрессивной внешней политики НАТО в качестве «официальной угрозы своей безопасности» выбрало Россию [Герасимов 2019, с. 29]. Указанное и объясняет активное неприятие Западом российского миротворчества, в частности в Приднестровье, где Россия вот уже третье десятилетие сохраняет мир и стабильность.

Считаем, что свертывание в угоду Западу этой миротворческой операции, с одной стороны, негативно отразится на геополитическом влиянии России в регионе и обеспечении ее национальной

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждено Указом Президента РФ 30.11.2016 г.), п. 5 // Российская газета. 01.12.2016.

² Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (Париж, 27 мая 1997 г.). Официальный сайт НАТО. URL : www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 1.12.2019).

безопасности, с другой – даст НАТО шанс «урегулировать» приднестровский конфликт по своим лекалам. Всё это в итоге приведет к размещению в «унифицированной Молдове» военных евроатлантических структур (по примеру Балкан, Ирака, Афганистана), психологическую обработку населения с русофобских и антироссийских позиций, что, по нашей оценке, станет прямой военной угрозой России и продолжением процесса геополитической экспансии Запада на Восток.

В целом, кризисное урегулирование НАТО является важным геополитическим элементом, суть которого, по нашему мнению, заключается в реализации блоком собственной модели агрессивного миротворчества. Последняя насильственным образом извне навязывает участникам противостояния любое (в том числе нелегитимное с точки зрения международного права) военно-политическое решение в стратегических интересах ведущих стран Запада, что с международно-правовой точки зрения может быть оценено как экстерриториальная реализация натовской юрисдикции вне рамок международного права. К примеру, имплементация подобного подхода только в Сирии привела к гибели от огня западной коалиции не менее трех тысяч мирных жителей, в том числе до 1,5 тыс. женщин и детей [Герасимов 2019].

Заключение

С учетом геополитической нацеленности Североатлантического союза на мировое доминирование можно заключить, что взаимодействие России с НАТО в сфере миротворчества имеет предельно низкую вероятность [Flanagan, Chindea 2019]. Значимым фактором здесь выступает также крайне негативное отношение большинства населения России к политике сотрудничества с альянсом, который отводит нашей стране роль «агрессора и оккупанта» при любых ее попытках отстаивать свои интересы, отождествляемые Западом с «российским злонамеренным влиянием, направленным на подрыв евроатлантических демократических институтов» [Анастасов 2018 URL]. Однако не исключается временное миротворческое взаимодействие *ad hoc* вне рамок НАТО с отдельными ее членами, имеющими в конфликтном регионе совпадающие на данном этапе с российскими собственными национальные интересы (по примеру текущего российско-турецкого сотрудничества в Сирии).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Миротворческая деятельность – это важнейший элемент геополитики России, содержание которого определяется возможностью нивелирования всего спектра вызовов и угроз, продвижения за рубежом национальных интересов страны и обеспечения ее безопасности, формирования более кризисоустойчивой мировой системы на основе примата международного права, суверенитета, независимости и территориальной целостности всех членов ООН.

2. Российское миротворчество характеризуется двуединой интегративной природой, специфическим характером и позитивным влиянием на кризис, предотвращает и сдерживает в зонах приоритетного российского национального влияния внутригосударственные конфликты, укрепляет без политизации и интернационализации существующий миропорядок, систему общеевропейской и глобальной безопасности.

3. Кризисное урегулирование НАТО направлено на геополитическую экспансию в мире, продвижение в конфликтных регионах эгоцентричных блоковых, коалиционных и национальных интересов на основе одностороннего силового вмешательства во внутригосударственные конфликты под предлогом «защиты демократии, универсальных ценностей и прав человека», что правомочно оценить как экстерриториальную реализацию блоком своей юрисдикции вне рамок международного права.

4. Сотрудничество в сфере миротворчества между Россией и НАТО в условиях парадигмы конфронтационной настроенности последней имеет близкую к нулю вероятность, а на территории СНГ и Черноморского региона должно быть исключено в принципе.

5. Сохранению глобальной стабильности в мире будет способствовать удовлетворение объективных потребностей России в обеспечении ее национальной безопасности и продвижении за рубежом собственных интересов, правильное восприятие которых Западом зависит от фактических возможностей России по их эффективной защите, в том числе с использованием института миротворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасов П. Что происходит на Черном море и вокруг него и как это сказывается на НАТО? // Официальный сайт НАТО / Черноморский регион: важнейший перекресток. URL: www.nato.int/docu/review/ru/articles/2018/05/25/chernomorskij-region-vayonejshij-perekrestok/index.html (дата обращения: 13.11.2019).

- Беллер А.* Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М. : Синхротел, 2019. С. 216.
- Большаков А. Г., Зазнаев О. И.* Эффективность миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве: опыт и перспективы ОДКБ // Вестник экономики, права и социологии Казанского (Приволжского) федерального университета. 2011. № 3. С. 107–109.
- Герасимов В. В.* Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М. : Синхротел, 2019. С. 28–31.
- Ерицян И. Н.* Миротворческая деятельность Российской Федерации на территориях непризнанных государств постсоветского пространства как гарант ее национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. 2015. № 4. Т. 25. С. 43–52.
- Коньшиев В. Н., Кубышкин А. И., Сергунин А. А.* Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26 (311). Т. 11. С. 53–66.
- Никитин А. И.* Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // Индекс безопасности. 2011. № 2. С. 105–111. Официальный сайт НАТО. URL: www.nato.int/nato-welcome/index_ru.html (дата обращения: 25.11.2019).
- Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию «Нацпроект – сильная, комфортная Россия» 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 21 февраля.
- Шамаров П. В.* Реализация норм международного права в деятельности Уголовного трибунала по Руанде // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1 (33). С. 134–139.
- Шамаров П. В.* Концептуальные аспекты перспективной миротворческой деятельности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 145–149.
- Arbatov A. G.* The Kosovo Crisis: The End of the Post-Cold War Era // Occasional Paper. The Atlantic Council of the United States. Washington, DC, March 2000. 36 p.
- Flanagan S. J., Chindea I. A.* Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy: Regional Perspectives from a 2019 Workshop. US : The German Marshall Fund of the United States : RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. 14 p.
- Handbook on United Nations Multidimensional Peacekeeping Operations. New York: United Nations. Peacekeeping Best Practices Unit / Department of Peacekeeping Operations, 2003. 213 p.

REFERENCES

Anastasov P. Chto proishodit na Chernom more i vokrug nego i kak jeto skazyvaetsja na NATO? // Oficial'nyj sajт NATO / Chernomorskij region: vazhnejshij

- perekrestok. URL : www.nato.int/docu/review/ru/articles/2018/05/25/cher-nomorskij-region-vayonejshij-perekrestok/index.html (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Bebler A.* Materialy VIII Moskovskoj konferencii po mezhdunarodnoj bezopasnosti 23–25 aprelja 2019 g. MO RF. M. : Sinhrotel, 2019. S. 216.
- Bol'shakov A. G., Zaznaev O. I.* Jefferktivnost' mirotvorcheskoj dejatel'nosti Rossii na postsovetskom prostranstve: opyt i perspektivy ODKB // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii Kazanskogo (Privolzhskego) federal'nogo universiteta. 2011. № 3. S. 107–109.
- Gerasimov V. V.* Materialy VIII Moskovskoj konferencii po mezhdunarodnoj bezopasnosti 23–25 aprelja 2019 g. MO RF. M. : Sinhrotel, 2019. S. 28–31.
- Ericjan I. N.* Mirotvorcheskaja dejatel'nost' Rossijskoj Federacii na territorijah nepriznannyh gosudarstv postsovetskogo prostranstva kak garant ee nacional'noj bezopasnosti // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4. T. 25. S. 43–52.
- Konyshhev V. N., Kubyshkin A. I., Sergunin A. A.* Zashhita grazhdanskogo naselenija v mirotvorcheskoj dejatel'nosti OON: problemy i perspektivy // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2015. № 26 (311). T. 11. S. 53–66.
- Nikitin A. I.* Uchastie Rossii v mezhdunarodnom mirotvorchestve i perspektivy ego reformirovanija // Indeks bezopasnosti. 2011. № 2. S. 105–111.
- Oficial'nyj sajt NATO. URL: www.nato.int/nato-welcome/index_ru.html (data obrashhenija: 25.11.2019).
- Putin V. V.* Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju «Nacproekt – sil'naja, komfortnaja Rossija» 20 fevralja 2019 g. // Rossijskaja gazeta. 2019. 21 fevralja.
- Shamarov P. V.* Realizacija norm mezhdunarodnogo prava v dejatel'nosti Ugolovnogogo tribunala po Ruande // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2016. № 1 (33). S. 134–139.
- Shamarov P. V.* Konceptual'nye aspekty perspektivnoj mirotvorcheskoj dejatel'nosti Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaja sluzhba i kadry. 2018. № 2. S. 145–149.
- Arbatov A. G.* The Kosovo Crisis: The End of the Post-Cold War Era // Occasional Paper. The Atlantic Council of the United States. Washington, DC, March 2000. 36 p.
- Flanagan S. J., Chindea I. A.* Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy: Regional Perspectives from a 2019 Workshop. US : The German Marshall Fund of the United States : RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. 14 p.
- Handbook on United Nations Multidimensional Peacekeeping Operations. New York: United Nations. Peacekeeping Best Practices Unit / Department of Peacekeeping Operations, 2003. 213 r.

УДК 94(970)

В. Н. Горлов

доктор исторических наук;
профессор кафедры исторических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: gorlov812@mail.ru

ИНСТИТУТ ПРОПИСКИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Автор статьи показывает, что само развитие Москвы закономерно привело к возникновению сложных социально-демографических проблем, а миграция в той или иной степени внесла отпечаток, связанный с особенностями ее развития. В статье рассматриваются проблемы ограничения роста населения столицы, которые должны были решаться на основе взаимодействия экономических, социальных, демографических и многих других факторов. Институт прописки сыграл важную роль в решении этих проблем.

Ключевые слова: демографические процессы; численность населения; лимитчики; механический прирост населения.

V. N. Gorlov

Doctor of History (Dr. habil), Prof., Professor
at the Department of Historical Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: gorlov812@mail.ru

INSTITUTE OF REGISTRATION AS A TOOL FOR REGULATING THE POPULATION OF MOSCOW IN THE SOVIET PERIOD

The article shows that the very development of Moscow naturally led to the emergence of very complex socio-demographic problems. The author has shown that migration in one way or another has made an imprint associated with the features and consequences of Moscow's development. The article deals with the problems of limiting the growth of the capital's population, which had to be solved on the basis of the interaction of economic, social, demographic and many other factors. The Institute of residence played an important role in solving these problems.

Key word: demographic processes; population size; limits; mechanical population growth.

Введение

Цель выбранной темы – показать опасность перенаселения Москвы с ее достаточно сложными функциями столицы. Значимость выбранной темы состоит в том, что без регулирования численности населения непрерывный рост крупных городов приводит к тому, что городам не удастся сохранить свой исторически-культурный облик, сохранить единый организм.

В Москве из-за огромной концентрации производства и интеллектуального потенциала сформировалась уникальная социально-экономическая ситуация, влияющая на ее численность населения. В послевоенные годы подрастающее поколение пыталось перебраться в столицу, чтобы приобрести специальность, подыскать себе достойную профессию, да и прелести городской жизни играли в этом переезде большую роль. Миграция становилась одним из главных факторов, формировавших столичную демографическую ситуацию. В первые мирные годы среда главного города страны имела очень большое значение. Юношество становилось самой важной категорией новоявленных столичных жителей, невзирая на многие распоряжения по ограничению прироста населения столицы.

Создание института прописки в 1930-е годы

Довольно длительное время (начиная с 1930-х гг.) в проектировании градостроительства Москвы преобладала концепция необходимости ограничить рост столицы. В июне 1931 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором впервые была поставлена задача ограничить рост населения Москвы. Пленум решил запретить строить «новые промышленные предприятия, в первую очередь в Москве и Ленинграде» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1970].

В 1932 г. принимаются меры по ограничению прописки в крупных населенных пунктах Советского Союза, прежде всего в столице, для того, чтобы сократить наплыв в них советских граждан. 27 декабря 1932 г. выходит постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР № 57/1917 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» (*Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК* № 358, 28.12.1932). Граждане без главного документа становились

объектом денежного взыскания и депортации из городов учреждениями правоохранительных органов. Этот порядок был нужен для улучшения учета граждан крупных населенных пунктов и освобождения от людей, не проявляющих интерес к приносящему пользу делу; он не касался пенсионеров и инвалидов. Установленная в обязательном порядке прописка упорядочивала рассредоточение жителей на территории государства через запрет либо предоставление права на прописку.

В 1935 г. был принят план развития столицы, который поставил задачу иметь предел численности жителей столицы в количестве пяти миллионов [Федотовская 1980]. После окончания войны в 1946 г. Московский городской комитет ВКП(б) своим решением «Об усилении паспортного режима в Москве» вводит лимитирующие правила прописки советских граждан в Москве (*ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 67. Д. 152. Л. 336*). Такой порядок являлся сдерживающим фактором приезда переселенцев, хотя ни под каким видом не сдерживал его.

В Москве после войны наблюдался недостаток рабочей силы, в силу этого необходимо было использовать трудовые ресурсы различных районов советского государства. Через три года после окончания войны из приглашенных работать на автомобильный завод имени И. В. Сталина почти 30% образовали граждане, приехавшие из деревни [История Московского завода им. И. А. Лихачева 1966, с. 433]. Кончина руководителя государства привела к значительному наплыву мигрантов в столицу (за 1953 год приехали 292,1 тыс. человек) (*ЦГА г. Москвы. Ф. 126. Оп. 13. Д. 365. Л. 29–30*). В Москву приезжали из столичной и соседних областей по причине ослабления контроля за передвижением граждан (*ЦГА г. Москвы. Ф. 126. Оп. 13. Д. 342. Л. 15*).

Жесткие меры властей по сокращению численности мигрантов в Москве в период хрущевской оттепели

В хрущевскую оттепель принимаются различные решения, ограничивающие беспрепятственность избрания территории проживания в так называемых закрытых населенных пунктах, к которым причисляли и Москву, и Ленинград, и крупные промышленные центры. Лидер государства на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза подверг уничтожающей оценке деятельность столичного партийного органа из-за порядка приезда в Москву, не дающего эффективного контроля за увеличением прироста ее жителей. Разнос главы государства способствовал решительным мерам московских властей,

запретивших многочисленный въезд в Москву (*ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 111. Д. 8. Л. 238*).

В феврале 1956 г. Первый секретарь Московского горкома партии Екатерина Алексеевна Фурцева пригласила на совещание заведующих отделами районных советов, которые распределяли жилую площадь в столице. Она обязалась воссоздать паспортный режим, действовавший в Москве до смерти И. В. Сталина, который способствовал бы сдерживанию притока людей в столицу.

Исполнительный комитет Московского Совета депутатов трудящихся весной 1956 г. принял решение усилить паспортный порядок, чтобы уменьшить количество приезжих (*ЦГА г. Москвы. Ф. 126. Оп. 13. Д. 365. Л. 27*). Драматург В. Н. Войнович припоминал: «В 1956 году с пропиской в Москве было трудно. Люди, чтобы прописаться, к каким только ухищрениям ни прибегают. Н. С. Хрущев выступил с панической речью, что Москва перенаселяется, народу слишком много, в нее приезжают и правдами-неправдами в ней остаются. И надо от дальнейшего нашествия как-нибудь оградить. Правила прописки и раньше были строгие, а тут и совсем зверские стали» [Войнович 2002, с. 67–68].

Е. А. Фурцева способствовала тому, что въезд в столицу в действительности был перекрыт. Она заставила общегосударственные учреждения брать на должность – вплоть до заместителя министра – исключительно граждан со столичной пропиской. Образование закрытых населенных пунктов трактовалось в первую очередь тем, что в больших населенных пунктах существовал сильнейший квартирный дефицит. До Великой Отечественной войны в Москве жилищное строительство было развито слабо. Другой аргумент был сопряжен с вопросом организации проверки «неподходящих слоев» населения в огромных населенных пунктах, посещаемых зарубежными туристами. Образование свехгородов не вписывалось в программы Правительства страны.

Осенью 1956 г. Е. А. Фурцева отправила докладную в Президиум Центрального Комитета партии. В этом документе она с неудовольствием отмечала тот неблагоприятный фактор, что значительное количество прежде осужденных граждан, не обладая разрешением, де-факто проживали в Москве, совершая в очередной раз преступные деяния. Она призвала расширить специальный паспортный порядок на территорию всей Московской области (*ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 206*). Правительство СССР, изучив докладную Е. А. Фурцевой, приняло решение: «1. Расширить особого назначения паспортный

порядок на территорию всей столичной области. 2. Приказать министру МВД Советского Союза вставить исправления в «Основное положение о паспортах». 3. Добавить Ст. 41 «Основное положение о паспортах» установкой, что из городов Ленинграда и Москвы следует выдворять женщин-проституток, которые уже много раз были арестованы правоохранительными учреждениями (*ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 209*).

Распоряжения партийных организаций в 1950-е гг. существенно расширили порядок проверки «неподходящих элементов». Значительное место среди них отводилось так называемым тунеядцам. Правительственные органы в 1950-е гг. значительно ограничили свободу проживания и перемещения по советской стране. Ужесточения продолжались. Органы МВД ужесточили наказания советских людей, которые позволяли себе нарушать паспортный порядок, выселяя их из столицы с отменой столичной прописки. Минвуз СССР обязали распределять в Москву только тех молодых специалистов, кто до распределения уже проживал в столице.

Начиная с пятидесятых годов в Москву по оргнабору по лимитам ведомств на условиях временной прописки приглашалась немалая часть приезжающих в столицу рабочих. Мартовский 1957 г. пленум МГК ВЛКСМ направил на стройки Москвы по комсомольским путевкам около 10 тыс. юношей и девушек, а также на районные строительные тресты – около 5 тыс. чел. (*ЦГА г. Москвы. Ф. 635. Оп. 13. Д. 525. Л. 125*). В этом же 1957 г. бюро МГК КПСС поставило перед предприятиями Москвы задачу помочь столичным стройкам необходимыми кадрами строительных рабочих (*ЦГА г. Москвы. Ф. 635. Оп. 13. Д. 525. Л. 151*). Для закрепления на стройках новых рабочих исполком Моссовета вынес постановление, по которому добросовестно проработавшим на стройках в течение трех лет предоставлялась жилплощадь. Эта оргработа привлекла в 1957 г. на московские стройки 25 тыс. чел. (*ЦГА г. Москвы. Ф. 635. Оп. 13. Д. 525. Л. 153*).

На встрече с администрацией Московского совета депутатов трудящихся по проблемам жилищного строительства в мае 1962 г. Н.С. Хрущев обрушился с уничтожающей речью на столичное руководство за миграционный рост граждан Москвы: «Относительно численности населения Москвы. Кроме разговора, грубо говоря, болтовни в отношении ограниченности численности, конкретного ничего не делается <...> Если не будем что-то делать, нас захлестнет самотек, стихия,

и Москва разрастется до 20 и более миллионов» (ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 46–47). Н. С. Хрущев напомнил П. Н. Демичеву (Первому секретарю Московского горкома КПСС), что «... в ЦК положились на Вас, но, когда хозяйничала тов. Фурцева, она неплохо работала, но не под силу ей было решение вопроса о сокращении количества населения» (ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 47).

На этом совещании Хрущев пригрозил образовать специальную госкомиссию для контроля прописки жителей Москвы в паспортных отделах московских УВД. Хрущев критиковал Моссовет за безалаберность в этом важном вопросе, говорил о том, что это безобразия пора прекратить. Н. С. Хрущев предупреждал, что виновных будут отдавать под суд и заводить уголовные дела – другого выхода он не видит – для нарушающих закон нужно принимать полицейские меры. Н. С. Хрущев объяснял окружающим, что по сравнению с другими городами Советского Союза в Москве проживание при всех условиях лучше, что жилья строится больше, чем в других районах страны, и это притягивает в столицу граждан. Н. С. Хрущев напомнил, что в период его руководства страной построили новую Москву, что все хотят жить в Москве, и Москва не дает сопротивления этому явлению, наоборот, со всего Союза привлекают тысячи рабочих, всех берут охотно, и поощрять это нельзя (ЦГА г. Москвы Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 46). По требованию Н. С. Хрущева была создана специальная комиссия ЦК КПСС по вопросам столичной прописки (ЦГА г. Москвы Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 217).

В 1964 г. Совет министров Советского Союза своим решением утвердил специальный статус столицы со строгим лимитированием прописки. В этом документе был принят порядок прописки и выписки жителей в городе. В закрытых городах особые постановления запретили прописку мигрантов. Несмотря на это развитие закрытых городов создавало большое несоответствие между спросом на рабочую силу и ее предложением.

Система прописки постепенно искажала структуру рабочей силы в столице. И не только в Москве, но и в провинции, хотя там таких ограничений, как в Москве, не было. Молодые москвичи, выпускники московских вузов, получившие диплом специалиста, любыми путями пытались остаться в столице. Они понимали, что если однажды уедут из Москвы, то больше туда не вернуться. В Гражданском кодексе 1964 г. утверждалось: отъезжающим со своей жилплощади на срок более 6 месяцев грозила утрата права на прописку в столице

(исключение составляли выезд за границу и бронирование жилой площади при вербовке на Крайний Север). В результате перевода столицы в разряд «режимных» городов с жесткой системой прописки стал очень быстро ощущаться недостаток молодых дипломированных специалистов в провинции, которые могли бы туда приехать по распределению. Но квалифицированных специалистов останавливала боязнь навсегда потерять прописку в Москве.

Концепция ограничения роста Московской агломерации внедрялась формально. Совмин СССР еще в 1956 г. принял постановление, в котором запрещалось расширение существующих и строительство новых промпредприятий в 48 крупных городах СССР и в городах Московской области. Проходит несколько лет, и в 1963 г. в Москве и городах Московской области запрещается не только строительство промпредприятий, но и проектных и научно-исследовательских институтов, КБ, вузов, техникумов и экспериментальных баз [Федотовская 1980]. Несмотря на все запреты, промышленное лобби продолжало беспрепятственно строить предприятия в Москве и Московской области. Экономическое регулирование в Москве было совершенно неэффективным. Не только в ее ближайших окрестностях, но и в самой столице развивались оборонная промышленность, нефтехимия, металлургия. С 1960 по 1965 гг. в таком резервуаре чистого воздуха, как лесопарковый защитный пояс Москвы, в «порядке исключения» разместили более пятисот новых промпредприятий. Москвичи на себе ощущали циничное отношение властей к собственным постановлениям.

Введение системы лимитов прописки

6 сентября 1967 г. Московский городской комитет партии обратился в ЦК КПСС с просьбой о разрешении набора в виде исключения 10 тыс. рабочих, 7 тыс. строителей из других областей страны (*ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 144. Д. 17. Л. 228*). Просьбу МГК партии удовлетворили.

При Первом секретаре МГК КПСС В. В. Гришине в 1967 г. была введена система лимитов прописки. Можно смело считать днем рождения лимитчиков 25 сентября 1967 г., когда В. В. Гришин подписал, скорее всего, судьбоносный документ, означающий появление новой категории жителей в Москве. Несмотря на очень жесткий режим прописки, в Москве вводился лимит иногородних рабочих на условиях временной прописки. Предприятия, которые имели лимиты на прописку, имели

право на набор работников на места с тяжелым физическим, неквалифицированным трудом, где был дефицит рабочей силы. Этот документ позволил В. В. Гришину, который возглавлял столицу в течение 18 лет, ежегодно увеличивать население Москвы на 50–70 тыс. человек. Острая жилищная проблема в Москве из-за этого документа становилась еще более напряженной. Таким образом, традиции отходничества в советское время постепенно обретали форму настоящих потоков лимитчиков. В столице определенным предприятиям в течение года предоставлялось право в пределах установленной квоты прописывать некоторое число лиц. В первую очередь это касалось заводов оборонной индустрии. Постепенно в Москве начали осуществлять прописку работающих в столичной строительной индустрии. Исключением были работники ЖКХ и сотрудники милиции.

На московские предприятия лимитчиков приглашали на условиях временной прописки. Они через определенное время получали обещанную им московскую прописку и жилую площадь и потом старались уйти на те предприятия, где условия труда для них были лучше. Освободившиеся места заполнялись новыми наборами иногородних. В результате, в экономике Москвы не демографическая ситуация определяла проблемы с трудовыми ресурсами, а наоборот, экстенсивное развитие народного хозяйства негативное влияло на демографическое положение Москвы. На собрании партийного актива Москвы в мае 1972 г. руководитель столицы В. В. Гришин признался в необходимости лимитчиков: «Расчеты показали, что и в ближайшие годы Москва не сможет отказаться от притока людей извне, хотя к этому надо всемерно стремиться» [Гришин 1979, с. 228].

Второй Генеральный план развития столицы приняли в 1971 г. По этому Генплану максимально допустимая численность населения Москвы в 1990 г. должна была составлять 7,5 млн человек [Федотовская 1980]. Но уже в 1974 г. население столицы составляло 7 млн 528 тыс. человек [Москва в цифрах 1976].

Правительство Советского Союза утвердило Положение о паспортном порядке в стране в августе 1974 г.¹. В нем обязывали советских граждан «выписываться» и «прописываться» при переезде и т. д.

¹Собрание Постановлений СССР. 1974. № 19. Совет Министров СССР Постановление от 28 августа 1974 года № 678 «О некоторых правилах прописки граждан».

Положение разрешало прописку в столице целой категории советских граждан, невзирая на то, соответствует ли жилая площадь «санитарной норме» или не соответствует. Данное Положение разрешало прописывать детей к родителям и наоборот, жену к мужу и наоборот, сестер и братьев друг к другу. В Положении разрешалась прописка демобилизованных из Советской Армии граждан на жилую площадь, где они ранее проживали до призыва в армию.

Жесткая система прописки, строгие меры московских властей не смогли остановить рост населения Москвы. Миграционные процессы в СССР влияли на возрастную-половую структуру жителей Москвы. Прирост московского населения с 1970 г. по 1981 г. составил 1 млн 126 тыс. человек. В основном он был получен за счет приехавших в Москву по лимиту, чтобы покрыть дефицит рабочей силы [Суладзе 1983]. Численность московского населения в январе 1981 г. достигла 8 млн 203 тыс. человек [Москва в цифрах 1981]. В Москве преобладал механический рост с очень незначительной долей естественного прироста населения Москвы. В Москве механический прирост населения из других республик и областей Советского Союза составлял 85% всего прироста населения [Выдро 1976]. В результате более чем на десять лет раньше расчетного времени была достигнута численность столицы в 8 млн человек [Экономико-географические проблемы Московского региона 1989].

Центростремительные урбанизационные тенденции, несмотря на жесткую политику административных ограничений, привели к последствиям, которые оказали негативное влияние на столичный образ жизни: давали взятки при оформлении желаемой прописки; заключали фиктивные браки для получения прописки; совершали разного рода махинации при продаже, обмене, найме жилья; при поступлении в вузы Москвы наблюдалась в некотором роде дискриминация, обусловленная введением раздельного конкурса и т. п.

Следует отметить, что создание института прописки постепенно стало довольно труднопреодолимым препятствием для некоторых категорий граждан к выписке. До запретов прописки многие пожилые граждане советской страны охотно покидали крупные города, так как пожилым людям не так просто в них жить. Но с введением запретов прописки выезд этой группы граждан почти прекратился. Дело в том, что, выписываясь из города, они стали терять фактическую возможность обратно вернуться в свой родной город, если им стало

необходимо это сделать. Таким образом, миграционный отток из городов искусственно сдерживался. Тем самым институт прописки стал одним из факторов увеличения населения Москвы за счет пенсионеров, так как пенсионеры при таком регулировании численности населения старались не покидать столицу. Соответственно, результатом такой политики стало старение населения Москвы.

Создание института прописки породило среди граждан СССР представление о привилегированности жителей Москвы. Это привело к тому, что в столице работали тысячи ветеринаров, зоотехников, агрономов, землеустроителей, мелиораторов. В столице этим специалистам делать было совершенно нечего. И тогда перед молодым дипломированным специалистом возникала дилемма – или он будет работать где-либо по специальности, но «потеряет» московскую прописку, либо прописку сохраняет, но поменяет специальность. Не удивительно, что многие граждане выбирали второе. Отсюда вывод, что растрата образования очень многими дипломированными специалистами выливалась для советской страны в миллиардные потери.

Лимитчики как особая категория жителей Москвы

Не только в СССР, но и в других странах мира столичные города принимали большие потоки граждан. Как не ограничивай столицу пропиской, всё равно люди будут стремиться в ней жить. Каждый год в столице оседали сотни тысяч иногородних студентов-специалистов, военных, милиционеров, дворников, строителей, бюрократов, артистов, спортсменов и т. п. Но в первую очередь сюда приезжали рабочие по оргнабору, рабочие на особо вредные работы, на конвейерные работы, приглашенные специалисты. Московские лимитчики становились особой категорией жителей столицы.

Поток лимитчиков постоянно увеличивался. Значительная часть лимитчиков оставалась в Москве на постоянное жительство. Московские предприятия и стройки предоставляли лимитчикам по решению исполкома Моссовета общежитие, а через 4–5 лет работы – постоянную московскую прописку и право получить в столице отдельную квартиру. Всё больше и больше строилось домов и общежитий для лимитчиков, которые часто получали отдельную квартиру быстрее москвичей, стоявших на очереди по 15–20 лет. Для коренных москвичей из-за этого неуправляемого процесса улучшение жилищных

условий затруднялось. Такая несправедливость приводила к устойчивому негативному отношению к лимитчикам со стороны большей части коренных москвичей. Московские власти, несмотря на это, продолжали завозить огромное количество лимитчиков каждый год, считая, что Москва всё равно не может обойтись без привлечения их на непрестижные работы.

Власти Москвы нашли наиболее простой выход, привлекая лимитчиков на конвейеры машиностроительных заводов, на работы в текстильной, химической, автомобильной, металлургической промышленности, промышленности стройматериалов и т. п. В результате в Москве сформировался особый социальный слой, представители которого ради перспективы получения столичной прописки трудились на непрестижных работах, от которых москвичи отказывались, и жили в более невыгодных условиях, чем коренные москвичи. Лимитчики привязывались к месту работы своей заветной мечтой о постоянной московской прописке. За нарушение правил общежития они могли быть выселены и лишены временной прописки. Они не жаловались даже тогда, когда администрация организаций поступала с ними, нарушая КЗОТ. Лимитчики иногда не выдерживали неприглядного проживания в общежитиях рабочей молодежи и уезжали из Москвы, либо они искали пути избавления от такой жизни. Один из таких путей – брак с москвичами с пропиской на их жилой площади.

Таким образом, в одном направлении действовали два фактора. С одной стороны, жители регионов, словно чеховские сестры, стремились в Москву, используя любые пути, чтобы приобрести московскую прописку (женитьбу, блат, взятки и т. п.). С другой стороны, из-за недостатка рабочих рук предприятия выбивали лимиты на прописку. Миграционный прирост становится основным источником пополнения трудовых ресурсов столицы. Этот прирост во много раз превышал естественный прирост населения Москвы. Бурный рост населения Москвы происходил главным образом за счет лимитчиков.

В период перестройки предприятия Москвы должны были прекратить принимать на работу иногородних рабочих. Однако ряд предприятий (ЗИЛ, «Фрезер» и др.) и в середине 1980-х гг. продолжали обращаться в исполком Моссовета с разрешением привлекать иногородних работников. По-прежнему появлялись объявления об оргнаборе рабочих на предприятия промышленности и строительства. Несмотря на то, что в период перестройки пытались прекратить

наборы по «лимиту», они регулярно возрождались (поначалу для Метростроя, потом для других учреждений). Население столицы постоянно увеличивалось, несмотря на все запреты советских властей с пропиской. В Москве не хватало работников во многих сферах. Руководители организаций ходатайствовали перед московскими градоначальниками о разрешениях на прописку определенных категорий советских граждан (молодых, холостых). И после разрешения на прописку организовано осуществляли «завоз рабочей силы». В результате, невзирая на многочисленные запрещения прописки, миграционный рост в столице стал необратимым.

Отменив экономические регуляторы, власти применили институт прописки, который оказался бюрократической мерой. Однако преимущества Москвы перед другими территориями оказались явно сильнее всех барьеров. Что удивительно – никто не требовал отменить институт прописки. Советские граждане мирились с ограничениями на выбор жительства в столице, и это не воспринималось как отсутствие свобод. Они пытались найти индивидуальные пути, чтобы обойти ограничения системы прописки.

Институт прописки создавался как инструмент регулирования численности населения Москвы. Однако никакими запретами власти Москвы не могли покончить с «лимитом», столица притягивала к себе граждан СССР. Все больше и больше лимитчиков приезжало в Москву, в послевоенное время каждое десятилетие столица на один миллион человек увеличивала свое население. Институт прописки как метод регулирования роста численности населения Москвы оказался недостаточным. Многочисленные попытки ограничения численности населения оказались безуспешными перед неуправляемым ростом населения столицы. И это было не удивительно. Москва, являясь культурным, промышленным, научным, учебным центром страны, крупнейшим транспортным узлом, притягивала к себе миграционные потоки граждан со всей территории Советского Союза. Молодежь, уехавшая на работу или учебу в Москву, как правило, в деревню обратно не возвращалась, любыми путями добиваясь московской прописки.

Заключение

Практически единственным способом регулирования миграции населения были ограничения, осуществляемые институтом прописки в столице и действующим порядком распределения жилья. И тем

не менее население Москвы росло, однако, скорее всего, разрешение свободной прописки в Москве сделало бы рост населения столицы совершенно неуправляемым. К сожалению, в стране с географической неравномерностью получения элементарных благ прописка без всякого сомнения была настоящим спасением. В противном случае Москва очень скоро превратилась бы в двадцатимиллионный переполненный мегаполис.

В результате практика регулирования роста больших городов, которая существовала в Советском Союзе с 1930-х гг., оказалась трудно реализуемой. Рост населения Москвы, как и рост ее территории, были неуклонными. На съездах партии ставились задачи сдерживать рост крупных городов. Специальными решениями правительства пытались ограничить перманентный рост населения столицы. Данную проблему обсуждали в высших политических кругах.

Доминирование отраслевого механизма при размещении производств и ведомственные интересы управления экономикой превалировали над политическими декларациями, которые оказались благими пожеланиями.

Таким образом, несмотря на то, что большие средства и силы были затрачены на достижение запланированных цифр численности населения столицы, выполнить поставленные цели московским властям не удалось, хотя определенные результаты все-таки были получены. Ограничительные меры сдерживали миграцию, несмотря на все ее обходные пути. Но по большому счету административные ограничения оказались малоэффективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Войнович В. Н.* Антисоветский Советский Союз. М. : Материк, 2002. 412 с.
- Выдро М. Я.* Население Москвы. М. : Статистика, 1976. 56 с.
- Гришин В. В.* Избранные речи и статьи. М. : Политиздат, 1979. 654 с.
- История Московского завода им. И. А. Лихачева. М. : Мысль, 1966. 647 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 4 (1927–1931) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 8-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1970. 583 с.
- Москва в цифрах (1971–1975) : Краткий статистический сборник. М. : Статистика, 1976. 223 с.

- Москва в цифрах. Стат. ежегодник / Стат. М82 упр. г. Москвы. М. : Финансы и статистика, 1981. 248 с.
- Суладзе Т. Ш. О нормативах использования ресурсов города // Коммунист. 1983. № 3. С. 109.
- Федотовская Т. А. Регулирование численности населения – опыт Москвы // О населении Москвы: Сб. статей. М. : Статистика, 1980. 120 с.
- Экономико-географические проблемы Московского региона. М. : Изд-во МГУ, 1989. 136 с.

REFERENCES

- Vojnovich V.N. Antisovetskij Sovetskij Sojuz. M. : Materik, 2002. 412 s.
- Удро М. Я. Население Москвы. М. : Статистика, 1976. 56 с.
- Grishin V. V. Izbrannye rechi i stat'i. M. : Politizdat, 1979. 654 с.
- Istorija Moskovskogo zavoda im. I. A. Lihacheva. M. : Mysl', 1966. 647 s.
- Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1970). T. 4 (1927–1931) / Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS. 8-e izd., dop. i ispr. M. : Politizdat, 1970. 583 s.
- Moskva v cifrah (1971–1975) : Kratkij statističeskij sbornik. M. : Statistika, 1976. 223 s.
- Moskva v cifrah. Stat. ezhegodnik / Stat. M82 упр. г. Москвы. М. : Финансы и статистика, 1981. 248 с.
- Suladze T. Sh. O normativah ispol'zovanija resursov goroda // Kommunist. 1983. № 3. S. 109.
- Fedotovskaja T.A. Regulirovanie čislennosti naselenija – opyt Moskvy // O naselenii Moskvy: Sb. statej. M. : Statistika, 1980. 120 s.
- Jekonomiko-geograficheskie problemy Moskovskogo regiona. M. : Izd-vo MGU, 1989. 136 s.

УДК 94

А. Я. Касюк

доктор исторических наук, профессор;
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: imoispn225@mail.ru

ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОРУЖИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Статья посвящена раскрытию вклада пропагандистских органов Красной Армии 1941–1945 гг. в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. В статье рассматриваются вопросы организации работы, использования форм и методов пропагандистского воздействия, освещены основные направления информационно-пропагандистских материалов, обращенные к войскам и населению противника. Автор подробно останавливается на подготовке и проведении пропагандистских операций, уделяет внимание участию в пропаганде на войска и население противника Национального комитета «Свободная Германия».

Ключевые слова: печатная пропаганда; устное вещание; информационно-пропагандистские документы; агитматериалы; листовки; программы устного вещания; агитснаряды; громкоговорящие установки; обратный отпуск военнопленных; морально-политическое состояние.

А. У. Kasyuk

Doctor of History (Dr. habil), Prof.;
Professor at the Department of Technological Communications,
Institute of International Relations and Social-political Studies,
Moscow State Linguistic University; e-mail: imoispn225@mail.ru

PROPAGANDA WEAPON OF THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945

The article reveals the contribution of the Red Army propaganda arms during the Great Patriotic War 1941–1945 to the defeat of Nazi Germany. The article is dedicated to the specifics of the work of propaganda arms, usage of methods and forms of propaganda influence. The research illustrates basic principles of the influence that was made by the content of advocacy materials on the armed forces and population of the enemy. The author gives detailed analysis of the preparation to and conducting of propaganda operations, pays attention to the participation of the National Committee for a Free Germany in advocacy operations against the armed forces and population of the enemy.

Key words: printed propaganda; verbal broadcasting; information and advocacy documents; propaganda materials; leaflets; verbal broadcasting programs; airborne leaflet propaganda; loudspeakers; propaganda involving POWs; morale.

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала напряжения усилий всего советского народа. Победу в тяжелейших сражениях с ненавистными фашистскими поработителями всей Европы в течение долгих четырех лет добывала Красная Армия. Пропагандистскую работу среди войск и населения противника вели государственные и общественные организации, Всесоюзный радиокomitee, советское информбюро. Существенный вклад в ход и исход как отдельных операций, так и всей войны в целом внесли пропагандистские органы Красной Армии. Проводимая ими в самых различных условиях боевой обстановки работа по доведению до населения и войск противника правдивой информации о положении на фронте и в тылу, снижению морального духа войск противника, показу перспектив прекращения сопротивления, сохранения жизни и выхода из войны во многом способствовала успешному решению боевых задач, стоящих перед частями, соединениями и объединениями Красной Армии.

Организация, содержание и формы пропагандистского воздействия на войска и население противника

В первые дни Великой Отечественной войны директива Главного Политуправления Красной Армии (ГлавПУРККА) № 050 от 23.06.1941 г. обязала политуправления фронтов издавать газеты на немецком, финском и румынском языках для войск противника [Опыт работы 1946, с. 6]. Однако практика показала, что в ходе боевых действий в условиях быстро меняющейся обстановки на фронтах газеты отставали от жизни, запаздывали с печатанием оперативного материала (*ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11309, Д. 157, Л. 146*). Поэтому начальник ГлавПУРККА директивой № 0398 от 5 октября 1942 г. предложил: прекратить с 10 октября 1942 г. издание фронтовых газет на иностранных языках; редакции газет расформировать; вместо газет усилить выпуск оперативных листовок; разрешить политотделам армий самостоятельно выпускать небольшими тиражами на местном материале оперативные листовки к солдатам противостоящих частей

и соединений противника; в составе 7-х отделов политуправлений фронтов создать редакционно-издательские отделения численностью 13 человек [Опыт работы 1946, с. 12].

В июне 1942 г. решением ЦК ВКП(б) при Главном политическом управлении Красной Армии создается Совет военно-политической пропаганды под председательством кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова [Информационный сборник 1975, с. 10]. Совет принял директиву, содержащую развернутую программу мероприятий по оказанию пропагандистского воздействия на войска и население противника. Эта программа предполагала: вести пропаганду на конкретном фактическом материале, дифференцировать ее применительно к противостоящим частям и соединениям; использовать для изучения противника трофейные документы, прессу, радио, показания пленных, сообщения партизан и населения, данные о поведении противника на поле боя, организовывать взаимную информацию о противнике между отделами и отделениями; обязать комиссаров и начальников политаппарата принимать непосредственное участие в организации работы среди войск противника и систематически информировать о проведенной работе и ее результатах (ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11309, Д. 157, Л. 70).

Директива Совета военно-политической пропаганды, несмотря на наличие в ней ряда ошибочных положений (например, требования «указывать немецким солдатам пути выхода из войны главным образом посредством свержения авантюристов гитлеровской клики»), повысила ответственность за этот важный участок работы, сыграла большую роль в улучшении содержания работы политических органов Красной Армии в этой области, что заметно сказалось к концу 1942 г., т. е. к началу второго периода Великой Отечественной войны.

В 1943 г. был издан проект нового Полевого устава Красной Армии. В статье 37 этого устава были впервые сформулированы основные задачи политорганов в области изучения войск противника и организации работы по разложению его армии и тыла, что в значительной степени способствовало повышению уровня работы всего войскового аппарата пропаганды на противника.

В последующем происходили определенные изменения и в организационно-штатной структуре органов пропаганды на войска и население противника. В августе 1944 г. 7-й отдел Главного политического управления РККА был преобразован в управление. Для расширения

фронтальной оперативной пропаганды 7-е отделы и отделения были укреплены журналистскими кадрами и укомплектованы походными техническими средствами. Осенью 1944 г. в Военном институте иностранных языков Красной Армии открывается факультет спецпропаганды для подготовки офицеров-политработников по работе среди войск и населения противника [Военный Краснознаменный институт 1990, с. 116].

Содержание материалов информационно-пропагандистского воздействия на войска и население противника в годы Великой Отечественной войны в значительной мере определялось условиями военно-политической обстановки и ходом боевых действий. В основу содержания листовок начального периода боевых действий были положены десять пропагандистских лозунгов к военнослужащим гитлеровской армии, разработанных в конце июня 1941 г. 28 июня 1941 г. «10 лозунгов» были изданы тиражом 6 млн экземпляров (из расчета по две листовки на каждого немецкого солдата) и распространены над позициями немецких войск [Kirchner 1992]. Принятие десяти лозунгов вне всяких сомнений было положительным моментом. Оно способствовало концентрации содержания пропаганды на единых направлениях. Вместе с тем ряд лозунгов, например, таких как «кончать с войной путем уничтожения кровавого господства Гитлера» или «возвращаться домой к своим семьям», были неосуществимы.

В информационно-пропагандистских материалах начального периода войны, к глубокому сожалению, не учитывался такой существенный элемент в морально-политическом состоянии личного состава войск противника, как сила влияния на военнослужащих фашистской пропаганды и идеологии. Поэтому листовки и газеты, предназначенные для немецких военнослужащих, изобиловали абсолютно беспочвенными с точки зрения уровня идеологической обработки гитлеровской армии лозунгами типа: «Стой! Здесь страна рабочих и крестьян», или «Не стреляй в своих братьев – русских рабочих и крестьян» [Kirchner 1986, с. 71]. Как отмечалось в «Отчете о контроле и обработке вражеской пропаганды» батальона пропаганды «У» вермахта от 30.03.1942 г.: «Большевики исходят из полностью ошибочного предположения, что у немецкого народа присутствует «антифашистская» тенденция, что мы все чувствуем себя угнетенными и ждем освобождения» (ЦХИДК, Ф. 1275, Оп. 3, Д. 584, Л. 1). По этой же причине (незнание солдат противника и как

следствие переоценка их классовой зрелости) в ходе боев под Москвой в некоторых листовках пропагандировался преждевременный лозунг «Немцы, создавайте солдатские комитеты для борьбы с Гитлером» [Оружием правды 1971, с. 72–73]. Как показал опыт, солдаты противника были к этому лозунгу политически не подготовлены.

В первый период войны некоторые политорганы в издаваемых информационно-пропагандистских материалах допускали существенное завышение потерь противника (*ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11306, Д. 148, Л. 15*). Так, в одной из листовок сообщалось, что за месяца войны против СССР Германия потеряла 1,5 млн человек; в другой утверждалось, что два месяца боевых действий стоили вермахту 2 млн человек [Kirchner 1986]. «Советские листовки слишком наивны, – заявлял обер-лейтенант В. Герольд. – Был случай, когда в одной листовке сообщалось об уничтожении 262 пд. Солдаты этой дивизии читали листовку и смеялись, выкрикивая; “Ура, мы уничтожены!”»¹. Подобные примеры, к сожалению, не были единичными.

Неоправданным также было чрезмерное увлечение на первом этапе войны листовками типа: «Пока ты, солдат, на фронте рискуешь своей жизнью, тыловые крысы развлекаются с твоей женой или невестой». Листовки на данную тему сопровождались соответствующими иллюстрациями [Kirchner 1986, с. 466]. Воздействие подобных материалов часто было противоположным ожидаемому. Даже те, кто в целом не исключал возможность супружеской измены, брались за оружие, чтобы прежде чем разобраться с «неверными женами» и «тыловыми крысами», вначале отомстить авторам листовок.

Вряд ли можно считать оправданными призывы к сдаче в плен практически в каждой листовке, в том числе и в информационных, далеких от обстановки на конкретном участке фронта. В некоторых агитдокументах, пропагандировавших плен, приукрашивалось действительное положение военнопленных в советских лагерях, что вызывало недоверчивое отношение солдат к таким материалам.

К удачным с точки зрения содержания информационно-пропагандистских материалов первого периода войны можно отнести листовки, в которых использовались высказывания авторитетный немцев – Фридриха II, Морица Арндта, Бисмарка, Мольтке о безрассудности

¹ Информационный бюллетень ГлавПУ РККА. 7-й отдел. 1944. № 12. С. 30.

войны против России, к талантливым можно отнести листовки со стихами Эриха Вайнерта (*ЦАМО. Ф. 32, Оп. 515185, Д. 47, Л. 90*). На последующих этапах войны особенно сильное впечатление на солдат противника производили листовки с обращениями генералов. «Обращение генерал-фельдмаршала Паулюса, – показал на допросе солдат Генрих Альтруменер из противотанковой роты боевой группы “Д”, – подействовало на солдат ошеломляюще и вызвало много толков. Ведь мы все знали, каким огромным авторитетом пользовался фельдмаршал Паулюс среди немецких офицеров и генералов. Многие говорили, что если такой человек пошел против Гитлера, то дела у Гитлера, видимо, складываются действительно плохо» [Информационный сборник 1990, с. 70].

Интересный и ценный опыт заключался в практике засылки «генеральских писем». Генералы Зайдлиц и Корфес, полковник Штайдле посылали письма командирам отдельных соединений, многих из которых они знали лично. В письмах сочетались факты личного, интимного характера с аргументами чисто политическими. Письма посылались через обратно отпускаемых военнопленных или сбрасывались с вымпелами с самолетов.

Осуществляя пропаганду среди высшего офицерского состава противника, политорганы исходили из целесообразности влияния на тех, кто может отдать приказ на прекращение боевых действий. Кроме того, генералы и штабные офицеры были достаточно хорошо осведомлены о том, что на втором этапе войны общая военно-политическая ситуация для Германии складывается исключительно неблагоприятно [Лайнбарджер 1962, с. 276].

В конце 1943 г. ГлавПУРККА были проанализированы фронтовые листовки, изданные в предыдущие месяцы. В результате был разработан директивный документ под названием «К вопросу о содержании фронтовой печатной пропаганды среди войск противника в ближайший период», определивший направление, содержание и аргументацию нашей пропаганды на 1944 г. и на последующий период [Опыт работы 1946, с. 15].

Основная задача, которая ставилась в документе перед политическими органами, заключалась в том, чтобы в содержании пропаганды ввести новые тезисы, обусловленные коренным переломом в ходе войны: пропаганду уверенности в нашем превосходстве, боевых успехов наших войск, поскольку сама действительность давала

для этого достаточно материалов. В соответствии с этим документом и определялись основные темы пропаганды.

В годы Великой Отечественной войны политорганы использовали разные формы пропаганды на войска и население противника.

Основное внимание пропагандистский аппарат Красной Армии, ввиду недостаточного развития других технических средств, сосредоточил на ведении печатной пропаганды. Так, за весь период войны было подготовлено и распространено свыше 20 тыс. наименований различного вида пропагандистской литературы на двадцати иностранных языках общим тиражом 2 тыс. 706 млн экземпляров, в том числе 10 млн газет, 10 тыс. 200 брошюр (*ЦАМО, Ф. 32, Он. 11306, Д. 520, Л. 499*).

Основным средством распространения листовок являлась авиация (80 % листовок распространялось авиацией) (*ЦАМО, Ф. 32, Он. 11306, Д. 88, Л. 194*). В целях упорядочения организации распространения листовок посредством авиации командующий ВВС 7 октября 1942 г. издал приказ № 84, в котором потребовал от командиров и комиссаров навести порядок в приемке и хранении агитматериалов; для выдачи перед вылетом личному составу агитматериалов выделить ответственного командира; сбрасывать листовки со всех типов самолетов днем и ночью при выполнении боевых заданий, исходя из заявок политуправлений фронтов [Информационный сборник 1990, с. 20–21].

Вслед за этим приказом ГлавПУРККА издает директиву № 013 от 12 октября 1942 г., в которой были отмечены недостатки в распространении агитматериалов и определены меры по их устранению. В частности, директивой предписывалось все агитматериалы, предназначенные для распространения авиацией, направлять в политорганы ВВС, а не непосредственно в авиачасти и соединения, указывать названия листовок, на каком они языке, их количество, места и сроки распространения, к разрядкам прилагать русские тексты [Опыт работы 1946, с. 23]. Директива требовала систематического контроля за ходом распространения агитматериалов. Агитматериалы распространялись разведкой (а не только авиацией), с помощью агитснарядов и через отпускаемых обратно военнопленных.

Наряду с печатной пропагандой велась устная. Передачи программ устного вещания через громкоговорящие установки вызывали наибольший интерес у немецких солдат. «Живое слово, – заявлял

эфрейтор К. Бенедек, – производит гораздо большее впечатление, чем написанное: для солдата оно является осязаемым признаком жизни “там” и уже по одному этому кажется ему заслуживающим внимания» [Информационный бюллетень 1944, с. 57].

Для ведения устной пропаганды использовались мощные громкоговорящие установки (МГУ), окопные громкоговорящие установки (ОГУ), рупоры. За время войны было проведено более 1 млн устных передач для личного состава вермахта и армий сателлитов Германии. По неполным данным только за два года (с 1 апреля 1943 г. по 1 апреля 1945 г.) было проведено: через МГУ – 85833, через ОГУ – 230105, через мегафоны и рупоры – 713731 передача (*ЦАМО, Ф. 32, Оп. 142107, Д. 45, Л. 244*). На некоторых фронтах предпринимались попытки использовать для ведения устного вещания легкомоторные самолеты.

В годы войны определенное воздействие на население Германии оказывала советская радиопропаганда. Влияние радиопропаганды особенно возросло после разгрома армии Паулюса под Сталинградом. Дикторы Московского радио стали зачитывать списки немецких военнослужащих, попавших в советский плен, а также их письма своим родным и близким. Советские специалисты в области радиопропаганды, как отмечали сами представители министерства пропаганды Германии, проявляли немалую изобретательность. Так, например, они вклинивались в официальные передачи имперского радио с такими замечаниями, как: «Это большая ложь», «Послушайте, что я вам скажу» [Радио в дни войны 1982, с. 119]. Особенно эффективными, по признанию самой имперской службы безопасности, подобные вклинения были в заранее разрекламированные выступления высокопоставленных официальных лиц Германии, включая самого Гитлера и Геббельса, так как для их прослушивания собиралась многомиллионная аудитория. Во втором этапе войны, начиная с 1943 г., политорганы в ведении радиопропаганды на войска противника стали использовать также войсковые радиостанции.

На отдельных участках фронта аппарат пропаганды Красной Армии использовал наглядную агитацию путем установки на переднем крае транспарантов, плакатов и т.п., обращенных к немецким солдатам. Однако, как об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы, данная форма пропаганды на протяжении всего периода войны являлась наименее действенной. В определенных условиях среди местного населения районов, занятых советскими

войсками, осуществлялось пропагандистское воздействие с помощью демонстрации кинофильмов.

Большая пропагандистская работа проводилась среди военнопленных. Уже с октября 1941 г. для военнопленных немцев и румын Главным политическим управлением РККА издается газета «Фраес ворт» (*ЦАМО, Ф. 32. Оп. 515185, Д. 45, Л. 196*). В последующем выпускалась также иллюстрированная газета «Фронт иллюстрирте», которая распространялась как среди военнопленных, так и забрасывалась авиацией для личного состава немецких войск на фронте. Сотрудники 7-го отдела Главного политуправления РККА выступали в лагерях перед военнопленными с докладами, проводили беседы, организовывали митинги, вечера вопросов и ответов, распространяли листовки, брошюры.

С августа 1941 г. политорганы стали привлекать военнопленных к подготовке листовок, выступлениям через звуковещательные станции. А с конца 1942 г., особенно после поражения немецких войск под Сталинградом, стала самым широким образом использоваться такая форма пропагандистской работы, как обратный отпуск военнопленных. В последующем попавшие в советский плен немецкие офицеры подтверждали, что отпуск военнопленных являлся наиболее действенной формой советской пропаганды на военнослужащих вермахта [*Опыт работы 1947, с. 76*].

Работа с военнопленными значительно усилилась после Сталинградской битвы и приобрела особенно широкий размах после первого совещания начальников 7-х отделов фронтов ГлавПУ РККА в 1943 г., на котором была поставлена задача «разлагать немцев руками самих немцев». Антигитлеровская и антивоенная агитация, исходящая от самих же немцев, давала возможность расширить тематику и улучшить аргументацию пропаганды, использовать национальные чувства военнослужащих противника. К этой агитации более чем внимательно прислушивались немецкие солдаты и офицеры, что способствовало усилению эффективности пропагандистской работы среди войск противника.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков на завершающем этапе Великой Отечественной войны издал приказ, которым разрешил всем командирам от командира взвода и выше отпускать добровольно сдавшихся немецких военнослужащих для того, чтобы они привели с собой других своих

сослуживцев, не желающих продолжать воевать дальше. В результате предпринятых в соответствии с данным приказом действий на 2-м и 3-м Белорусском и 3-м Украинском фронтах было отпущено 6 тыс. 758 пленных, которые привели с собой 40 тыс. 732 немецких солдат и офицеров, что соответствовало штатам трех дивизий вермахта (ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11306, Д. 91, Л. 65, 348).

В 1944 г. пропагандистский аппарат Красной Армии приступил к комплексному использованию различных форм пропагандистского воздействия на противника (распространение печатных материалов, ведение устного вещания, использование наглядной агитации, принятие решения отпускать военнопленных), которое получило название «Пропагандистская операция». Планирование использования этих различных форм пропаганды осуществлялось на основе единой идеи в соответствии с замыслом проводимой войсковой операции командованием. В 1944–1945 гг. политорганы фронтов, по неполным данным, организовали и провели 27 пропагандистских операций среди войск противника (ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11306, Д. 54, 187, 340). Так, например, пропагандистская операция была организована против 7-й горнострелковой бригады румын в июне–августе 1944 г. на правом фланге войск 2-го Украинского фронта в период подготовки Яско-Кишиневской операции [Опыт работы 1946, № 1]. К этому моменту часть северных уездов Румынии была уже занята нашими войсками. 7-я горнострелковая бригада на 80–85 % была укомплектована солдатами – уроженцами Дорохольского и отчасти Сучавского уездов Румынии, т. е. тех уездов, которые были освобождены и находились в тылу наших войск. Это обстоятельство подсказывало главную, стержневую идею всей операции – пропагандистское использование близкого расположения родины в узком смысле этого слова: родных мест, семьи, деревни, откуда происходили солдаты бригады.

Оперативная группа, проводившая операцию, была разбита на две части: одна работала на переднем крае, а вторая, снабженная транспортом, в это время объезжала населенные пункты Дорохольского уезда и разыскивала отцов, жен, невест, близких людей солдат, находящихся на фронте, вела работу с авторитетными людьми той или иной деревни: учителями, сельскими врачами и т. д. Та часть оперативной группы, которая находилась на переднем крае, заблаговременно извещала, когда на передний край для выступления придут родственники солдат противника. Регулярно проводились серии передач под названием

«Полевая почта 7-й горнострелковой бригады». Через мощные громкоговорящие установки зачитывались письма от родных и близких солдатам, поскольку доставка писем естественным, обычным путем стала невозможна. Благодаря передачам серии «Хроника Дороховского уезда» люди узнавали, где ремонтируется дорога, в какой деревне состоялась свадьба. Передачи велись без особого пропагандистского нажима, ибо главная задача заключалась в том, чтобы показать: дома налаживается мирная, упорядоченная жизнь, и поэтому жителям уезда необходимо вернуться домой, а не погибать на пороге собственного дома. Перед микрофоном выступали авторитетные люди – учитель обращался к своим бывшим ученикам, врач давал советы своим бывшим пациентам и т. д.

Принимались решения отпускать солдат противника, добровольно сдавшихся в плен. Перебежчиков из 7-й горнострелковой бригады везли домой, организовывалась их встреча, иногда небольшой митинг, где их приветствовал примар – староста данной деревни. Перебежчик в течении двух–трех дней гостил дома. В это время проводилась фотосъемка, которая служила материалом для иллюстрированных листовок. После этого перебежчику предлагали вернуться в свою часть, чтобы рассказать товарищам правду о положении дома. Было проведено несколько операций такого рода.

Таким образом, проведенная работа была очень четко организована, и результаты ее были эффективны. 20 августа, когда началось наступление наших войск, данная бригада раньше всех других румынским соединений, не говоря уже о немецких, оказалась абсолютно небоеспособной: солдаты побросали оружие, массами сдавались в плен. Именно тот участок фронта, который занимала 7-я горнострелковая бригада румын, почти без сопротивления был открыт нашим войскам.

К удачным также можно было бы отнести пропагандистскую операцию по разложению 1-й Венгерской армии Политуправлением 4-го Украинского фронта. Проведение операции было спланировано в несколько этапов. На первом этапе в результате как мощного пропагандистского нажима на офицерский и рядовой состав боевых частей, так и прямого обращения в письмах к командирам частей и подразделений венгерских дивизий командующий 1-й Венгерской армией генерал-полковник Миклош Бела со своим штабом перешел на сторону Красной Армии. На втором этапе операции работа была развернута вокруг приказа командующего 1-й Венгерской армией о прекращении

боевых действий против Красной Армии и начале борьбы с немцами, что в сочетании с ударами соединений Красной Армии привело в конечном итоге к деморализации и распаду 1-й Венгерской армии [Опыт работы 1945, № 2].

Существенную помощь Красной Армии в ведении пропаганды на войска и население Германии оказала созданная 12 июля 1943 г. на территории Советского Союза организация немецких антифашистов-эмигрантов и военнопленных Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) [Wolff 1982]. В первое время фашистская пропаганда пыталась замолчать или опровергнуть сам факт существования НКСГ. В документах периода 1943 г. говорилось о том, что никакого комитета не существует, что это только «ловкие трюки большевиков» (*ГАРФ, Ф. 7021, Оп. 148, Д. 248, Л. 8-37*). В документах более позднего времени гитлеровцы вынуждены были не только признать сам факт существования НКСГ, но и участие в нем некоторых эмигрантов, офицеров и солдат, однако, все еще отрицали участие в нем видных немецких генералов, особенно Зейдлица и Паулюса (*ГАРФ, Ф. 7021, Оп. 148, Д. 248, Л. 38*). И наконец, когда пропаганда Национального комитета еще глубже проникла в ряды армии, немецкое командование уже не могло ограничиваться замалчиванием или отрицанием факта его существования. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. убедительно доказало, что антифашистские действия со стороны немецких военнослужащих, в том числе и генералов, возможны. Поэтому командование вермахта вынуждено было официально признать существование НКСГ и Союза немецких офицеров. Солдатам был зачитан приказ Гитлера о том, что генерал Зейдлиц заочно приговорен к смертной казни за «измену национал-социализму и создание антигерманского Союза немецкий офицеров» (*ГАРФ, Ф. 7021, Оп. 148, Д. 248, Л. 39*). Участие Паулюса в Национальном комитете замалчивалось до конца.

Из всех видов практической деятельности НКСГ наибольшую тревогу германского командования внушала работа уполномоченных НКСГ на передовой и просачивание сторонников Комитета через линию фронта для работы внутри немецких частей и подразделений и в их тылу. При этом использовались следующие методы:

– отпуск на длительный срок групп антифашистов в тыловые гарнизоны с обеспечением их всей необходимой документацией для легализации и передвижения;

– проникновение в действующие части врага наиболее подготовленных и проверенных антифашистов для постоянной работы по сколачиванию антифашистских групп;

– краткосрочные задания военнопленным, засылаемым в окруженные и блокированные гарнизоны;

– распространение листовок Национального Комитета в расположении противника, личная передача писем от представителей НКСГ [Опыт работы 1950, № 2, с. 38–39].

Вся эта работа приносила значительные результаты. Так, только в ходе Берлинской операции в блокированные очаги сопротивления были направлены с пропагандистскими задачами 2 тыс. 130 антифашистов из пленных и 2 тыс. 365 местных жителей. Ими было распропагандировано и приведено в расположение советских войск более 15 тыс. немецких солдат и офицеров (*ЦАМО, Ф. 32, Оп. 11306, Д. 173, Л. 98*).

В годы Великой Отечественной войны эффективность советской пропаганды стала заметно повышаться в связи с боевыми успехами Красной Армии, с одной стороны, и улучшением содержания и качества пропагандистской работы среди войск и населения противника – с другой. Вместе тем недооценка значения пропагандистской работы в войсках противника, имевшая место в 1930-е гг., сказалась как на разработке методов пропаганды среди войск и населения противника, так и на оснащении ее соответствующими техническими средствами. Немалый урон организации воздействия на противника нанесло то, что оно строилось исключительно на основе практической деятельности аппарата, когда использовались в основном традиционные формы и методы, базирующиеся во многом на опыте работы периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Практически полностью отсутствовала теоретическая проработка основополагающих вопросов. Недостаточное изучение Германии и ее союзников, переоценка их слабых сторон и, наоборот, недооценка воздействия на массы фашистских идей привели к тому, что разрабатываемые лозунги и используемые аргументы не всегда приносили желаемый результат.

Пренебрежительное отношение к пропаганде на войска и население противника наблюдалось особенно в начальный период войны. На первых порах некоторые ограниченно мыслящие командиры считали, что «от снарядов противник лучше разлагается, чем от листовок» и что «в этой войне агитацией ни одного боя не выиграли» [Копылев 1966, с. 553]. Да, действительно, в начальный период

Великой Отечественной войны влияние советской пропаганды на личный состав войск противника было незначительным. Это объясняется в значительной мере временными успехами германской армии, опьянившими немецких офицеров и солдат и вселившими в них слепую веру в непобедимость немецкого оружия, неизбежность и близость победы фашистской Германии.

Из-за слабой подготовки к ведению пропаганды на войска и население противника в предвоенный период фактически потребовалось около двух лет для развертывания этой работы. Именно поэтому о действительной эффективности пропаганды на противника можно говорить только начиная с 1943 г. К завершающему периоду Великой Отечественной войны политорганы Красной Армии в значительной мере отошли от классовых принципов ведения пропаганды на войска и население противника, унаследованных от Гражданской войны. Однако до конца преодолеть идеологические барьеры объективно не представлялось возможным.

Заключение

Пропаганда среди войск и населения противника в ходе боев в годы Великой Отечественной войны совершенствовалась, расширялась, усиливалась ее действенность. Однако значительная часть как военнослужащих вермахта, так и населения Германии до конца войны оставалась под влиянием фашистской идеологии. Существовали стабилизирующие факторы, которые, несмотря на воздействие побед Красной Армии, на непрерывное ухудшение для Германии военнополитической обстановки, все же делали гитлеровскую армию послушным орудием в руках командования.

Во-первых, это сохранявшееся до последних дней войны нормальное снабжение армии продовольствием и боеприпасами. Трудно ожидать, чтобы хорошо накормленный и отлично вооруженный солдат поверил в то, что на его страну надвигается поражение. Неплохие же повседневные бытовые условия, в которых продолжительное время находились немецкие войска, скрывали от военнослужащих вермахта реальное военно-политическое положение рейха (ЦХИДК, Ф. 1275, Оп. 1. Д. 2, Л. 65).

Вторым фактором являлся страх: боязнь поражения и возмездия, с одной стороны, ибо фашистская пропаганда и гитлеровское командование всячески внушали немецким солдатам, что в случае

поражения Германии немецкий народ, семью любого солдата ждет самая страшная участь, и страх перед совершенно разнузданным и колоссальным по своему масштабу террором со стороны гестапо и карательных органов фашистского режима – с другой. Ко всему этому добавлялся, и не без основательно, страх перед пленом. Эти разновидности страха заставляли судорожно и отчаянно сопротивляться [Information für die Truppe 1993, Nr. 2, с. 34].

Наконец, сила инерции, привычка подчинения, тупая покорность, которые были воспитаны традициями прусской казармы и усилены муштрой в фашистском духе на протяжении многих лет, также являлись стабилизирующим фактором. Именно поэтому задачи, которые ставились в данном аспекте перед советской пропагандой – путем влияния на мировоззренческие, политические и моральные убеждения изменить основную политическую позицию большей части немецкого народа, перевоспитать его в демократическом, антифашистском духе, были нереальными.

Преодолеть действие этих факторов нашей пропаганде в целом все же не удалось и потому не удалось вызвать массового разложения в рядах немецкой армии.

Тем не менее в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. пропаганда среди войск и населения противника заняла достойное место в ряду основных способов ведения войны. Ведущий американский специалист по психологической войне П. Лайнбарджер так оценил деятельность советского пропагандистского аппарата в годы войны: «Русские достигли блестящих, буквально потрясающих результатов в пропаганде в период военных действий. Они добивались огромнейших успехов в использовании пропаганды в тактических операциях по склонению солдат к капитуляции. Они более, чем любая другая страна из Объединенных Наций, использовали средства психологической войны (со значительной примесью политической войны) в целях привлечения на свою сторону населения оккупированных районов. Но, как и все другие, русские, кажется, использовали стратегическую пропаганду как для достижения немедленного и всеобъемлющего результата, так и результата, который проявлялся постепенно, вызревая подобно плоду» [Лайнбарджер 1962, с. 211–212].

Опыт ведения пропаганды на войска и население противника в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. представляет собой большой вклад в теорию и практику информационного

противоборства. Он еще раз подтверждает огромное значение и возможности пропагандистского воздействия как эффективного средства подрыва морально-боевого духа войск и населения противника в интересах выполнения боевых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Военный Краснознаменный институт. 50 лет : сб. ст. М. : Изд-во ВКИ, 1990, 200 с.
- Информационный сборник ГлавПУ СА и ВМФ. 1975. № 1. С. 10.
- Копылев Л. З.* Слово правды через фронт // Литературное наследство. М. : Наука. 1966. Т. 78. Кн. 1. 639 с.
- Лайнбарджер П.* Психологическая война. М. : Воениздат, 1962, 362 с.
- Опыт работы ГлавПУ РККА. 7-е управление. 1946. № 1. С. 6. Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской Армии и Военно-Морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М. : Воениздат, 1971. 414 с.
- Радио в дни войны. М. : Искусство. 1982. 303 с.
- Information für die Truppe. 1993. Nr. 2, S. 34.
- Kirchner K.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Erlangen: Verlag D+C, 1992, Bd. 13, 442 S.
- Kirchner K.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg // Flugblätter aus der UdSSR, Juni-August 1941. Erlangen: Verlag D+C, 1986. Bd. 8, 672 S.
- Wolff W.* An der Seite der Roten Armee: zum Wirken des Nationalkomitees «Freies Deutschland» an der sowjetisch-deutschen Front 1943 bis 1945. 3. Aufl. Berlin : Militärverlag der DDR, 1982, 349 S.

REFERENCES

- Voennyj Krasnoznamennoj institut. 50 let : sb. st. M. : Izd-vo VKI, 1990, 200 s.
- Informacionnyj sbornik GlavPU SA i VMF. 1975. № 1. S. 10.
- Kopylev L. Z.* Slovo pravdy cherez front // Literaturnoe nasledstvo. M. : Nauka. 1966. T. 78. Kn. 1. 639 s.
- Lajnbardzher P.* Psihologicheskaja vojna. M. : Voenizdat, 1962, 362 s.
- Opyt raboty GlavPU RKKA. 7-e upravlenie. 1946. № 1. S. 6. Oruzhiem pravdy. Listovki k vojskam i naseleniju protivnika, izdannye politorganami Sovetskoj Armii i Voенno-Morskogo flota vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov. M. : Voenizdat, 1971. 414 s.
- Radio v dni vojny. M. : Iskusstvo. 1982. 303 s.
- Information für die Truppe. 1993. Nr. 2, S. 34.

Kirchner K. Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Erlangen: Verlag D+C, 1992, Bd. 13, 442 S.

Kirchner K. Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg // Flugblätter aus der UdSSR, Juni-August 1941. Erlangen: Verlag D+C, 1986. Bd. 8, 672 S.

Wolff W. An der Seite der Roten Armee: zum Wirken des Nationalkomitees «Freies Deutschland» an der sowjetisch-deutschen Front 1943 bis 1945. 3. Aufl. Berlin : Militärverlag der DDR, 1982, 349 S.

УДК 94(497.1)

П. В. Клевцевич

адъюнкт кафедры истории Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации;

e-mail: pawel.klew1990@yandex.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ЮГОСЛАВИИ В ХОДЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ (начало 1960-х – 1968 г.)

В статье анализируются проблемы и особенности советско- югославского военно-политического сотрудничества в ходе очередного витка сближения СССР и Югославии с начала 1960-х по 1968 г. Проанализированы факторы, обусловившие нормализацию советско-югославских военно-политических отношений, совместные меры советского и югославского руководства по развитию различных аспектов военно-политического сотрудничества, направленного на укрепление международных позиций стран, повышение их международного авторитета, отставание взаимных геополитических интересов на Балканах, усиление совместной борьбы за мир и разоружение, противодействие различным формам давления со стороны стран Запада. Вскрыты причины разногласий по некоторым проблемам военно-политического сотрудничества. Обоснованы уроки для выстраивания геополитической стратегии современной России на Балканах и со странами постсоветского пространства.

Ключевые слова: Югославия; Балканы; СССР; США; военно-политическое сотрудничество; военно-политические отношения; нормализация отношений; компромиссы; И.Тито; Л.И.Брежнев; Н.С.Хрущев; Балканы; стратегические интересы.

P. V. Klevtsevich

Adjunct of the Department of History of the State Military Educational Institution of Higher Education “Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail : pawel.klew1990@yandex.ru

MILITARY-POLITICAL ASPECTS OF COOPERATION BETWEEN THE USSR AND YUGOSLAVIA IN THE COURSE OF NORMALIZATION OF BILATERAL RELATIONS (EARLY 1960–1968)

The article analyzes the problems and features of the Soviet-Yugoslav military-political cooperation during the next round of rapprochement between the USSR and Yugoslavia from the early 1960s to 1968. The author analyzes the factors that led to the normalization of Soviet-Yugoslav military-political relations, joint measures of the Soviet and Yugoslav leadership to develop various aspects of military-political cooperation aimed at strengthening the international positions of the countries, increasing their international authority, defending mutual geopolitical interests in the

Balkans, strengthening the joint struggle for peace and disarmament, and countering various forms of pressure from Western countries. The reasons of disagreements on some problems of military-political cooperation are revealed. The lessons for building a geopolitical strategy of modern Russia in the Balkans and with the countries of the post-Soviet space are substantiated.

Key words: Yugoslavia; the Balkans; USSR; USA; military-political cooperation; military-political relations; normalization of relations; compromises; I.Tito; L.I.Brezhnev; N. S. Khrushchev; strategic interests.

Введение

Югославия, занимавшая чрезвычайно важное геополитическое и стратегическое положение, всегда привлекала внимание основных геополитических игроков, претендующих на укрепление своего влияния в стратегически важных регионах мира. Образование в условиях холодной войны двух недружественных блоков, с одной стороны, во главе с Советским Союзом, а с другой – Соединенными Штатами, повлекло за собой невиданное по силе противостояние. Использование для установления своего лидирующего положения политических, экономических и военных средств, направленных на подчинение более слабых соперников, приобрело закономерный характер. Однако мировая практика на примере небольшого государства, несоизмеримого по уровню экономического, военного потенциала – по сравнению с мощью сверхдержав – показала, что оно может стать самостоятельным субъектом мировой политики, умело и ловко играя на противоречиях противоборствующих гигантов, извлекать для себя экономические, политические, военные и иные выгоды. Таким государством стала Югославия. Стараясь сбросить независимость от обеих сверхдержав, но при этом не желая лишаться выгоды от сотрудничества с ними, руководство Югославии перешло к принципу равноудаленности во внешней политике со сверхдержавами. По сути, это означало постоянное маневрирование (лабиринтирование) между Вашингтоном и Москвой, попеременное сближение с одной из сторон и, как следствие, ухудшение отношений – с другой.

«Зигзаги» югославской внешней политики постоянно держали советскую сторону в тонусе, так как ее постоянно заботили вопросы единства стран социализма как условия укрепления ее международных позиций на Балканах и в мире. Всё это обусловило выдвижение вопросов военно-политического сотрудничества с Югославией в число приоритетных задач Советского Союза.

Изучение и анализ опыта Югославии как субъекта внешней политики дает возможность обратиться к современности и попытаться найти ответ на проблему, как и за счет чего небольшие современные государства могут защищать свои интересы, оказывать влияние на международные отношения и проводить суверенную внешнюю политику, базирующуюся на национальных приоритетах без оглядки на взгляды сверхдержав или какого-то из центров силы регионального уровня.

С другой стороны, опыт прошлого периода нормализации двусторонних советско-югославских военно-политических отношений, основанный на учете фундаментальных интересов сторон и взаимного поиска компромиссов, может стать примером для активизации военно-политического сотрудничества в настоящем со странами бывшей Югославии, среди которых Сербия, как правопреемница бывшего союзного государства, представляет для России особый геополитический интерес.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить характер и особенности нормализации военно-политических отношений Советского Союза и Югославии начала 1960-х – 1968 г., определить причины разногласий по некоторым проблемам военно-политического сотрудничества, а также оценить возможность применения этого опыта при решении геополитических проблем современной России.

Факторы, обусловившие нормализацию советско-югославских военно-политических отношений начала 1960-х – 1968 г.

В начале 1960-х гг. советско-югославские межгосударственные и военно-политические отношения¹ сохраняли тенденцию к нормализации, хотя протекали не всегда гладко с учетом особых отношений

¹ Военно-политические отношения (ВПО) представляют собой совокупность идеологически мотивированных взаимодействий между субъектами политики (государствами, партиями, социально-политическими общностями, институтами и военными организациями), складывающихся в процессе специфической деятельности по реализации экономических, политических и иных интересов с применением или возможностью применения вооруженного насилия. По своему характеру ВПО могут быть отношениями: сотрудничества; нейтрального характера; соперничества; конфронтации и открытого противоборства. По направленности ВПО подразделяются на внутренние и международные.

югославской стороны с США. В основе этого процесса лежали взаимные интересы руководства СССР и Югославии.

В число геополитических приоритетов Советского Союза в этот период входило вовлечение в зону своих интересов неприсоединившихся стран Азии и Африки, позиции которых по ряду вопросов зачастую совпадали с военно-политической стратегией советской стороны, упрочение международных позиций Советского Союза и оказание давления на западные страны. Советскому Союзу, который проводил политику мирного сосуществования, жизненно необходима была международная поддержка этих стран, и, прежде всего, на международной площадке ООН. Советские руководители рассчитывали в решении этой стратегической задачи на помощь Иосипа Броз Тито, который, являясь несомненным авторитетом и лидером стран неприсоединения, обладал огромным политическим весом и влиянием на страны Азии и Африки. Сближали геополитические позиции Советского Союза и Югославии и единые взгляды на конфликт СССР с Албанией и Китаем, которые резко негативно восприняли организованную Н. Хрущевым политику десталинизации¹.

Сложившаяся ситуация для Советского Союза усугублялась и тем, что руководство Коммунистической партии Китая (КПК) вознамерилось играть активную роль на международной арене и в коммунистическом движении, что явно не входило в планы Москвы, являющейся признанным лидером в международном коммунистическом движении. Открытая поддержка И. Тито КПСС в противостоянии с КПК была воспринята руководством Советского Союза позитивно. Эта оценка документально подтверждена в стенографических записях заседаний Президиума ЦК КПСС, где было отражено стремление видных функционеров ЦК КПСС оградить югославских коммунистов от идеологических нападков², организуемых КПК [Президиум ЦК КПСС 2015, т. 1, с. 664, 695–696, 700]. В дискуссии на странице центрального печатного органа ЦК КПСС газеты «Правда»

¹ Китайская сторона, осуждая кампанию десталинизации, воспринимала ее как непосредственную критику в адрес политики своего вождя Мао Цзэдуна, а ее влияние оценивала, как фактор ослабления единства стран социалистического лагеря.

² При этом не отрицались существующие разногласия с руководством СКЮ.

с идеологическими противниками из КПК 10 февраля 1963 г. отмечалось, что в СКЮ¹ и ФНРЮ² «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением» [Стыкалин 2010, с. 200].

Новые подходы советских коммунистов состояли в том, что спорные вопросы между КПСС и СКЮ остаются, но своей дружеской критикой «мы должны содействовать процессу освобождения [Югославов] от ошибочных позиций, помогать изживать недостатки» [Президиум ЦК КПСС 2015, т. 1, с. 696].

Югославская сторона также была заинтересована в сотрудничестве с Советским Союзом, так как ее взаимодействие с такой влиятельной силой, как СССР, увеличивало потенциальное влияние внеблоковых стран в мире.

Положительный вектор внешней политики Советского Союза после XXII съезда КПСС, ориентированный на мирное сосуществование государств, а также то, что на съезде основным объектом критики стал сталинизм, а критика югославского ревизионизма была незначительной, подвигало руководство ФНРЮ к улучшению межгосударственных и военно-политических отношений с Советским Союзом [XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 1962, т. 1–3].

Важную роль в этом решении сыграла также единая идейная платформа – социалистическая идеология, играющая роль катализатора советско-югославских государственных и военно-политических отношений. При всех различиях во взглядах на пути строительства социализма И. Тито и его ближайшие сподвижники всегда были ориентированы на дружбу с могущественным Советским Союзом, являвшемся первопроходцем на пути к социализму.

Важнейшим фактором, способствовавшим сближению Советского Союза с Югославией, явилось и обострение отношений с США из-за позиции, занятой И. Тито в ходе Белградской конференции 1961 г., где он охарактеризовал политику США и его союзников как империализм, насилие, политика силы и «пактомания» [Skupovi 1974, с. 39–58].

¹ Союз коммунистов Югославии – правящая партия коммунистической направленности в Социалистической Федеративной Республике Югославия.

² Федеративная Народная Республика Югославия с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

По многим вопросам мировой политики на Белградской конференции И. Тито обозначился как сторонник Советского Союза, тем самым он нарушил ранее данные американской стороне заверения о лояльности. В новой ситуации внешнеполитические приоритеты Белград связывал с сотрудничеством с неприсоединившимися странами и нормализацией отношений с СССР. В интересах реализации этих приоритетов югославская сторона открыто пошла на обострение отношений с Америкой¹.

Вместе с тем одним из определяющих факторов, стимулирующих руководителей Югославии к нормализации государственных и военно-политических отношений, стали проблемы в экономике страны к началу 1960-х г. Экономическая ситуация для Югославии осложнялась наступившим обострением отношений с США в связи с позицией И. Тито, высказанной на Белградской конференции по поводу империалистической и насильственной политики Америки в мире. Руководство ФНРЮ прогнозировало, что последствия выступления Тито повлекут прекращение льготных для Югославии условий экономического сотрудничества с США. И в скором будущем эти предположения подтвердились²: объемы предоставления американской экономической помощи Югославии уменьшились, а условия ее предоставления нарушились³. В результате этого значительно ухудшился торговый баланс страны во внешней торговле, ощущалась нехватка некоторых видов сырья и топлива, снизились объемы кредитования экономики.

В этой обстановке югославская сторона остро осознала необходимость установления тесных связей с Советским Союзом и странами социалистического лагеря с тем, чтобы на основе взаимовыгодного сотрудничества укрепить свои позиции в экономике, улучшить

¹ В то же время югославское руководство планировало оставить место для внешнеполитического маневра в случае изменения ситуации и возможности возобновить отношения с США.

² Соединенными Штатами была отклонена заявка ФНРЮ на предоставление ей кредитов для осуществления пятилетнего плана экономического развития страны, в неопределенной ситуации оказался вопрос о поставках зерна и запасных частей к американской военной технике.

³ Американская сторона, манипулируя экономическими рычагами оказания экономической помощи ФНРЮ путем ее сокращения и изменения характера ее предоставления, не оставляла надежды добиться от Югославии желаемого для нее внешнеполитического курса.

структуру торгового баланса, найти рынки сбыта для производимой в стране продукции промышленного и сельскохозяйственного назначения, обеспечить национальную промышленность необходимым сырьем и ресурсами, преодолеть дискриминационную политику западных государств, объединенных в экономические союзы¹, повысить обороноспособность государства, поднять внешнеполитический авторитет за счет военного фактора.

Характер и особенности нормализации советско-югославских военно-политических отношений

Новая фаза советско-югославского сближения в области военно-политических отношений характеризовалась интенсивным обменом мнений по различным аспектам внешнеполитических проблем. В ближайшей повестке стояла проблема по Берлинскому вопросу². Н. С. Хрущев в своем послании руководству ФНРЮ изложил оценки и позицию Москвы по признанию образовавшихся на территории Германии двух государств и заключению с ними мирного договора, приданию Западному Берлину статуса нейтрального, демилитаризованного, «вольного города», а также по вопросам разоружения (*Информация Н. С. Хрущева о Берлинском вопросе и разоружении. АЖ.КРР. I-1/992.СКСКJ. 507/IX. Ответ Председателя Президиума Верховного Совета СССР Никиты Хрущева. 28.04.1962*).

Позиция Москвы по Берлинскому вопросу нашла полную поддержку И. Тито. Он обратился к Н. Хрущеву с предложением не включать в повестку взаимного обсуждения те вопросы, которые мешают

¹Западноевропейские страны были объединены в организацию Европейского экономического сообщества (1957–1993) и так называемый Общий рынок. Экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря происходило в рамках Совета экономической взаимопомощи (1949–1991).

²Берлинский кризис был обусловлен провалом переговоров Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди по данному вопросу. В нарушение Потсдамского договора (1945) Западный Берлин был окружен по инициативе ГДР бетонной стеной с контрольно-пропускными пунктами и, тем самым, был заблокирован свободный доступ населению из восточных секторов Берлина в западные. Противоположная сторона, в лице вооруженных подразделений Соединенных Штатов, развернула свои силы, включая и танковые, вдоль воздвигнутой стены. Конфликт в формате вооруженного противостояния закончился в конце октября 1961 г., но сама Берлинская стена осталась до 1989 г. как символ «холодной войны».

продуктивному развитию отношений между государствами. Югославский руководитель выразил уверенность в том, что «время и практика помогут решить то, в чем стороны не могут прийти к единому мнению», а многие проблемные вопросы могут сняться по итогам совместных рабочих встреч. Такой подход, по мнению Тито, способствовал бы лучшему взаимопониманию между странами (*А.А.КПР. I-1/992. СКСКЖ. 507/IX. Ответ Председателя Президиума Верховного Совета СССР Никиты Хрущева. 28.04.1962*).

Югославскую сторону особо заботила проблема укрепления ее обороноспособности, повышения боевой мощи вооруженных сил. Этот вопрос неоднократно поднимался в ходе двусторонних контактов. В ходе встречи 26 марта 1962 г. посла Советского Союза в Югославии А. А. Епишева с И. Тито, наряду с обсуждением международных проблем по поводу ситуации на Ближнем Востоке и Берлинскому вопросу, югославский президент был проинформирован о том, что советским руководством принято решение о военных поставках в ФНРЮ. Посол также сообщил пожелание советского руководителя: «Необходимо везде, где возможно, расширять сотрудничество, невзирая на партийные разногласия».

Принятое Советским Союзом решение о военных поставках было реализовано посредством значительного по объему контракта на поставки ФНРЮ военной техники. И уже 1 мая 1962 г. в столице Югославии в военном параде приняли участие поступившие из Советского Союза 20 новых танков Т-54, 12 противотанковых самоходных установок Су-100 и несколько вертолетов. Потребности югославов в военной технике и вооружении в полной мере удовлетворялись советской стороной по их запросам. В период 1961–1964 гг. Советским Союзом было поставлено военной техники и вооружений на сумму в 140 млн долл. США (*А.А.КПР. IX. 119/I-232-236. Май 1965*).

В условиях «холодной войны» военное сотрудничество для Югославии ценилось очень высоко, как гарантия национальной безопасности страны.

Подтверждением серьезных изменений в советско-югославских отношениях стали итоги визита с 16 по 21 апреля 1962 г. в ФНРЮ А. А. Громько, которого лично принял И. Тито. В ходе переговоров был обсужден традиционный круг внешнеполитических проблем: Берлинский вопрос, отношения Советского Союза и США, испытания

атомного вооружения. До советского министра иностранных дел была доведена позиция югославской стороны о роли Югославии в социалистической ориентации неприсоединившихся стран.

Итогами визита советской делегации в Югославию были удовлетворены обе стороны. Югославами была продемонстрирована поддержка внешнеполитического курса Москвы. Белград был удовлетворен наметившимся выгодным сотрудничеством в сфере экономики и обороны.

Оценку по поводу этого визита выразил в своем послании югославским руководителям Н. С. Хрущев, который отметил, что общие подходы стран по вопросам международной политики для Советского Союза ожидаемы, в связи с тем, что «у социалистических стран не может быть различных мнений о необходимости приложения усилий для решения назревших проблем» (*А.К.Р.Р.-1/992.СКСК. 507/IX. Ответ Председателя Президиума Верховного Совета СССР Никиты Хрущева. 28.04.1962*).

Тем самым советский руководитель подтвердил кардинальное изменение в отношениях двух стран. Исходя из этой оценки Н. Хрущев обратился к руководителям Румынии и Болгарии, имеющих партийные и идеологические разногласия с Белградом, с настойчивой рекомендацией на улучшение отношений с ФНРЮ [Едемский 2011, с. 680]. С этого времени двусторонние отношения СССР и Югославии вступили в фазу активного развития сотрудничества.

Единство позиций Москвы и Белграда были продемонстрированы в ходе первого визита [24 сентября – 4 октября 1962 г.] в Югославию Л. И. Брежнева, занимавшего пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Вместе с тем с обеих сторон была показана принципиальность в ключевых для каждого участника переговоров концептуальных позициях на место и роль страны в национальном и мировом политическом процессе. Она проявилась уже во второй день визита на заседании Союзного исполнительного вече [правительства] ФНРЮ. В своей речи И. Тито отметил, что «наличие некоторых различий не должно быть препятствием <...> ибо, по моему мнению, они представляют собой нормальное явление, которое в современном мире часто вытекает из того факта, что конкретные пути экономического и общественного развития отдельных стран различны в силу исторических и других условий» (*Правда, 25.09.1962, с. 3*). Со своей стороны, Л. И. Брежнев

подчеркнул, что совместные усилия должны быть направлены на «... единство и мощь миролюбивых сил нашей планеты в совместной борьбе за прочный мир...» (там же).

Таким образом, стороны переговоров выразили свои принципиальные позиции в выстраивании двусторонних государственных и военно-политических отношений: с югославской стороны – это постулат о существовании различных путей социалистического строительства, а советской – о необходимости сплочения сил, борющихся за мир.

Одним из центральных вопросов переговоров стала политика неприсоединения, активно проводимая Югославией. И. Тито сделал акцент на то, что эта политика, содержание которой есть борьба за мир, разоружение, является своеобразной формой поддержки политики Советского Союза, направленной на предотвращение мировой войны (А.И. КРР. *1-3-а/101-40. Отчет о югославо-советских переговорах, проводимых в ходе визита председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева в Югославию в период с 24 сентября по 4 октября 1964 г.*).

Л.И. Брежневым вновь остро был поставлен вопрос о единстве стран социализма в связи с событиями 1956 г. в Венгрии, ставшими причиной ухудшения двусторонних отношений в конце 1950-х гг. Советский руководитель подверг критике позицию Белграда в связи с этими событиями, высказанную в речи И. Тито в Пуле¹. Не обошел стороной Л. Брежнев вопрос о том, что югославская сторона, критично относящаяся к блоковой политике государств, не видит различий между социализмом и капитализмом². По этому поводу Тито возразил: «...Мы же говорим не о блоках, а о социалистическом мире. Поэтому формальное вступление в некий лагерь не важно»³.

¹ Тито в своем выступлении перед партийным активом в Пуле дал крайне негативную оценку политике Советского Союза в связи с кризисом в Венгрии, использованием им военной силы для разгона демонстрации в Будапеште 23 октября. В то же время применение советских войск во время второй волны эскалации кризиса он назвал меньшим из зол, так как была предотвращена попытка оппозиции и сил Запада реставрировать капитализм, что способствовало предотвращению гражданской войны в Венгрии.

² Югославские коммунисты подвергались критике за их программную позицию о том, что «разделение мира на блоки препятствует осуществлению идеи сосуществования, противоречит полной независимости и суверенности народов и государств» (РГАНИ. *Оп. 12. Д. 360. Л. 101*).

³ Цит. по: [Новосельцев 2015, с. 62].

Не взирая на проявившиеся противоречия, стороны остро ощущали необходимость компромиссов во имя улучшения отношений, поэтому проявляли взаимную предупредительность и не шли на обострение. В очередной раз советская делегация проявила понимание позиции Белграда, который, выстраивая отношения с СССР, желал не навредить отношениям с США.

В коммюнике по итогам встречи была продемонстрирована солидарная позиция по вопросам политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, полного разоружения, необходимости признания двух германских государств. Кроме того, было зафиксировано важное положение о наличии «прочной основы плодотворного сотрудничества двух государств» (*Совместное заявление об официальном визите Л. И. Брежнева в ФНРЮ 1962*). Важное значение для развития двусторонних отношений имел визит югославской делегации во главе с И. Тито в СССР в период с 3 по 20 декабря 1962 г., целью которого стало подведение итогов сближения стран в 1961–1962 гг. Традиционно этому событию предшествовала кропотливая подготовительная работа по выяснению и согласованию вопросов предстоящей повестки в ходе переговоров и встреч, предваряющих визит.

В ходе состоявшихся переговоров был затронут ряд внешнеполитических проблем, представляющих интерес для лидеров государств. Главы государств обменялись мнениями по поводу характера взаимодействия со странами неприсоединения. И. Тито продемонстрировал свое понимание роли ФНРЮ в отношениях с этими странами. Он отметил: «Югославии было бы полезно продолжать выполнять эту роль, то есть работать с неприсоединившимися странами. Это отвечает интересам всех социалистических стран и интересам мира». Н. С. Хрущев согласился с важностью работы с неприсоединившимися странами, но не преминул выразить свою оценку, которая заключалась в том, что «дело в тех основных вопросах отношений между вами и ими и вашего отношения к социалистическому лагерю» [Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. 2014, т. 1, с. 387]. Советский руководитель также выразил понимание позиции Югославии в связи с сотрудничеством с США, однако отметил, что американцы пытаются использовать ее с целью «разложить социалистический лагерь» [там же, т. 1, с. 385]. Таким образом, Н. С. Хрущев в очередной раз обозначил свое критическое отношение к позиции Белграда по поводу нежелания вступить в союз социалистических государств.

В ходе переговоров И. Тито сделал акцент на том, что «Югославия стремится к улучшению отношений», что имеющиеся разногласия не настолько серьезны, чтобы служить тормозом развития тех сфер двусторонних отношений, которые представляют взаимный интерес для государств. Но в то же время И. Тито согласился с тем, что руководство ФНРЮ, возможно, допускает ошибки, и это естественно, а также заверил о готовности прислушиваться к критике и корректировать «отдельные недостатки». Речь шла о дискуссионных вопросах, связанных с усилением роли коммунистической партии Югославии в жизни страны, соблюдением принципа плановости в экономике, возвращением функций центральным органам правительства в области внешней торговли и, соответственно, ограничением самостоятельности отдельных предприятий в торговле с зарубежными фирмами.

В ходе переговоров был поднят вопрос о советских военных поставках в ФНРЮ. Не обошлось при этом без демонстрации, как показали дальнейшие события, ошибочной позиции Н.С. Хрущева в связи с вопросом о роли обычных вооружений по сравнению с мощностью ракетного вооружения и возможностях атомного оружия Советского Союза в защите стран социалистического лагеря. На непосредственный вопрос И. Тито, будет ли из Советского Союза продаваться в страну военная техника и вооружение (включая системы морской и береговой обороны и ракеты), он ответил согласием¹.

С этого времени и до конца 1980-х гг. СССР был основным поставщиком ВВТ в СФРЮ [Vogetic 2010, с. 20].

Качественный скачок в двусторонних отношениях Советского Союза и Югославии, потребность в развитии государственных и военно-политических отношений на постоянной основе обусловили необходимость выработки подходов к формату двустороннего сотрудничества и консультациям по важнейшим проблемам международных отношений с учетом внеблоковой политики Белграда. Исходя из всех обстоятельств, было принято решение проводить консультации по вопросам двустороннего военно-политического сотрудничества и международным отношениям в форме визитов во время отпуска одного из лидеров². Такой формат позволял избавиться от формальностей дипломатического протокола.

¹ Цит. по: [Новосельцев 2015, с. 64].

² В период с 1962 по 1968 гг. руководители двух государств встречались каждый год, а иногда даже по несколько раз в год.

Очередная встреча руководителей Советского Союза и Югославии произошла в период с 26 по 27 августа 1963 г. Первыми вопросами обсуждения стали прошедшие события, связанные с Карибским, Берлинским кризисами и другие вопросы. В ходе консультаций было выражено единодушное понимание политических процессов, связанных с этими событиями, и выработана совместная позиция (*АЖКР.І-3-а/101-52. Визит Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева. 20.08-3.09.1963. Материалы политических переговоров*). Однако ключевой проблемой встречи явилось политическое положение в странах Азии и Африки в связи с тогдашней агрессивной внешней политикой Китая. Ведущие мировые страны, государства, граничащие с Китаем, опасались последствий его непредсказуемого внешнеполитического курса. По данному вопросу взгляды сторон также совпали. Они осудили агрессивную внешнюю политику Пекина против стран Азии и Африки и деятельность КПК, подрывающую единство стран социализма, а также демарши в китайской печати против СССР и СФРЮ. «Сейчас все зависит от крепости и единства других социалистических стран», – резюмировал Н. С. Хрущев (*там же*).

В ходе второго раунда переговоров югославским лидером была подчеркнута необходимость оказания всесторонней помощи странам «третьего мира» с тем, чтобы они двигались по прогрессивному пути.

По оценке советской стороны, несмотря на имеющиеся разногласия, визит прошел успешно, так как ставилась задача не устранения разногласий, а обсуждения тех проблем, по которым существовали единые подходы. На первом месте была внешнеполитическая проблематика. В интересах расширения военно-политического сотрудничества Советский Союз посетил югославский военный министр генерал И. Гошняк¹ [Tripkovic 2002].

1964 год ознаменовал дальнейшее улучшение советско-югославских двусторонних военно-политических и межгосударственных отношений. По-прежнему ключевым оставался китайский вопрос, который стал предметом обсуждения на двухдневных переговорах, имевших

¹ Югославский военный и политический деятель, генерал армии ЮНА, Союзный секретарь народной обороны (1953–1967), в 1968 г. член Президиума ЦК СКЮ.

неофициальный характер и начавшихся 8 июня 1964 г. в Ленинграде. И. Тито сформулировал свое понимание данного вопроса: «...Борьбу с китайцами надо вести более широким фронтом. На первом плане должны стоять вопросы о мире или войне, о мирном сосуществовании [Встречи и переговоры на высшем уровне... 2014, т. 1, с. 481–484].

Особое место в двусторонних отношениях этого периода занимали вопросы расширения военного сотрудничества. Советская военная делегация, возглавляемая министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, в мае–июне 1964 г. посетила Югославию.

Характер советско-югославских двусторонних отношений первой половины 1964 г. определили особые отношения руководства ФНРЮ с Соединенными Штатами по поводу трагических событий, связанных с убийством Дж. Кеннеди и развернувшейся в связи с этим событием предвыборной кампанией. Поэтому югославская сторона опасалась демонстрировать близость отношений с СССР, так как трудно было предсказать внешнюю политику нового руководства США по отношению к Югославии. А для югославы, как всегда, важно было не дать повода для осложнения отношений с американцами.

С приходом к власти Л. И. Брежнева двусторонние военно-политические и межгосударственные отношения стали характеризоваться стабильностью и предсказуемостью с традиционным, до определенных пределов, дистанцированием югославы от блока социалистического содружества и сохранением за ними права на свой путь строительства социализма, а также при сохранении особых отношений с США. Кризис советско-югославских двусторонних отношений в августе 1968 г. был преодолен совместными усилиями.

Проведенный анализ проблем советско-югославского военно-политического взаимодействия в ходе нового витка нормализации отношений начала 1960–1968 гг. позволил сформулировать уроки для современной России по реализации военно-политической стратегии на международной арене со странами, ориентированными на взаимовыгодное сотрудничество. Это, прежде всего, ряд стран постсоветского пространства и Балканского региона, где традиционно геополитические позиции России были сильны.

Для современного российского руководства и дипломатов служат примером последовательные высокопрофессиональные действия

советского правительства и партии по созданию условий для взаимовыгодного военно-политического сотрудничества на основе поиска компромиссов с Югославской республикой при сохранении своих принципов и уважительном отношении к принципам другой стороны.

В ключе такого подхода должны основываться и современные военно-политические и государственные отношения России с Сербией. Она по-прежнему, при всей противоречивости и двойственности ее политической ориентации, вызванной мощным давлением Запада по ее принуждению двигаться по европейскому пути, традиционно является ключевым партнером России на Балканах. В такой непростой внешнеполитической ситуации Россия может найти много полезного в прошлом опыте советско-югославского взаимовыгодного сотрудничества для решения современных геополитических проблем в этом регионе. Более того, у нее не остается другого варианта, кроме того, как максимально использовать геополитический потенциал Сербии для достижения своих стратегических интересов на Балканах.

Закреплению такого подхода способствует и то, что у российской элиты и определенной части общества, полагавшими, что после окончания «холодной войны» установилась дружба с Соединенными Штатами и Западной Европой, после бомбардировок Югославии, усилий Вашингтона и Брюсселя по образованию квазигосударства в Косово, последовательного продвижения блока НАТО к границам Российской Федерации, наступило прозрение. Стало понятно, что если не заняться укреплением обороноспособности страны, то Россию может постигнуть трагическая участь Югославии.

Беспокоит Россию жестко и последовательно проводимая Вашингтоном политика по распространению своего влияния на страны постсоветского пространства с целью завоевания геополитического преимущества на этих территориях и сдерживанию России.

Заключение

Таким образом, в течение 1960-х гг. характер советско-югославского военно-политического сотрудничества определялся процессом качественно нового уровня нормализации отношений Советского Союза и Югославии, обусловленного обоюдным пониманием взаимных интересов в сотрудничестве, стремлением к компромиссам в разрешении спорных проблем, имеющих принципиальное значение для каждой

из сторон, а также во имя сохранения условий для диалога и поддержания межгосударственных и военно-политических отношений.

Советско-югославские военно-политические отношения развивались преимущественно по внешнеполитической проблематике, где позиции сторон в значительной степени совпадали. Наряду с этим расширялись контакты и сотрудничество по вопросам военного сотрудничества, военно-технической помощи, осуществления поставок вооружения и техники. Интенсивность и динамика этого сотрудничества возрастала в ходе визитов глав государств, дипломатов, представителей исполнительной и законодательной власти, обмена визитами военными делегациями. В условиях роста напряженности в мире (Берлинский, Ближневосточный, Карибский кризисы, Советско-китайский конфликт) СССР добивался поддержки Югославии по важнейшим вопросам международных отношений. Целью советского руководства было укрепление единства социалистического лагеря.

Фактором, сдерживающим динамику советско-югославского военно-политического сотрудничества, являлся особый характер отношений Югославии с США, нежелание югославов терять экономические и политические выгоды от двусторонних отношений с ними.

России нужно внимательно усвоить уроки нормализации отношений СССР и Югославии с тем, чтобы укрепить свое геополитическое положение и авторитет на Балканах и постсоветском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. : сборник : в 2 т. М. : Демократия, 2014. Т. 1. 1946–1964. 880 с.
- Едемский А. Б.* Нормализация отношений с СССР (март 1953 г. – начало 1960-х гг.) // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2011. 888 с.
- Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968). М. : Институт славяноведения РАН, 2015. 352 с.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. 3-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2015. Т. 1, 2. 1374 с.
- Стыкалин А. С.* Проблемы советско-югославских отношений : материалы Президиума ЦК КПСС (1953–1964). Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2010. С. 179–217.

- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет : Т. 1–3. М. : Госполитиздат, 1962. 592 с.
- Bogetic D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u Hladnomratu. Beograd, 2010. 214 s.
- Skupovi nesvrstanih zemalja. Beograd, 1974. 256 s.
- Tripkovic B.* Kubanska kriza i odnos Jugoslavije prema njoj // Istorija XX veka. № 2. Beograd, 2002. S. 89–102.

REFERENCES

- Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelej SSSR i Jugoslavii v 1946–1980 gg. : sbornik : v 2 t. M. : Demokratija, 2014. T. 1. 1946–1964. 880 s.
- Edemskij A. B.* Normalizacija otnoshenij s SSSR (mart 1953 g. – nachalo 1960-h gg.) // Jugoslavija v XX veke. Oчерki politicheskoj istorii. M. : Indrik, 2011. 888 s.
- Novosel'cev B. S.* Vneshnjaja politika Jugoslavii (1961–1968). M. : Institut Slavjanovedenija RAN, 2015. 352 s.
- Prezidium CK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanij. Stenogrammy. Postanovlenija: v 3 t. 3-e izd., ispr. i dop. M. : ROSSPJeN, 2015. T. 1, 2. 1374 s.
- Stykalin A. S.* Problemy sovetsko-jugoslavskih otnoshenij : materialy Prezidiuma CK KPSS (1953–1964). Ekaterinburg : Gumanitarnyj un-t, 2010. S. 179–217.
- XXII s#ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. 17–31 oktjabrja 1961 goda. Stenograficheskij otchet : Toma 1–3. M. : Gospolizdat, 1962. 592 s.
- Bogetic D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u Hladnomratu. Beograd, 2010. 214 s.
- Skupovi nesvrstanih zemalja. Beograd, 1974. 256 s.
- Tripkovic V.* Kubanska kriza i odnos Jugoslavije prema njoj // Istorija XX veka. № 2. Beograd, 2002. S. 89–102.

УДК 342.532:[061.5:621.394]1906/14

Е. Г. Кострикова

доктор исторических наук; Центр истории России XIX – начала XX вв.;
ведущий научный сотрудник Института российской истории
Российской академии наук; e-mail: E.kostrikova&list.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1906–1914)

Появление в России представительного органа вызвало горячий отклик в обществе. При Санкт-Петербургском телеграфном агентстве было открыто отделение, задачей которого было информирование отечественной и зарубежной печати о работе Государственной думы. В данной статье впервые освещается деятельность этого учреждения, его взаимодействие с другими ведомственными структурами и прессой. Руководство СПА действовало в соответствии с указаниями правительства, сознавая свою ответственность за создание позитивного образа России за границей. Исследование базируется главным образом на архивных материалах.

Ключевые слова: Государственная дума России; Санкт-Петербургское телеграфное агентство; русская пресса; информация.

E. G. Kostrikova

Doctor of History (Dr. habil), Prof.;
Center of Russian History of the XIX – Early XX Centuries. Leading Researcher
Institute of Russian History Russian Academy of Sciences;
e-mail: E.kostrikova&list.ru

ST-PETERSBURG TELEGRAPH AGENCY AS AN INFORMATION RESOURCE OF THE STATE DUMA (1906–1914)

The appearance of a representative body in Russia caused a warm response in society. At the St. Petersburg Telegraph Agency, a branch was opened whose task was to inform the domestic and foreign press about the work of the State Duma. This article covers for the first time the activities of this institution, its interaction with other departmental structures and the press. The SPA management acted in accordance with the government's instructions, aware of its responsibility to create a positive image of Russia abroad. The research is based mainly on archival materials.

Key words: State Duma of Russia; St. Petersburg Telegraph Agency; Russian press; information.

Введение

Революция 1905–1907 гг. изменила политическую систему в России. В общественную жизнь вошли такие новые явления, как Государственная дума, политические партии. Иной стала и роль прессы, которая заявила о себе как о реальной политической силе. Русское общество, пробудившееся к политической жизни, живо интересовалось всем, что происходило в самой Российской империи и за ее рубежами.

В 1904 г. в России было основано Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Инициатива принадлежала С. Ю. Витте, обеспокоенного иностранным засильем в информационной сфере, которое особенно негативно проявилось в ходе Русско-японской войны. Дело в том, что к началу XX в. консорциум крупнейших телеграфных агентств поделил между собой информационно мировое пространство. При этом Россия попала в сферу влияния немецкого агентства Вольф. Витте рассчитывал, что телеграфное агентство, находящееся в ведении российского правительства, со временем сможет составить конкуренцию английскому Рейтер, французскому Гавас, немецкому Вольф, австрийскому Корреспонденц-бюро и др.

Усилия, предпринятые властью, принесли свои плоды. В 1907 г. Санкт-Петербургское телеграфное агентство уже состояло равноправным членом консорциума семнадцати крупнейших западноевропейских и американских телеграфных агентств. Оно имело своих представителей в главных центрах Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Около 2 тыс. постоянных корреспондентов работали во всех губернских и уездных городах Европейской и Азиатской России. СПА предлагало своим подписчикам политические и коммерческие телеграммы по весьма обширной программе.

Весной 1907 г. директором-распорядителем СПА был назначен А. А. Гирс, который в это время уже заведовал Отделом печати Министерства иностранных дел. В отличие от большинства чиновников Гирс активно участвовал в общественной жизни и входил в руководство партии октябристов. Сочетание всех этих факторов открывало более широкие возможности для налаживания контактов руководителя официального телеграфного агентства с представителями прессы и депутатами Государственной думы.

Тема взаимодействия и сотрудничества Государственной думы с Санкт-Петербургским телеграфным агентством до сих пор не

получила освещения ни в отечественной, ни в зарубежной исторической литературе, да и сама история СПА долгое время оставалась вне сферы внимания историков. Можно назвать лишь статью Б. И. Есина «К истории телеграфных агентств в России XIX в.», в которой упоминается Санкт-Петербургское телеграфное агентство [Есин 1960]. Из иностранных авторов следует отметить книгу финского историка Т. Рантанен, посвященную связям между иностранными и российскими телеграфными агентствами во второй половине XIX – начале XX в. [Rantanen 1990]. Россию она рассматривает в системе международных соглашений, признавая самостоятельную роль российских агентств, хотя несколько преувеличивает влияние агентства Вольфа. Автор данной статьи посвятила ряд работ истории создания и деятельности Санкт-Петербургского телеграфного агентства [Кострикова 1981; Кострикова 1997; Кострикова 2010].

Вместе с тем имеются все условия для дальнейшего исследования истории такого мощного информационного ресурса российского правительства, каким было Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Большой интерес представляет значительный комплекс архивных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, пресса того времени и др.

Актуальность темы связана с той ролью, которую играли Государственная дума, общественные организации и пресса в жизни Российской империи в начале XX в. и особенно накануне Первой мировой войны, когда в политическую практику стало входить такое явление, как информационные войны.

Отделение Санкт-Петербургского телеграфного агентства при Государственной думе

Появление представительного органа в России вызвало горячий отклик в обществе. От Государственной думы ожидали многого. Редакции газет выразили желание, чтобы Санкт-Петербургское агентство организовало подписку на полные стенографические отчеты о заседаниях Думы. Расходы должны были компенсироваться за счет дополнительной абонементной платы. Инициатива была поддержана, и руководство СПА распорядилось открыть Отделение агентства при Государственной думе.

Освещение деятельности законодательного собрания было делом новым, как для органов русской прессы, так и для подразделений

Санкт-Петербургского телеграфного агентства. И тем и другим еще предстояло освоиться в Таврическом дворце, приобрести необходимый опыт и обзавестись полезными связями. Думы первого и второго созывов просуществовали недолго, но уже в этот короткий период обозначились недостатки в работе СПА. Сложности возникали не только при взаимодействии сотрудников агентства с представителями прессы, но порой и с некоторыми ведомственными структурами.

По-настоящему наладить работу Отделения СПА удалось лишь в Думе третьего созыва. В дни, когда проходили пленарные заседания, в обязанности сотрудников отделения входили: 1) выпуск стенографических отчетов для петербургских и московских газет; 2) рассылка по телеграфу краткого отчета в провинциальные газеты; 3) передача информации иностранным газетам, при посредстве международного консорциума телеграфных агентств.

В течение многих лет Отделением СПА при Государственной думе руководил помощник директора-распорядителя агентства А. А. Гельфер. В начале работы третьей Думы в штат Отделения входили шесть дежурных редакторов, стенографисты и технические служащие: переписчики, рассыльные. В дни пленарных заседаний в здании Таврического дворца должны были находиться: редактор телеграмм для русской провинциальной печати Ю. В. Александровский, редактор телеграмм для иностранной прессы Р. О. Будберг, а также сотрудники отдела стенограмм. В дни заседаний комиссий в Думе работали дежурные редакторы Александровский или Коротнев. Личный состав мог изменяться, но основной костяк коллектива при этом сохранялся. В 1908–1909 гг. в отделении работали: старшие редакторы А. М. Ловягин, А. Д. Коротнев, В. Я. Кричевский; редакторы бюллетеней Г. Е. Калинин, А. А. Полянский, А. Н. Карасик, Я. Б. Бруксон, Е. К. Бринкман, Л. Х. Пиштелич, В. Ф. Мейен, М. С. Модель, П. Я. Стебницкий и Н. В. Сорин (*Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1076. Л. 111, 131, 193, 215*) [Государственная дума. III созыв... 1909, с. 142–143].

В связи с реорганизацией работы отделения в 1910 г. его личный состав был сокращен до 23 человек, включая технический персонал. Старших редакторов по-прежнему было трое: А. Д. Коротнев, Г. Е. Калинин и А. М. Ловягин, но часть редакторов была уволена. Остались наиболее опытные А. А. Полянский, А. П. Ланговой, к которым добавили бывшего старшего стенографа С. А. Федотова и А. В. Шпигановича, ранее заведовавшего Отделением СПА при Госсовете. Бывшего

редактора циркулярных телеграмм Ю. В. Александровского перевели на должность политического хроникера. В этом составе отделение просуществовало до завершения работы третьей Думы (Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1077. Л. 17-20, 76).

В Государственной думе четвертого созыва штат сотрудников отделения изменился мало. На своих местах оставались старшие редакторы А. Д. Коротнев, Г. Е. Калинин, А. М. Ловягин и большинство редакторов – А. А. Полянский, А. В. Шпиганович, С. А. Федотов, А. П. Ланговой, М. А. Лихарев, а также политический хроникер Ю. В. Александровский (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1077. Л. 137–138) [Государственная дума. IV созыв... 1912, с. 101].

При Государственной думе были аккредитованы до 150 представителей русской и иностранной печати. Для них в зале заседаний были выделены две ложи. Солидные Санкт-Петербургские газеты направили в Думу III созыва по несколько корреспондентов: «Санкт-Петербургские ведомости» – А. И. Гессена, И. И. Колышко, Э. Э. Ухтомского, Г. В. Ключкова; «Россия» – В. Г. Янчевецкого и П. Е. Хмелевского; «Торгово-промышленная газета» – К. А. Хмельницкого и В. Ю. Шимановского; «Новое время» – А. А. Пиленко и А. И. Ксюнина; «Речь» – М. И. Ганфмана, Л. М. Неманова, Н. В. Ремизова, С. Л. Полякова и А. М. Куракина; «Биржевые ведомости» – А. Л. Стембо, А. И. Гессена, С. М. Проппера и М. М. Гаккебуша; «Русский инвалид» – И. Д. Михайлова; «Современное слово» – В. Г. Богораза (Тана); «Колокол» – Е. А. Колосову и Н. Я. Павлова; «Русское знамя» – Б. А. Кишкина.

Редакции крупных московских газет «Русское слово» и «Голос Москвы» имели свои отделения в Петербурге. В Думе первую представляли А. Л. Стембо, С. А. Адрианов, А. П. Норов и О. А. Волькенштейн; вторую – К. Я. Эттингер и Н. В. Насакин. «Русские ведомости» обслуживал К. В. Аркадакский, а «Московские ведомости» – Ю. М. Загуляева.

Такие распространенные органы провинциальной печати, как «Киевская мысль» и «Одесские новости» прибегали к услугам петербургских корреспондентов. На киевскую газету работал Л. М. Неманов, а на одесскую – Д. В. Пружан и А. С. Эрманс.

Широко была представлена в Государственной думе зарубежная пресса. Иностранные телеграфные агентства пользовались услугами как своих, так и русских журналистов. На немецкое агентство «Вольф» работал фон А. Д. Шварц; на французское агентство «Гавас» – А. И. Горлин и А. И. Гессен; на английское агентство «Рейтер» –

Г. О. Берингер и А. М. Бродский; на американское «Ассошиэтед Пресс» – С. Б. Конгер, В. Цанов и Ф. Вершельде; на австрийское «Корреспондент бюро» – бар. Э. П. Унгерн-Штернберг.

Такая же практика существовала и в крупных газетах. «Echo de Paris» обслуживал Э. Курц, «Kölnische Zeitung» – бар. фон Штейн, «Vossische Zeitung» – П. О. Шутяков, «Times» – Р. А. Вильтон, «Daily Telegraph» – Д. Добсон и др. [Государственная дума. III созыв... 1909, с. 160–169].

В Государственной думе четвертого созыва большинство крупных изданий расширили свое представительство. «Санкт-Петербургские ведомости» делегировали для работы в представительном собрании А. И. Гессена, А. М. Каплана, Д. И. Ухтомского, Э. Э. Ухтомского и Г. В. Ключкова; «Россия» – С. А. Лазова, Г. И. Клепацкого, О. О. Гротгуса; «Торгово-промышленная газета» – В. З. Хмельницкого, К. А. Хмельницкого и И. Д. Михайлова; «Новое время» – А. И. Ксюнина, И. В. Никанорова и Я. Я. Наумова; «Вечернее время» – Б. А. Суворина, К. П. Медведского и В. П. Крымова; «Речь» – Я. Б. Лившица, Л. М. Неманова и С. Л. Полякова; «Биржевые ведомости» – М. М. Гаккебуша, А. И. Гессена, С. В. Животовского, С. М. Проппера, М. М. Коншина и В. А. Бонди; «Русский инвалид» – И. Д. Михайлова; «Современное слово» – Я. Б. Лившица, С. Б. Любошица, М. И. Ганфмана и Н. М. Ахумова; «Колокол» – В. Н. Попова; «Русское знамя» – В. В. Заборовского; «Гражданин» – А. А. Кона; «Земщина» – С. К. Глинку-Янчевецкого, И. Д. Козлова, Н. П. Тихменева и И. Д. Иванова (Утугаева); «Петербургский листок» – А. М. Черкасского.

«Русское слово» направило в четвертую Думу В. М. Дорошевича, С. А. Адрианова и А. Л. Стембо. На «Голос Москвы» вместо двух теперь работали четыре корреспондента: И. В. Никаноров, А. В. Еропкин, М. А. Аتماкин и И. И. Федоров. «Русские ведомости» обслуживали К. В. Аркадакский и Н. А. Панкратов, «Московские ведомости» – Н. П. Тихменев, «Раннее утро» – И. Я. Каган и А. М. Черкасский.

Наиболее популярные провинциальные газеты по-прежнему прибегали к услугам столичных коллег. В «Киевскую мысль» из Думы телеграфировали Л. М. Неманов и Н. Р. Кугель, в «Одесские новости» – Д. В. Пружан, К. Я. Эттигер, В. И. Гроссман, Б. С. Оречкин и А. И. Никольский.

Думские хроникеры иногда переходили из одной газеты в другую или одновременно сотрудничали в нескольких органах печати.

Однако в редакциях крупных изданий такое совместительство не приветствовалось.

Среди сотрудников иностранных телеграфных агентств тоже произошли изменения. В Думе четвертого созыва на агентство Вольф работал З.Ю.Гей; на агентство Гавас – А.И.Горлин, А.И.Гессен и Я.Б.Лившиц; на агентство Рейтер – Г.О.Берингер и Л.М.Неманов. В иностранных агентствах, как и во многих газетах, сотрудничали и собственные, и русские журналисты. «Temps» обслуживал Ш.Риве, «Kölnische Zeitung» – Р.О.Ульрих, «Vossische Zeitung» – П.О.Шутяков, «Times» – Р.А.Вильтон. Австрийские русскоязычные газеты в Думе представляли корреспондент львовского «Галичанина» В.С.Драгомирецкий и Д.Н.Вергун, работавший на «Прикарпатскую Русь» [Государственная дума. IV созыв... 1913, с. 289–300].

При Государственной думе существовало Общество журналистов. Председателем Правления был сотрудник редакции периодических изданий Министерства финансов М.М.Федоров, его заместителем один из ведущих сотрудников «Нового времени» А.А.Пиленко, секретарем – М.М.Ганфман, казначеем – К.В.Аркадакский. В Правление также входили: А.И.Гессен, С.А.Адрианов, Л.М.Неманов, С.С.Балабанов, В.И.Мисенко и Б.Г.Косковский [Государственная дума. III созыв... 1909, с. 160–163].

В октябре 1907 г. только что назначенный директор-распорядитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства А.А.Гирс, проанализировав опыт двухлетней работы Отделения при Государственной думе, пришел к выводу, что агентству не всегда удавалось быть на высоте. Свои соображения о том, как должна строиться работа в будущем, он изложил в записке, направленной министру финансов В.Н.Коковцову.

Главным залогом успеха была оперативность. При передаче важных сообщений за границу и в провинцию СПА должно было опередить другие телеграфные агентства и частные издания. Гирс подчеркивал: «Необходимость эта вызывается тем, что первое впечатление в отношении восприятия обществом каких-либо сведений имеет решающее значение в том смысле, что оно с одной стороны парализует влияние всех последующих известий, а с другой – впечатление, произведенное им, с трудом заглаживается даже целым рядом следующих за ним сообщений». Однако осуществить на практике эту задачу удавалось далеко не всегда. Главная причина заключалась в особом положении официального агентства, которое отвечало перед правительством

за достоверность переданной им информации. Поэтому в СПА был установлен порядок, при котором бюллетени со стенограммами заседаний передавались подписчикам только после просмотра записей речей их авторами. Это существенно затягивало работу. Обычно просмотренный текст поступал в агентство или поздно вечером, или даже ночью, когда газеты уже заканчивали верстку своего материала. Так обстояло дело со столичными изданиями. Провинциальная пресса находилась в еще более тяжелых условиях. В те дни, когда перед депутатами выступали министры, агентство, телеграфируя каждые полчаса по 200 слов, заканчивало передачу их речей рано утром следующего дня, а иногда было вынуждено и вовсе от нее отказаться. А в это время корреспонденты частных газет передавали по телеграфу в свои редакции краткое содержание речей министров в произвольной форме. Этот неточный, а иногда, как считал Гирс, «с предвзятой целью подобранный материал, и производил первое впечатление на провинциального читателя».

Партнеры из других агентств, со своей стороны, жаловались на то, что известия, полученные из частных источников, опережают официальные телеграммы СПА. Поэтому иностранные газеты нередко вообще не используют его запоздавшие телеграммы.

Конечно, такое положение негативно сказывалось на репутации правительственного агентства, ставя под сомнение его осведомленность. Дабы избежать подобных проблем в будущем, Гирс предложил обратиться к опыту, накопленному зарубежными коллегами, и использовать приемы, которые уже давно были выработаны парламентской практикой в странах Западной Европы и США. Там все программные речи, декларации правительства и другие подобные материалы агентства получали заранее. По мнению Гирса, такую систему следовало применить и в России, что отвечало интересам самой правительственной власти. Читатель получал бы не отрывочный пересказ содержания официального акта или программной речи, а точное их воспроизведение: «Это первое впечатление может в значительной степени парализовать и действие на общество тех речей депутатов, главным образом оппозиционных оттенков, в которых опровергаются или подвергаются критике высказанные представителем правительственной власти взгляды» (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1076. Л. 46, 160-161*).

Еще одной проблемой в работе Отделения СПА по освещению деятельности Государственной думы были закрытые заседания, содержание которых не подлежало публикации в прессе. Статья 46 «Учреждения

Государственной думы» гласила: «Из отчета о закрытом заседании общего собрания Государственной думы могут подлежать оглашению в печати те части, опубликование которых сочтет возможным либо Председатель Думы, если заседание было объявлено закрытым по постановлению Думы, или по распоряжению ее Председателя, либо министр или главноуправляющий отдельной частью, если заседание было объявлено закрытым вследствие их о том заявления». На практике эта норма не срабатывала. Она не столько ограничивала активность представителей прессы, сколько препятствовала работе официального телеграфного агентства. В то время как сотрудники СПА согласовывали тексты своих информационных сообщений с руководством Думы, сведения о закрытом заседании проникали в печать через корреспондентов частных изданий, которые пользовались для этого любыми доступными источниками. Чаще всего это были депутаты из оппозиционных фракций, которые охотно делились с русскими и иностранными журналистами своими впечатлениями. Насколько эти комментарии соответствовали истине, читающая публика судить не могла, поскольку других источников в ее распоряжении не было. Позднее отчеты о закрытых заседаниях появлялись в кратком изложении в официозных изданиях – «Правительственном вестнике», «России» и «Новом времени», но публика относилась к ним уже с предубеждением.

Для исправления положения Гирс предложил принять следующие меры:

- 1) декларации, программные и заготовленные ответные на запросы речи представителей правительственной власти передавать агентству заблаговременно;
- 2) директору-распорядителю агентства, заведующему Отделением агентства при Государственной думе и одному из редакторов предоставить право присутствовать в закрытых заседаниях;
- 3) представители правительственной власти будут проверять стенограммы своих речей, по возможности, до того, как покинут здание Государственной думы.

Коковцов поддержал предложения директора-распорядителя СПА и без промедления направил премьер-министру письмо, в основу которого была положена записка Гирса. С большинством предложений П. А. Столыпин согласился. Сомнения вызвал лишь второй пункт, который следовало согласовать с председателем Государственной думы. 7 ноября В. Н. Коковцов направил Н. А. Хомякову письмо, в котором

подчеркивалась важность работы, которую выполняет Санкт-Петербургское телеграфное агентство по освещению деятельности Государственной думы. По поводу проникновения в печать недостоверных, а иногда и умышленно извращенных известий, было сказано: «Такие сообщения, производящие на общество сильное впечатление, нежелательны и недопустимы ни с какой точки зрения высших государственных интересов». Однако Хомяков не пошел навстречу руководству СПА: «...Я полагал бы несколько преждевременным окончательное разрешение возбужденного Вами вопроса, которое может вызвать нежелательные толкования и недоумения, как среди членов Государственной думы, так и в рядах печати» (РГИА. Ф. 1358. Он. 1. Д. 1076. Л. 52-54, 67, 73-77).

Со временем интерес читающей публики к отчетам о заседаниях Государственной думы стал снижаться. Такая тенденция обозначилась уже к концу второй Думы. Газеты постепенно сокращали тексты стенограмм, а затем стали ограничиваться краткими отчетами, подготовленными собственными корреспондентами. Количество подписчиков на агентские бюллетени со стенограммами неизменно уменьшалось. С открытием Думы третьего созыва, из-за ослабления в широких кругах русского общества интереса к полной, дословной передаче всего происходившего на ее заседаниях, число столичных подписчиков на бюллетени со стенограммами сократилось настолько, что расходы по изданию бюллетеней уже не покрывались абонементной платой. Их издание становилось убыточным.

Взвесив все аргументы, руководство СПА приняло решение прекратить с 1 апреля 1909 г. издание полных стенографических отчетов, ограничившись их сокращенной версией. Абонентам было разослано извещение, в котором, в частности, говорилось: «...Опыт последнего времени показал нецелесообразность выпуска полных стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы и непроизводительность затрачиваемых агентством средств и труда по редактированию и печатанию полного текста всех без исключения произносимых в заседаниях Государственной думы речей, так как газеты всего стенографического материала не печатают» (РГИА. Ф. 1358. Он. 1. Д. 1076. Л. 145).

С 1 января 1910 г. СПА, находившееся до этого времени в ведении Министерства финансов, было переподчинено Совету министров. А. А. Гирса на посту директора-распорядителя сменил О. И. Ламкерт. Тогда же часть выполняемых агентством функций была передана Осведомительному бюро при Главном управлении по

делам печати. Агентство же «в качестве официального телеграфного корреспондента, имело бы в лице Бюро как бы собственную дежурную часть – с инициативой, обеспечивающей агентству как полноту, так, главное, и срочность осведомления о ходе работ законодательных учреждений» (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1077. Л. 23–24).

Однако не прошло и года, как стало ясно, что предпринятое разделение функций оказалось не эффективным и даже вредило делу. Две параллельно работающие структуры преследовали разные цели. Осведомительное бюро было озабочено получением качественных стенографических отчетов и его не волновало, насколько то или иное заседание представляет интерес для прессы и общества. Для СПА на первом плане было удовлетворение запросов абонентов и, следовательно, оперативность и умение изложить суть происшедшего в 1200–2000 словах, не упустив при этом ничего существенного и интересного. Агентство должно было организовать отправку отчета о думском заседании без малейшего промедления, по частям, чтобы он дошел до провинциальных газет-подписчиков в тот же день и никак не позднее 10 часов вечера. В дни заседаний Думы, представлявших особый интерес для читателей, агентство было вынуждено превышать установленную для думских телеграмм норму за счет более спокойных дней.

В октябре 1910 г. директор-распорядитель агентства представил премьер-министру доклад, в котором указывалось на негативные последствия нововведения. П. А. Столыпин согласился с доводами О. И. Ламкерта и распорядился освободить Осведомительное бюро от обязанностей по информированию ведомств о работе законодательных учреждений и возложить эту функцию всецело на СПА. Одновременно премьер обратился к М. Г. Акимову с просьбой предоставлять в распоряжение агентства экземпляр стенограмм заседаний Госсовета (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1076. Л. 23–25, 42, 51).

Что же касается порядка освещения агентством закрытых заседаний Думы и разрешения его сотрудникам присутствовать в зале, то этот вопрос оставался неурегулированным. Лишь в марте 1912 г. Ламкерт, заручившись согласием В. А. Сухомлинова, обратился к М. В. Родзянко с просьбой разрешить сотрудникам Отделения СПА присутствовать при обсуждении законопроекта, внесенного Военным министерством. Просьба была удовлетворена. Вслед за этим было поручено и согласие морского министра. Вскоре сотрудникам Отделения разрешили до

конца работы III Думы присутствовать на закрытых заседаниях для составления краткого отчета (*РГИА. Ф. 1358. Он. 1. Д. 1077. Л. 59–61*).

Усилия сотрудников Отделения не остались незамеченными и заслужили одобрение руководства. 9 июня 1912 г. А. А. Гельфер направил письмо его заведующему А. Д. Коротневу: «Работа Отделения агентства при Государственной думе в период оканчивающейся сегодня последней сессии Государственной думы потребовала особого напряжения сил личного состава Отделения. С чувством глубокого удовлетворения должен засвидетельствовать, что деятельность заведываемого Вами отделения не сопровождалась никакими недочетами и недостатками и заслуживает поэтому полного одобрения. От имени СПА обязываюсь выразить Вам и всему составу Отделения искреннюю признательность за Ваши и его плодотворные и ревностные труды, о чем прошу поставить в известность весь личный состав Отделения» (*РГИА. Ф. 1358. Он. 1. Д. 1077. Л. 130*).

Московское отделение Санкт-Петербургского телеграфного агентства

Московское отделение было первым по значению среди региональных отделений Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Оно было открыто 1 января 1903 г. как структурное подразделение Торгово-телеграфного агентства. В дальнейшем отделение функционировало уже в рамках СПА.

Москва была не только второй столицей Российской империи. Через Московское отделение информация поступала в другие регионы страны. Центральный аппарат СПА находился в постоянном контакте с Московским отделением. Переписка Правления с его управляющим, сохранившаяся в архивном фонде СПА, весьма значительна и проливает свет на разные стороны деятельности Отделения. В течение длительного времени Московское отделение возглавлял И. В. Поляков (*РГИА. Ф. 1358. Он. 1. Д. 1119. Л. 18*).

Право на публикацию стенографических отчетов Государственной думы приносило Московскому отделению немалый доход. Они передавались по телефону из Петербурга в Москву по срочному тарифу (1 р. 50 коп. за минуту), что составляло 135 р. в день. Помимо информации о пленарных заседаниях, в бюллетенях освещалась и работа думских комиссий. В первое время такие сообщения были

подробными и заполняли от 10 до 14 листов бюллетеней. Их передача по телефону требовала немало времени – от 40 минут до 1 часа. Всё это, конечно, увеличивало нагрузку на сотрудников.

В ходе проверки Московского отделения в январе 1908 г. был затронут вопрос об оптимальном числе сотрудников, необходимых для нормальной работы подразделения. Было решено, что в период заседаний Государственной думы сокращение личного состава нецелесообразно. Но в остальное время, в целях экономии, штат можно сократить, главным образом, за счет технических сотрудников: переписчиц и стенографисток (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1092. Л. 129–132*).

Однако постепенно интерес к информации о работе Думы стал снижаться. Ознакомившись с содержанием газет за период с 8 января по 8 февраля 1908 г., в Отделении обнаружили, что большая часть сообщений СПА о работе комиссий остался неиспользованным «по отсутствию интереса и недостатку места», как пояснили в редакциях. Поляков установил, что в указанное время газеты «Русские ведомости», «Московский листок», «Руль» и «Раннее утро» опубликовали не более $\frac{1}{4}$ части посылаемого им материала, а «Голос Москвы» – около $\frac{1}{3}$. «Русское слово» вообще не пользовалось сведениями агентства о комиссиях. Управляющий отделением предложил в дальнейшем ограничиться самыми важными постановлениями комиссий и передавать их в возможно более сжатой форме (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1092. Л. 153*).

Но даже с публикацией стенографических отчетов в наиболее распространенных московских газетах у агентства возникли проблемы. Она становилась убыточной. «Из четырехмесячного опыта видно, что местные газеты не печатают стенографические отчеты в полном смысле этого слова, а берут лишь отдельные наиболее интересные речи, восполняя в остальном ход занятий либо по краткому отчету агентства, либо по собственным сведениям». К примеру, «Русские ведомости» из материалов продолжительного пленарного заседания, состоявшегося 24 марта 1908 г., опубликовали всего две речи. Правление предложило газетам установить минимальный объем публикуемых стенограмм (1000 строк) при небольшом повышении платы. Однако из Москвы пришло печальное известие: «Отделение имеет честь уведомить, что от товарищества Сытина по вопросу о печатании стенографических отчетов в «Русском слове» получился отрицательный ответ. Таким образом, «Русские ведомости», «Голос Москвы» и «Русское слово» не

изъявляют согласия ни на гарантию 1000 строк, ни на повышение платы до 10 коп.». Поляков считал, что на такое решение повлияла позиция «Русских ведомостей», имевших авторитет в местном газетном мире (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1092. Л. 153, 167, 169*).

В сложившейся ситуации Гирс посоветовал Полякову подумать над тем, как сократить расходы Московского отделения по передаче думских материалов. Поляков предложил внести следующие коррективы:

1) Передаче по телефону подлежат лишь отдельные, наиболее интересные речи лидеров политических партий в размере 18–23 бюллетеней;

2) Продолжительность передачи от 1 часа до 1 часа 20 минут. Время передачи – с 7 до 9 часов вечера. Ежедневные расходы на телефон – 30–40 р.;

3) Сокращение личного состава думского отделения. Правление СПА с этими предложениями согласилось (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1092. Л. 145, 169–170*).

Новые правила, по всей видимости, привели к снижению материальных затрат Отделения, но не способствовали улучшению его работы и взаимопониманию с редакциями газет. 31 мая 1908 г. «Русские ведомости» критиковали СПА за то, что оно почти прекратило доставку стенографических отчетов заседаний Государственной думы. В тот же день в «Русском слове» были помещены сразу две заметки по тому же поводу. Оба издания упрекали агентство в том, что оно игнорирует интересы своих подписчиков. Недовольство вызвал тот факт, что в телеграммах о думском заседании, состоявшемся 27 мая, отсутствовали речи А. И. Гучкова и военного министра, произнесенные при обсуждении сметы военного министерства, которым в обществе придавалось большое значение (*РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1092. Л. 189–190*). Если указанный случай, скорее всего, имел политическую подоплеку, то чаще всего причины заключались в техническом сбое.

Санкт-Петербургское телеграфное агентство и частные газеты

Представители прессы придирчиво следили за работой Отделения СПА, подмечая любые промахи. Журналисты не упускали случая, чтобы покритиковать официальное агентство за опоздания и другие промахи. В то же время профессиональный интерес заставлял их

стремиться обогнать СПА в информационной гонке, особенно в тех случаях, когда речь шла о сенсационных известиях.

Официальное агентство подвергалось критике в печати не только за качество информации, но и за тенденциозность в ее подаче. Издания либерального направления были недовольны тем, как официальное телеграфное агентство относится к Государственной думе. 6 июня 1907 г. «Тульская речь» поместила заметку с характерным заголовком: «Несколько теплых слов». Газета отмечала, что необъективность СПА проявилась с самого начала: «Во время предвыборной кампании агентство ... блестяще выполнило свою неблагодарную и безупречную миссию. Почти всех избранных в Государственную думу депутатов агентство зачислило в партию православных монархистов...». В дальнейшем СПА, по мнению газеты, продолжило избранную тактику. Например, оно уверяло, что русское общество отнеслось одобрительно к роспуску второй Думы: «В Москве известие о роспуске Думы принято восторженно. На бульварах играет музыка и гуляет празднично настроенная толпа». Редакция была возмущена тем, что официальное агентство называет в своих телеграммах вторую Думу «безнравственной»: «Можно критиковать Думу ... но отзываться о Думе так, как это делает официозное агентство, по меньшей мере, непозволительно». Либеральная газета обратила также внимание на тенденциозный отбор сообщений из-за границы: СПА игнорирует реакцию левых изданий на события в России и помещает только такие отклики иностранной прессы, которые приветствуют решение правительства. «Эти газеты, подобно нашим черносотенными и позорящим печать изданиям, руководствуются особыми “указаниями” и, как всем известно, получают субсидии за лакейские услуги». В связи с этим «Тульская речь» объявила агентству своеобразный бойкот: «Мы воздерживаемся от помещения таких неприличных телеграмм, которыми за эти два дня засыпало провинциальные газеты Петербургское телеграфное агентство». И это, конечно, была не единственная публикация такого рода.

Санкт-Петербургское телеграфное агентство обвиняли в систематическом замалчивании именно тех фактов, которые больше всего интересовали общество. «Волнения вокруг вопроса о штатах морского Генерального штаба, настойчивые слухи об отставке П. А. Столыпина ... как будто проходят мимо агентства стороной. Это – своего

рода “политика”. Но именно “политике” и не должно быть места в агентской организации. Абоненты требуют фактов, а разобраться в них они сумеют сами» (*«Голос Москвы»*, 11.07.1909).

Газеты с пристрастием относились к тому, как официальное агентство освещает работу Государственной думы. Издания левого направления не без основания усматривали в думских отчетах, передаваемых СПА, руку цензоров. Особенно серьезные претензии к качеству думских отчетов возникали в кризисные моменты. Один из характерных примеров относится к осени 1911 г. Либеральные газеты протестовали против того, в каком виде была опубликована речь Ф.И. Родичева по запросу об убийстве П. А. Столыпина. «Южная мысль» в номере от 22 ноября возмущалась: «Петербургское телеграфное агентство, верное своим стародавним охранительным традициям, воспроизводит, как известно, лучше речи оппозиции в таком виде, что никакого представления о содержании этих речей не получается». Выступление представителя кадетской партии было весьма жестким, ответ правительства на депутатский запрос был назван «канцелярской отпиской». В думском отчете, распространенном СПА, текст подвергся существенному сокращению, в частности был пропущен главный фрагмент из речи Родичева. «Мы в объяснениях правительства усматриваем одно: полное непонимание своих задач; мы в ответе правительства усматриваем желание, намерение и пребывание в старой системе. <...> Да, мы вам говорим: вы являетесь авторами той нравственной атмосферы, в которой могло совершиться преступление Богрова». В таких случаях газеты восполняли пробелы в телеграммах СПА, публикуя от себя то, что считали наиболее важным.

В противовес тактике, которой придерживалось официальное агентство, оппозиционные газеты отдавали предпочтение выступлениям близких им по духу депутатов. В ответ правительство попыталось ужесточить контроль над освещением думских заседаний в прессе. Летом 1912 г. Главное управление по делам печати направило губернаторам и градоначальникам циркуляр, в котором регламентировался порядок публикации в частных изданиях отчетов о заседаниях Государственной думы. Документ опирался на разъяснение, данное Сенатом еще в 1907 г., в котором говорилось, что стенографические отчеты могут беспрепятственно перепечатываться, но только в полном виде. Всякое изменение в качественном или

количественном отношении должно рассматриваться как преступление. Циркуляр появился в момент, когда никаких заседаний не было. Пресса мгновенно насторожилась, посчитав, что директива подготовлена к открытию Думы четвертого созыва.

24 июля «Русское слово» откликнулось на это известие статьей: «Под Дамокловым мечом». По поводу разрешения публиковать полностью стенографические отчеты газета заметила, что реализовать его невозможно из-за огромного объема: «Это – одно из тех “прав”, от которых с благодарностью отказались все газеты, даже “Россия”». Таким образом, сокращение текстов на практике неизбежно. Что же касается привлечения изданий к уголовной ответственности, то это выглядит, по меньшей мере, странным. До сих пор сенатское разъяснение «мирно покоилось пять лет, не плодя особой походной практики», и нынешняя попытка реанимировать устаревшие цензурные препоны не принесет успеха. Редакция крупнейшей либеральной газеты выразила уверенность, что подобные намерения правительства обречены на провал: «Как бы ни был суров затеваемый поход против думских отчетов в органах, не пользующихся расположением “начальства”, все-таки он не придаст веса тем ультра-тенденциозным сообщениям о Государственной думе, которое дает официальное телеграфное агентство. Симпатизируя Марковым и Пуришкевичам, выдвигая их речи, оно способно в речах оппозиции ограничиться отчетом в три слова: “затем говорил Родичев” <...>. Население учится политической жизни и разбирается в политических вопросах. ...В этом смысле всякий поход против печати, в конечном результате, столь же бесплоден, как поход против жизни и истины. Жизнь и истина всегда побеждали». В Правлении СПА к этой публикации отнеслись очень серьезно, отметив: «Вышеприведенное мнение газеты “Русское слово” об отчетах агентства было воспроизведено очень многими провинциальными изданиями, признавшими оценку деятельности агентства, сделанную “Русским словом”, “справедливой”» (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 11. Л. 39–41).

Претензии прессы к СПА в связи с качеством его думских отчетов не прекращались. Весной 1913 г., еще одна влиятельная либеральная газета обвинила агентство в том, что передавая информацию о думских заседаниях, оно допускает «характерные умолчания и тенденциозные сокращения». 30 мая «Русские ведомости» писали: «Провинциальная печать, не имеющая собственных корреспондентов

в Государственной думе и пользующаяся исключительно телеграммами Санкт-Петербургского телеграфного агентства, жалуется, что она совершенно лишена возможности освещать думскую деятельность сколько-нибудь удовлетворительно».

Прессу интересовали не только официальные отчеты, но и все, что происходило вне зала заседаний в Таврическом дворце. Журналисты любыми способами старались добыть сведения о неофициальной стороне деятельности народных избранников. Но телеграммы СПА вряд ли могли помочь им в этом деле. 11 июля 1909 г. «Голос Москвы» по этому поводу заметил: «О кулуарной жизни, в которой, как в зеркале, отражается настроение Г. Думы и которой столичная печать по заслугам уделяет так много места, агентство ... никогда не дает ни одного слова».

Между тем могла возникнуть ситуация, в которой правительство было заинтересовано в распространении информации неофициального характера. Так было в финале Боснийского кризиса, весной 1909 г., когда Россия и Германия оказались на грани военного столкновения. Перед лицом внешней угрозы власть нуждалась в поддержке общественности. Депутатам предстояло обсуждение новых военных кредитов. Закрытому заседанию Государственной думы предшествовало тайное совещание у П. А. Столыпина, на которое были приглашены руководители основных думских фракций. Во встрече приняли участие министр иностранных дел С. Д. Сазонов и министр финансов В. Н. Кокцов. Не раскрывая подробностей, Санкт-Петербургское телеграфное агентство, тем не менее, дало в прессу информацию о самом факте встречи. Кадетская «Речь» сообщила об этом 25 февраля 1909 г. Из распространенного агентством отчета следовало, что на совещании в Зимнем дворце между депутатами и министрами было достигнуто полное взаимопонимание. Такая демонстрация единства перед лицом Европы была в тот момент очень важна для русского правительства.

Заключение

Главным достижением российского правительства в информационной сфере в начале XX в. было учреждение Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Его создание отвечало потребностям времени. В предвоенные годы была сформирована структура, действовавшая в интересах государства. СПА вошло равноправным членом

в консорциум ведущих мировых телеграфных агентств, освободившись, таким образом, от иностранного контроля над получением и распространением информации.

Деятельность Государственной думы привлекала к себе внимание как внутри России, так и за рубежом. Отделение СПА, которому было поручено освещение работы этого органа представительной власти, выполняло весьма важную функцию. Руководство агентства вполне сознавало свою ответственность за создание позитивного образа России за границей. За весьма непродолжительный срок – менее десяти лет были подготовлены кадры работников, способных выполнять поставленные перед ними задачи. Были налажены контакты не только с представителями влиятельных столичных изданий, но и с множеством провинциальных газет, через которые информация о работе Государственной думы распространялась по всей России. От руководства ПТА потребовались гибкость и умение находить общий язык с представителями периодической печати, за которыми стояли влиятельные политические силы.

С созданием СПА российское правительство получило мощный ресурс воздействия на общественное мнение страны. Ни одно периодическое издание, даже самое крупное, не могло обойтись без его услуг. Руководители агентства сознавали это и прилагали все усилия к тому, чтобы информирование органов печати осуществлялось в соответствии с задачами официальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная дума. III созыв. Сессия 2. Справочник. Вып. 1. 1909. СПб. : Государственная Типография, 1909, 216 с.
- Государственная дума. IV созыв. Сессия 1. Справочник. Вып. 5. 1912. СПб. : Государственная Типография, 1912, 249 с.
- Государственная дума. IV созыв. Сессия 1. Справочник. Вып. 6. 1913. СПб. : Государственная Типография, 1913, 394 с.
- Есин Б. И.* К истории телеграфных агентств в России XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. VII: Филология, журналистика. 1960. № 1. С. 67–78.
- Кострикова Е. Г.* Организация службы зарубежной информации Санкт-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4. С. 47–59.

- Кострикова Е. Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М. : ИРИ РАН, 1997. 176 с.
- Кострикова Е. Г.* Санкт-Петербургское телеграфное агентство и Первая русская революция // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 145–152.
- Rantanen T.* Foreign news in imperial Russia. The relationship between International and Russian News Agencies. 1856–1914. Helsinki: 1990. 185 p.

REFERENCES

- Gosudarstvennaja дума. III sozyv. Sessija 2. Spravochnik. Vyp. 1. 1909. SPb. : Gosudarstvennaja Tipografija, 1909, 216 s.
- Gosudarstvennaja дума. IV sozyv. Sessija 1. Spravochnik. Vyp. 5. 1912. SPb. : Gosudarstvennaja Tipografija, 1912, 249 s.
- Gosudarstvennaja дума. IV sozyv. Sessija 1. Spravochnik. Vyp. 6. 1913. SPb. : Gosudarstvennaja Tipografija, 1913, 394 s.
- Esin B. I. K istorii telegrafnyh agentstv v Rossii XIX v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. VII: Filologija, zhurnalistika. 1960. № 1. S. 67–78.
- Kostrikova E. G. Organizacija sluzhby zarubezhnoj informacii Sankt-Peterburgskogo telegrafnogo agentstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 1981. № 4. S. 47–59.
- Kostrikova E. G. Russkaja pressa i diplomatija nakanune Pervoj mirovoj vojny. 1907–1914 gg. M. : IRI RAN, 1997. 176 s.
- Kostrikova E. G. Sankt-Peterburgskoe telegrafnoe agentstvo i Pervaja russkaja revoljucija // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 2010. № 19 (90). Vyp. 16. S. 145–152.
- Rantanen T. Foreign news in imperial Russia. The relationship between International and Russian News Agencies. 1856–1914. Helsinki: 1990, 185 r.

УДК 94(460)

А. В. Лубков, М. В. Новиков

Лубков А. В., доктор исторических наук, профессор;
ректор Московского педагогического государственного университета;
e-mail: av.lubkov@mpgu.su

Новиков М. В., доктор исторических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования
Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского;
e-mail: m.novikov@yspu.org

РАЗВИТИЕ КОМИНТЕРНОМ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ 1936–1939 гг.

В статье исследуется проблема, связанная с деятельностью Коминтерна в Испании в 1936–1939 гг., подчеркивается его особая роль. Акцентируется внимание на планах Коминтерна осуществить социалистическую революцию в Испании. Анализируется попытка лидеров Коминтерна внести вклад в развитие теории социалистической революции. Рассматриваются условия практической реализации новых теоретических достижений.

Ключевые слова: Коммунистический Интернационал; Гражданская война в Испании; коммунистическая партия; теория социалистической революции.

A. V. Lubkov, M. V. Novikov

Lubkov A. V., Doctor of History (Dr. habil), Prof.,
Professor Moscow Pedagogical State University, Rector;
e-mail: av.lubkov@mpgu.su

Novikov M. V., Doctor of History (Dr. habil), Prof., Professor Yaroslavl State Pedagogical University Named after K. D. Ushinsky, Head of the Department of Theory and Methods of Professional Education;
e-mail: m.novikov@yspu.org

DEVELOPMENT OF THE COMINTERN THEORY OF SOCIALIST REVOLUTION DURING THE SPANISH CIVIL WAR (1936–1939)

The article deals with the problem related to the activities of the Comintern in Spain in 1936–1939, emphasizes the special interest of the Comintern in Spain, focuses on its calculations to carry out a socialist revolution there. The article analyzes the attempt of the Comintern leaders to contribute to the development of the theory of the revolutionary process. The conditions of practical implementation of new theoretical achievements are considered.

Key words: Communist International; Spanish civil war; communist party; theory of the socialist revolution.

Введение

2019 г. стал юбилейным для Коммунистического Интернационала, основанного 100 годами ранее. Недолгая история этой международной организации (1919–1943) была и остается предметом научного анализа [Ватлин 2019; Хейфец Л., Хейфец В. 2019; Сотникова 2015] и дискуссий [Ахрамович 2019а; Ахрамович 2019б], одна из которых состоялась в Московском педагогическом государственном университете в октябре 2019 г. В данной статье, созданной на основе одноименного доклада, предпринята попытка определения значимости вклада Коминтерна в теорию пролетарской социалистической революции в ходе гражданской войны в Испании.

Одним из самых значительных событий в истории Коминтерна стал VII Конгресс (1935), который считается поворотным пунктом в развитии мирового коммунистического движения [Лобато 1986, с. 101]. На смену лишенной гибкости модели стратегии и тактики 1928–1934 гг. была принята новая модель, которая породила много интересных идей и инициатив. Главным разработчиком новой стратегии и тактики был глава Коминтерна Георгий Димитров [Реверти 1986, с. 288–289]. Самым принципиальным отличием от периода 1928–1934 гг. являлся отход от прежней сектантской тактики, отказ от борьбы с некоммунистическими течениями в рабочем движении, курс на создание Народного фронта, основанного на базе единого рабочего фронта, включающего также крестьянство, мелкую буржуазию, интеллигенцию, всех, кто был готов принять программу борьбы с фашизмом.

Смелая и неординарная идея создания антифашистского Народного фронта неизбежно ставила вопрос о создании правительства Народного фронта. В этом правительстве коммунистические партии могли бы участвовать наряду с другими политическими партиями, входящими в Народный фронт, и это правительство не должно было быть диктатурой пролетариата. Выступая на конгрессе Коминтерна, Г. Димитров обозначил три условия, при которых такое правительство может быть создано: неспособность дезорганизованной и ослабленной буржуазии помешать созданию такого правительства; активная позиция широких масс, готовых к восстанию; активная позиция рядовых членов всех партий, входящих в народный фронт, готовых

к «безжалостной борьбе» против фашистов и реакционеров и сотрудничеству с коммунистами [Димитров 1975а, с. 172–173].

Исследование и результаты

Идея VII Конгресса Коминтерна о создании антифашистского Народного фронта и об образовании правительства Народного фронта достаточно быстро нашла свое практическое воплощение в ряде европейских стран, в том числе в Испании. Левореспубликанская пресса начала активную пропаганду идеи Народного фронта применительно к складывавшейся летом – осенью 1935 г. широкой избирательной коалиции демократических сил Испании. 15 января 1936 г. был подписан «Избирательный пакт левых партий», известный как «Пакт о Народном фронте». Пакт подписали представители компартии, социалистической рабочей партии и руководимых ею Всеобщего союза трудящихся и Федерации социалистической молодежи, анархо-синдикалистской партии, левой республиканской партии, республиканского союза и ряда других организаций [Пожарская 1987, с. 35].

16 февраля 1936 г. Народный фронт одержал победу на выборах в парламент Испании. Это известие было с энтузиазмом встречено в мировом коммунистическом движении, возлагавшем большие надежды на испанскую революцию и убежденном, что она неизбежно приведет к ликвидации власти буржуазии и помещиков и установлению диктатуры пролетариата в форме советской республики в Испании [Мещеряков 1981, с. 25]. В Исполкоме Коминтерна (ИККИ) мнения разделились. Г. Димитров и П. Тольятти были против постановки вопроса о переходе к этапу социалистической революции, они считали необходимым доведение до конца буржуазно-демократической революции на базе укрепления единого фронта всех демократических сил страны [Шириня, Ксенофонтов 1972, с. 336; Эрколи 1936а, с. 9]. Другие члены ИККИ считали победу Народного фронта в Испании лишь эпизодом на пути к торжеству социалистической революции. Они полагали, что руководящая роль рабочего класса в Народном фронте позволит «сократить сроки буржуазно-демократической революции, сделать ее лишь прологом пролетарской революции» [Варга 1936, с. 22].

Правительство Народного фронта возглавили представители буржуазных партий, входивших в избирательный блок, однако, военный мятеж, начавшийся 17 июля 1936 г., и последовавшая за ним

Гражданская война изменили расстановку сил внутри Народного фронта. 4 сентября правительство Народного фронта возглавил лидер левого крыла социалистической рабочей партии Ларго Кабальеро, он также настоял на вхождении в состав правительства двух представителей от компартии [Доклад тов. Андре Марти на заседании секретариата ИККИ о положении в Испании 2001].

Создание Народного фронта в Испании и его победа на выборах вызвали настоящую политическую бурю в традиционном западном политическом истеблишменте, а формирование 4 сентября 1936 г. коалиционного правительства, в котором доминировали социалисты с участием коммунистов и анархо-синдикалистов, стало настоящей сенсацией. Всех сторонников Испанской Республики мятежники отныне называли просто – «красные», по аналогии с Гражданской войной в России, а западные политики всерьез заговорили о возможной большевизации Испании.

Происходящее в Испании оказалось полной неожиданностью и для руководителей Коминтерна. На их глазах в стране создавалась неизвестная ранее форма государственности, еще не диктатура пролетариата, известная всем, а какая-то переходная модель, требующая теоретического осмысления и практической поддержки. Именно в сентябре 1936 г., после образования левого правительства Народного фронта, коминтерновские структуры развивают бурную деятельность на испанском направлении, на их горизонте появился призрак еще одной советской республики.

Начиная с сентября 1936 г. Коминтерн направляет в Испанскую Республику целый десант своих представителей из числа руководителей национальных коммунистических партий, среди них были и практики, и известные теоретики коммунистического движения. Аргентинский коммунист Викторио Кодовилья, венгерский коммунист Эрне Гере и болгарский коммунист Стоян Минев (Степанов) работали непосредственно в ЦК КПИ как постоянные советники. Кроме постоянных советников, Коминтерн направил в Испанию большую группу видных деятелей коммунистического движения с целью оказания помощи КПИ в решении конкретных вопросов, таких как создание регулярной армии, организация военной промышленности, создание и функционирование интернациональных бригад и т. д. (М. Штерн – от компартии Австрии, А. Иванов, К. Луканов, С. Димитров, Ф. Козловски – от компартии Болгарии, Л. Лонго, В. Видали, Д. Ди Витторио –

от компартии Италии, А. Марти, Ф. Бийу, В. Гайман – от компартии Франции, Ф. Далем, Г. Беймлер, Г. Кале – от компартии Германии и др.). Кроме того, лидеры французских, германских и британских коммунистов М. Торез, Ж. Дюкло, Т. Бак, В. Ульбрихт периодически приезжали в Испанию для оказания помощи КПИ в решении различных проблем. В целом, как верно подчеркнул М. Т. Мещеряков, Коминтерн мобилизовал для помощи КПИ, оказавшейся на переднем крае борьбы с мировым фашизмом, «буквально все свои силы, направил в Испанию опытные во всех отношениях кадры» [Мещеряков 1981, с. 34–35]. Они должны были помочь стремительно растущей компартии Испании в вопросах партийного и военного строительства, а также в теоретическом осмыслении происходивших процессов.

В течение двух предшествующих десятилетий коммунистические теоретики рассматривали советскую власть, советскую республику как единственную форму власти трудящихся и даже VII Конгресс Коминтерна, выступавший с идеей широкого антифашистского народного фронта, рассматривал Советы как наиболее вероятную форму власти рабочего класса и других антифашистских сил после победы над фашизмом [там же, с. 28]. Возникшая в Испанской Республике новая политическая реальность не укладывалась в привычные модели и требовала теоретического осмысления. В результате коллективных усилий теоретиков Коминтерна политическая система Испанской Республики с сентября 1936 г. классифицируется как «демократия нового типа», занимающая промежуточное положение между буржуазной демократией и советской демократией [Маккензи 2008, с. 189].

Как отметил Г. Димитров, испанский народ боролся за установление демократической республики, но не такой, как в США, Франции или Швейцарии. В условиях существования советской государственности, буржуазной демократии западного типа и фашистских диктатур Испанская Республика должна была стать «особым государством с подлинно народной демократией». По мнению Г. Димитрова, «это еще не будет советское государство, но государство антифашистское, с участием подлинно левой части буржуазии», где производство будет организовано без уничтожения окончательно частнокапиталистической собственности, но под контролем рабочего класса и его союзников по Народному фронту. Г. Димитров призвал отбросить старые социал-демократические догмы, когда вопрос стоял так: или пролетариат, или буржуазия – и принять на вооружение новую идею –

и пролетариат, и прогрессивная буржуазия, т. е. «такое демократическое государство, где народный фронт имеет решающее влияние и существует еще буржуазная система» [Димитров 1975а, с. 440–441].

П. Тольятти отметил особый характер складывавшейся в Испании демократической формы правления, подчеркнув, что понятие «демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства» здесь явно не подходит, в силу того, что Народный фронт опирается на более широкую социальную базу, в ходе гражданской войны были приняты такие меры, которые шли дальше программы рабоче-крестьянского правительства. «Демократическая республика, которая устанавливается в Испании, – писал П. Тольятти, – не похожа на буржуазно-демократическую республику обычного типа. Она рождается в гражданской войне, в которой ведущую роль играет рабочий класс», в ходе которой «фашизм подавляется народом вооруженной рукой», подрывается «материальная основа фашизма» и консерватизма [Эрколи 1936б].

Верно определив в сентябре 1936 г. новое содержание политической системы Испанской Республики – демократическая республика нового типа – коммунистические теоретики оказались перед серьезной дилеммой. Дальнейшая актуализация этой идеи грозила Испанской Республике серьезными как внутривнутриполитическими, так и внешнеполитическими проблемами: партнеры по Народному фронту начали подозревать коммунистов в намерениях установить свою диктатуру, что немедленно отразилось на единстве Народного фронта; возникли реальные опасения, что демократические страны не будут помогать слишком «левой» республике. Свою обеспокоенность высказало и советское руководство, которое, исходя исключительно из внешнеполитических интересов СССР, на весь мир объявило, что в тех конкретных условиях для Испании наиболее предпочтительна демократическая парламентская республика [Новиков 2017]. Думается, что не без советского влияния в декабрьском 1936 г. постановлении ИККИ по испанскому вопросу подчеркивалась необходимость закрепления и развития в Испании «демократическо-республиканского парламентского режима» [Димитров 1975б, с. 452].

Для многих членов коммунистических партий, включая их руководство, наверное, трудно было отказаться от предполагаемой ими близкой перспективы социалистической революции в Испании. В марте 1937 г. лидер испанских коммунистов Х. Диас заявил, что КПИ борется за утверждение в Испании «демократической парламентской

республики нового типа и глубокого социального содержания» [Мещеряков 1981, с. 29].

Подобные настроения в форме публичных выступлений, газетных статей, дискуссий сохранились в коммунистическом движении до самого конца войны, однако официальная линия Коминтерна декларировалась как защита в Испании буржуазной демократической парламентской республики. Сохранение основных институтов буржуазного государства, таких как частная собственность на средства производства, парламентаризм, позволило коммунистам в какой-то степени нейтрализовать негативные последствия «революционных экспериментов» левых социалистов, настаивавших на немедленном установлении советской социалистической республики, и анархистов, явочным порядком устанавливавших «либертарный коммунизм». Тем самым в основном удалось предотвратить отход от Народного фронта крестьянских масс и мелкой городской буржуазии, удалось сохранить его относительное единство до самого конца войны [Новиков 2017].

В международном плане концепция демократической республики нового типа была очень высоко оценена мировым коммунистическим движением и рассматривалась как значительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории социалистической революции. Позднее предпринимались попытки привязки испанского опыта к процессам, протекавшим в странах Восточной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны.

Позиция защиты буржуазных демократических институтов, занятая Коминтерном и КПИ в ходе Гражданской войны, носила временный и условный характер. Несмотря на то, что в коммунистическом лексиконе стали менее употребительными словосочетания «пролетарская революция», «диктатура пролетариата», что они вытеснялись словами «антифашизм», «демократия», «мир», «справедливость», это не означало отказа руководителей Коминтерна и КПИ от конечных целей своей борьбы – от захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Лидер французских коммунистов М. Торез писал, что правительство Народного фронта должно стать правительством для «продвижения масс к диктатуре пролетариата, к советской республике» [Маккензи 2008, с. 192]. Г. Димитров подчеркивал, что «народный фронт не может принести окончательного освобождения... необходимо готовиться к социалистической революции. Советская власть и только советская власть может принести окончательное освобождение» [Рауне 2004, с. 63].

Руководители Коминтерна, а с ними и руководство КПИ, не отказались от достижения своей главной цели – установления диктатуры пролетариата и советской республики в любой стране, в том числе в Испании, правда, исходя из тактических соображений, они старались это не афишировать, чтобы не оттолкнуть своих мелкобуржуазных попутчиков.

Необходимо признать, что эта тактика оказалась очень эффективной. Будучи подкрепленной активным участием КПИ в строительстве регулярной армии Испанской Республики, героизмом и боевыми успехами воинских частей, руководимых коммунистами, данная тактика превращала в сторонников коммунистов представителей самых разных социальных групп и национальностей, включая граждан других государств. Многие из них тогда стали наивно полагать, что коммунисты отказались от пролетарской революции как средства перехода к социализму и приняли программу мирного демократического развития общества, которое постепенно приведет к коммунизму, что коммунисты также отказались от идеи мировой коммунистической революции [Оруэлл 1989; Маккензи 2008].

Тема возможного захвата власти и установления диктатуры пролетариата в Испании в последующие годы активно использовалась противниками коммунизма при создании исторических работ. Франкистские и консервативные западные авторы прямо заявляли, что коммунисты создали в ходе войны собственные вооруженные подразделения, одни из самых боеспособных в Народной армии, якобы, с целью последующего вооруженного захвата власти после победы и что только военное поражение Испанской Республики в Гражданской войне помогло стране избежать этой участи [Haas 1970].

В современной западной литературе этот тезис имеет широкое хождение. Так, испанский историк и журналист Л. Родригес, исходя исключительно из своих логических построений, прямо пишет: «Если бы левые победили в Испании, Европа столкнулась бы с режимами советского типа на самом Западе и на Востоке»¹, т. е. победа сторонников Народного фронта в Гражданской войне, согласно Родригесу, неизбежно привела бы к пролетарской революции и диктатуре пролетариата в Испании [Родригес 2016].

¹ В Испании и в СССР. – *Прим. авт.*

Заключение

Резкий поворот в тактике Коминтерна в середине 1930-х гг., провозглашение фашизма главным противником всего человечества и активное участие коммунистов в борьбе с этим злом создали коммунистическому движению привлекательный имидж. Это наиболее ярко проявилось в ходе Гражданской войны в Испании. Миллионы людей в разных странах приняли участие в различных акциях, организованных коммунистами в поддержку Испанской Республики, десятки тысяч решили вступить в знаменитые Интернациональные бригады [Мещеряков 1993].

Отказавшись от авантюрного соблазна захвата власти в Испании, коммунистическое движение сосредоточило усилия на сохранении буржуазного демократического парламентаризма, проводя своеобразную «центристскую» политику, противодействуя как левым экспериментам, так и правоцентристской имитации деятельности. Левые обвиняли и до сих пор обвиняют коммунистов в проведении контрреволюционной политики, считая ее главной причиной военного поражения. Недовольные и справа, раздраженные тем, что именно коммунисты создали в ходе войны самые боеспособные военные подразделения, полагают и полагают, что это было сделано не с целью достижения Народным фронтом победы в Гражданской войне, а с целью захвата власти коммунистами после победы в ней. Вклад Коминтерна в теорию пролетарской социалистической революции в виде концепции «демократической республики нового типа» в ходе гражданской войны оказался практически невостребованным. Что касается Восточной и Юго-восточной Европы, то созданные там после Второй мировой войны в ряде стран «демократические республики нового типа» просуществовали недолго и действительно стали всего лишь «прологом» к диктатуре пролетариата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахрамович Н. В.* Левая альтернатива в XX веке: исторический путь коммунистического движения // Новая и новейшая история. 2019а. № 5. С. 245–248.
- Ахрамович Н. В.* К 100-летию учреждения Коммунистического Интернационала // Новая и новейшая история. 2019б. № 4. С. 219–221.
- Ватлин А. Ю.* Фактическое основание Коминтерна: второй конгресс 1920 г. // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 61–75.

- Варга Е. С. Революция в Испании // Коммунистический интернационал. 1936. № 9.
- Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма : доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны : сб. документов. М. : Политиздат, 1975а. С. 119–192.
- Димитров Г. М. Из выступления на заседании секретариата ИККИ по испанскому вопросу. 18 сентября 1936 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны : сб. документов. М. : Политиздат, 1975б. С. 440–441.
- Доклад тов. Андре Марти на заседании секретариата ИККИ о положении в Испании // Коминтерн и гражданская война в Испании : документы. М. : Наука, 2001. С. 149–170.
- Лобато Л. Л. В борьбе за единство действий широких масс // Историческое значение VII конгресса Коминтерна. М. : Политиздат, 1986. С. 101–109.
- Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. 1919–1943 / пер. с англ. Г. Г. Петровой. М. : Центрполиграф, 2008. 351 с.
- Мещеряков М. Т. Испанская Республика и Коминтерн. М. : Мысль, 1981. 222 с.
- Мещеряков М. Т. Судьба интербригад в Испании по новым документам // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 18–41.
- Новиков М. В. Советская военная помощь Испанской республике в 1936–1939 гг. в интерпретации англо-американских историков // Российская история. 2017. № 4. С. 123–133.
- Новиков М. В. СССР, Коминтерн и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2007. 320 с.
- Оруэлл Д. Вспоминая войну в Испании // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет : пер. с англ. М. : Прогресс, 1989. С. 247–262.
- Пожарская С. П. От 18 июля 1936 – долгий путь. М. : Молодая гвардия, 1987. 176 с.
- Реверте П. А. Единство национальных и интернациональных задач // Историческое значение VII конгресса Коминтерна. М. : Политиздат, 1986. С. 282–295.
- Родригес Л. Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о гражданской войне в Испании // Русский сборник. Т. XX: СССР и гражданская война в Испании 1936–1939. М. : Модест Колеров, 2016. С. 81–99.
- Сотникова И. Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М. : Наука, 2015. 407 с.
- Хейфец Л. С., Хейфец В. Л. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М. : Изд-во РОССПЭН, 2019. 759 с.

- Шириня К. К., Ксенофонов И. Н. Г.* Димитров и национально-революционная война в Испании // Георгий Димитров – выдающийся деятель коммунистического движения. М. : Политиздат, 1972. С. 333–368.
- Эрколи М. Н. (П. Тольятти).* Об особенностях испанской революции // Коммунистический интернационал. 1936а. № 16. С. 15–23.
- Эрколи М. Н. (П. Тольятти)* Борьба испанского народа против фашистских мятежников // Большевик. 1936б. № 19. С. 7–20.
- Hays S.* The United States and Spain. An interpretation. Westport, Connecticut, 1970. 464 p.
- Payne S.* The Spanish civil war, the Soviet Union, and Communism. New Haven ; L., 2004. 400 p.

REFERENCES

- Ahramovich N. V.* Levaja al'ternativa v HH veke: istoricheskij put' kommunisticheskogo dvizhenija // Novaja i novejšhaja istorija. 2019a. № 5. S. 245–248.
- Ahramovich N. V.* K 100-letiju uchrezhdenija Kommunisticheskogo Internacionala // Novaja i novejšhaja istorija. 2019b. № 4. S. 219–221.
- Vatlin A. Ju.* Faktičeskoe osnovanie Komintern: vtoroj kongress 1920 g. // Novaja i novejšhaja istorija. 2019. № 3. S. 61–75.
- Varga E. S.* Revoljucija v Ispanii // Kommunisticheskij internacional. 1936. № 9.
- Dimitrov G. M.* Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internacionala v bor'be za edinstvo rabočego klassa, protiv fashizma : doklad na VII Vsemirnom kongresse Kommunisticheskogo Internacionala 2 avgusta 1935 g. // VII kongress Kommunisticheskogo Internacionala i bor'ba protiv fashizma i vojny : sb. dokumentov. M. : Politizdat, 1975a. S. 119–192.
- Dimitrov G. M.* Iz vystuplenija na zasedanii sekretariata IKKI po ispankomu voprosu. 18 sentjabrja 1936 g. // VII kongress Kommunisticheskogo Internacionala i bor'ba protiv fashizma i vojny : sb. dokumentov. M. : Politizdat, 1975b. S. 440–441.
- Doklad tov. Andre Marti na zasedanii sekretariata IKKI o položenii v Ispanii // Komintern i graždanskaja vojna v Ispanii : dokumenty. M. : Nauka, 2001. S. 149–170.
- Lobato L. L.* V bor'be za edinstvo dejstvij širokih mass // Istoricheskoe znachenie VII kongressa Komintern. M. : Politizdat, 1986. S. 101–109.
- Makkenzi K.* Komintern i mirovaja revoljucija. 1919–1943 / per. s angl. G. G. Petrovoj. M. : Centrpoligraf, 2008. 351 s.
- Meshherjakov M. T.* Ispanskaja Respublika i Komintern. M. : Mysl', 1981. 222 s.
- Meshherjakov M. T.* Sud'ba interbrigad v Ispanii po novym dokumentam // Novaja i novejšhaja istorija. 1993. № 5. S. 18–41.

- Novikov M. V.* Sovetskaja voennaja pomoshh' Ispanskoj respublike v 1936–1939 gg. v interpretacii anglo-amerikanskih istorikov // Rossijskaja istorija. 2017. № 4. S. 123–133.
- Novikov M. V.* SSSR, Komintern i Grazhdanskaja vojna v Ispanii 1936–1939 gg. Jaroslavl': izd-vo JaGPU, 2007. 320 s.
- Orujell D.* Vspominaja vojnu v Ispanii // Orujell D. «1984» i jesse raznyh let // per. s angl. M. : Progress, 1989. S. 247–262.
- Pozharskaja S. P.* Ot 18 ijulja 1936 – dolgij put'. M. : Molodaja gvardija, 1987. 176 s.
- Reverte P. A.* Edinstvo nacional'nyh i internacional'nyh zadach // Istoricheskoe znachenie VII kongressa Kominterna. M. : Politizdat, 1986. S. 282–295.
- Rodriges L.* Nekotorye principial'nye oshibki v predstavlenijah o grazhdanskoj vojne v Ispanii // Russkij sbornik. T. XX: SSSR i grazhdanskaja vojna v Ispanii 1936–1939. M. : Modest Kolerov, 2016. S. 81–99.
- Sotnikova I. N.* Kitajskij sektor Kominterna: organizacionnye struktury, kadrovaja i finansovaja politika: 1919–1943 gg. M. : Nauka, 2015. 407 s.
- Hejfec L. S., Hejfec V. L.* Komintern i Latinskaja Amerika: ljudi, struktury, reshenija. M. : Izd-vo ROSSPJeN, 2019. 759 s.
- Shirinja K. K., Ksenofontov I. N. G.* Dimitrov i nacional'no-revoljucionnaja vojna v Ispanii // Georgij Dimitrov – vydajushhij dejatel' kommunisticheskogo dvizhenija. M. : Politizdat, 1972. S. 333–368.
- Jerkoli M. N. (P. Tol'jatti).* Ob osobennostjah ispanskoj revoljucii // Kommunisticheskij internacional. 1936a. № 16. S. 15–23.
- Jerkoli M. N. (P. Tol'jatti)* Bor'ba ispanского народа protiv fashistskih mjatezchnikov // Bol'shevik. 1936b. № 19. S. 7–20.
- Hays S.* The United States and Spain. An interpretation. Westport, Connecticut, 1970. 464 p.
- Payne S.* The Spanish civil war, the Soviet Union, and Communism. New Haven ; L., 2004. 400 p.

УДК 31.316.614

В. И. Веремчук, Н. П. Поплёвкин

Веремчук В. И., доктор социологических наук;
профессор 21 кафедры (социологии) Военного университета Министерства
обороны Российской Федерации;
e-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Поплёвкин Н. П., кандидат социологических наук;
заместитель начальника научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных
исследований) Военного университета Министерства обороны Российской
Федерации;
e-mail: Obssss@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ СОЦИАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО КОНТРАКТУ

В условиях глубоких структурных, институциональных трансформаций Вооруженных Сил РФ особенно актуально проявляются проблемы повышения эффективности социального управления на всех уровнях военной организации. Проблема профессиональной социализации военнослужащих и обеспечения организации управленческого воздействия была и остается в центре внимания социальной науки. Представленные результаты проведенного социологического исследования могут применяться в управленческой деятельности, направленной на повышение эффективности в формировании необходимых военно-профессиональных качеств личности военнослужащего, проходящего службу по контракту.

Ключевые слова: институциональное управление; профессиональная социализация; социально-ценностная структура личности; базовые ценности; терминальные ценности; инструментальные ценности.

V. I. Veremchuk, N. P. Poplyovkin

Veremchuk V. I., Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof., Professor 21 of the Department (Sociology) of the Military University Ministry of Defence of the Russian Federation;
e-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Poplyovkin N. P., PhD (Sociology), Deputy Head of Research (Military-Humanitarian Studies) Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;
e-mail: Obssss@mail.ru

INSTITUTIONAL MANAGEMENT OF THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF MILITARY PERSONNEL UNDER CONTRACT

In the context of deep structural and institutional transformations of the Armed Forces of the Russian Federation the problems of improving the efficiency of social management at all levels of military organization are particularly relevant. Therefore, the problem of professional socialization of military personnel, provision and organization of managerial influence, its efficiency and ways of optimization have been and remain the focus of attention of social science. The presented results of the conducted sociological study can be used in management activities aimed at increasing efficiency in formation of the necessary military-professional qualities of the person of the soldier, meeting the requirements of the Institute of Military Service.

Key words: institutional governance; professional socialization; social and valuable structure of the personality; basic values; terminal values; tool values.

Введение

Современный этап военного строительства Российской Федерации характеризуется постановкой серьезных теоретических и практических задач, решение которых направлено на гарантированное обеспечение обороны страны. Это зависит от совершенствования системы комплектования Вооруженных Сил РФ, основанной на принципиально ином способе пополнения ее рядов – добровольной основе. Данный принцип комплектования обусловлен необходимостью:

- повышения уровня профессионализма армии и флота;
- изменения характера военной службы;
- укрепления воинской дисциплины;
- улучшения морально-психологического климата в воинских коллективах.

Достижению намеченных целей должно способствовать повышение качества отбора военнослужащих и формирование у них высокого уровня профессионализма. Вместе с тем процесс реформирования Вооруженных Сил РФ подвергается воздействию факторов, различающихся по природе возникновения и силе воздействия. Поэтому существует объективная потребность в глубоком анализе процесса институционального управления социализацией военнослужащих по контракту. В этой связи представляется целесообразным:

- проанализировать состояние и возникающие проблемы в функционировании институционального процесса в современных условиях;

– предпринять усилия по поиску наиболее эффективных управленческих решений, ориентированных на повышение функциональности социализационного процесса.

Теоретический анализ процесса социализации личности военнослужащего по контракту

На современном этапе военно-социологической теории социализация личности военнослужащего рассматривается как постоянный и не имеющей конечной точки процесс, когда формируется именно специализированная личность военнослужащего. Это не вполне соответствует сути военной службы по контракту, которая подразумевает возможность отказаться от заключения повторного контракта и выбрать для себя иной профессиональный путь. Следовательно, социализация военнослужащего по контракту должна быть отнесена к процессу профессиональной социализации.

Анализ научных направлений, отражающих концептуальные позиции представителей различных школ социальной науки, позволил выявить сущность институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Институциональное управление профессиональной социализацией военнослужащих рассматривается как целенаправленное воздействие посредством формальных и неформальных норм на ценностную иерархию военнослужащего, в процессе адаптации и интериоризации целей поведения для обеспечения военно-профессиональной деятельности.

Социологическая модель институционального управления социализацией военнослужащих по контракту позволила выделить профессиональную социализацию военнослужащих в отдельную категорию. Наша модель включает:

- субъект управления – государство, командиров, осуществляющих воздействие посредством института военной службы;
- формальные нормы, зафиксированных в нормативных документах и регулирующих отношения в рамках военно-профессиональной деятельности;
- неформальные нормы, являющиеся продолжением формальных норм и определяющих правила, принятые в профессиональной среде;

- объект управления – социально-ценностные модели – состояние ценностной сферы личности, присущее ему в различных обстоятельствах и зависящее от среды и связей, в которых он находится;
- этап адаптации – характеризуется оказанием управляющего воздействия института военной службы на социально-ценностную структуру личности военнослужащего;
- этап интериоризации – характеризуется управляющим воздействием самой личности военнослужащего по контракту, как на формальные нормы, так и неформальные правила военной службы.

Успех интериоризации приводит к формированию ценностной структуры военнослужащего, с базовыми ценностями, ценностями профессии и корпоративными ценностями.

В качестве теоретической основы позволяющей описать целостную позицию личности военнослужащего целесообразно использовать категорию социального бытия [Фромм 2017]. Применительно к исследованию комплексного показателя ценностных установок военнослужащих по контракту предлагается взять за основу разделение ценностных конструктов, выраженных через социально-ценностные модели: *обладание; социальные достижения; служение.*

Научно-прикладной анализ процесса социализации личности военнослужащего по контракту

В результате исследования в Вооруженных Силах Российской Федерации выявлены четыре ценностных конструкта, разделяемых военнослужащими. Два из них соответствуют требованиям института военной службы:

- ценностные модели социальных достижений с элементами служения (18%);
- ценностные модели служения (7%).

И два не соответствуют:

- ценностные модели обладания (41%);
- ценностные модели социальных достижений (34%).

При проведении анализа установлены взаимосвязи институциональных факторов и типов ценностной иерархии респондента. Ценностные предпочтения респондентов соотносятся с такими переменными, как:

- оценка престижа военной службы;

- фактор, повлиявший на принятие решения о прохождении военной службы;
- причина выбора профессиональной деятельности;
- отношение к командиру и офицерскому составу;
- боевой опыт.

Выявлена положительная взаимосвязь между:

- оценкой престижа военной службы в вооруженных силах и ценностными моделями военнослужащих;
- с боевым опытом и сформированными ценностными моделями.

Результаты исследования указывают на то, что командир и офицерский состав пользуются авторитетом у военнослужащих, которые не ориентированы на ценности военно-профессиональной деятельности [Барановский 2019]. Напротив, военнослужащие, ориентированные на военно-профессиональную деятельность, негативно оценили авторитет командиров, и еще хуже отношение к ним со стороны офицерского состава. Низкий авторитет непосредственного командира у военнослужащих по контракту, разделяющих ценностные модели служения и социальных достижений, объясняется ориентированностью офицеров на сходные ценности. Военнослужащие с этими ценностными ориентациями испытывают затруднения в системе институционального управления военной службой.

Вместе с тем в рамках исследования институционального управления социализацией военнослужащих по контракту проведен экспертный опрос (25 офицеров). Полученный результат опроса офицеров позволил констатировать факт о несформированности представлений, связанных с нормативной личностной оценкой военнослужащего. Офицеры понимают, что военнослужащий должен быть заинтересован в военной службе, разделять военно-профессиональные ценности и стремиться к повышению своего профессионального мастерства. По представлениям офицеров среди военнослужащих ярко выражены ценностные модели обладания.

На основе анализа данных выявлены факторы с позитивным и негативным влиянием на процесс профессиональной социализации военнослужащих.

Факторы, обладающие позитивным эффектом влияния:

- формирование высокой оценки престижности военной службы по контракту и здоровый морально-психологический климат в коллективе;

- наличие боевого опыта у военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, командиров и офицеров;
- причины выбора военной службы по контракту.

Факторы, оказывающие негативное влияние:

- формальный характер профессионального отбора, исключаящий учет мотивов граждан, желающих проходить службу по контракту;
- нацеленность механизмов институционального управления исключительно на материальное стимулирование;
- недостаточно эффективная организация морально-политического и психологического обеспечения служебной деятельности.

Проведенное исследование позволило сформировать основные направления оптимизации процесса институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих по контракту. В первую очередь следует сосредоточиться на изменении структуры мотивации выбора военной службы: в профессиональной деятельности центр внимания необходимо переместить с материальных факторов на нематериальные (духовные, культурные, моральные, нравственные и т. п.). Разработка предложенных структурно-организационных основ и внедрение в систему институционального управления единой цели должны способствовать формированию благоприятной социализационной среды и эффективному управлению протекающими в ней процессами.

Таким образом, реализация основных направлений по оптимизации институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих по контракту возможна при условии выполнения мероприятий практического характера в следующих приоритетных направлениях:

- необходимо добиваться соответствия системы профессиональной социализации ее функциональному предназначению;
- использовать ценностную модель личности военнослужащего контрактника для формирования методики оценки профпригодности кандидатов на военную службу;
- осваивать единые директивные подходы к ведению работы по управлению профессиональной социализацией военнослужащих по контракту;
- проводить занятия в частях с целью формирования первичных навыков управления.

Заключение

Возможности теоретического и практического применения результатов исследования может повысить эффективность институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих по контракту. Данные результаты могут применяться органами военного управления в деятельности, направленной на повышение эффективности формирования военно-профессиональных качеств личности военнослужащего. Предложенные инновационные механизмы социального регулирования позволят обуславливать создание модели ценностной иерархии личности военнослужащего, проходящего военную службу по контракту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барановский М. В.* Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 137–145.
- Фромм Э.* Иметь или быть? / Эрих Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : АСТ, 2018. 320 с.

REFERENCES

- Baranovskij M. V.* Doverie v voennoj organizacii (opyt sociologicheskogo issledovanija) // Sociologicheskie issledovanija. 2019. № 10. S. 137–145.
- Fromm Je.* Imet' ili byt'? / Jerih Fromm ; per. s nem. Je. Teljatnikovoj. M. : AST, 2018. 320 s.

УДК 355/359-5/-9

Е. Н. Карлова, В. Е. Талынёв

Карлова Е. Н., кандидат социологических наук, доцент;
старший научный сотрудник Военно-воздушной академии
им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина; e-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Талынёв В. Е., доктор социологических наук, доцент;
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Воронежского института МВД России; e-mail: v.talynyov@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается причинно-следственная связь возможностей и ограничения использования цифровых технологий особой категорией граждан – «военнослужащими» в условиях цифровой трансформации общества, силовых структур. Представлена попытка определения баланса между возможностями и негативными последствиями цифровизации Министерства обороны РФ в рамках обеспечения внутренней защищенной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. В статье также анализируются возможности активности военнослужащих в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, применения цифровых технологий российскими военнослужащими в существующем правовом поле и социальные последствия тех ограничений, которые в последнее время накладываются на их использование.

Ключевые слова: цифровизация; приют; учет бездомных; «Ночлежка»; «социальная помощь».

E. N. Karlova, V. E. Talynyov

Karlova E. N., PhD (Sociology), Assoc. Prof., Senior Researcher
at the Air Force Academy named after N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin;
e-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Talynyov V. E., Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.,
Prof. at the Department of Humanities and Social Sciences,
Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry; e-mail: v.talynyov@yandex.ru

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES BY MILITARY PERSONNEL IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

The article analyzes the causal relationship between the possibilities and limitations of using digital technologies by a special category of citizens – “military

personnel” in the conditions of digital transformation of society and power structures. The analysis of the balance between opportunities and negative consequences of digitalization of the Ministry of defense of the Russian Federation within the framework of providing internal protected information and telecommunications infrastructure is presented. The article also analyzes the possibilities of military activity in the social networks “Odnoklassniki”, “Vkontakte”, and “Facebook”, the use of digital technologies by Russian military personnel in the existing legal field, and the social consequences of the restrictions that have recently been imposed on their use.

Key words: digitalization, shelter the homeless, night shelter, social assistance.

Введение

Интернет-технологии открыли цифровую эпоху в экономике, образовании, социальной коммуникации и других сферах жизни общества, предоставляя возможности удовлетворения различных жизненных потребностей. Вместе с тем в последние годы прогрессирует тренд усиления киберскептицизма, возникшего как ответ на различные угрозы, начиная от детской психики и заканчивая национальной безопасностью [Асочаков 2015].

Постановка проблемы

Военная организация адаптируется к цифровой трансформации общества, испытывая на себе ее положительный модернизационный потенциал и негативные последствия. Новые технологии внедряются в практику военного управления [Михайловский 2016], военную медицину [Крайнюков, Столяр 2019], производство новых высокотехнологичных систем и комплексов вооружения, военной и специальной техники [Чаднов и др. 2017], обладают педагогическим потенциалом [Алехин, Тренин 2018], служат инструментом военно-профессиональной ориентации привлечения молодежи в военную профессию [Yeung, Gifford 2011]. В то же время использование личных цифровых устройств и подключение к Интернету увеличивает вероятность кибератак на военные объекты [Ромашкина 2019]; доступность личных данных в Интернете ставит под угрозу военные миссии и безопасность военнослужащих [Solomon 2017]; неэтичное поведение личного состава негативно отражается на имидже армии [Stern, Shalom 2019]; идеологический плюрализм интернет-пространства создает угрозу подрыва морально-психологического состояния военнослужащих, вовлечения их в деструктивную политическую активность.

В попытке найти баланс между возможностями и негативными последствиями цифровизации Министерство обороны РФ создает внутреннюю защищенную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и ограничивает доступ военнослужащих к глобальному Интернету и использованию личных цифровых устройств. В результате военная организация сталкивается с рядом вызовов: цифровым неравенством военнослужащих как социально-профессиональной группы и несоответствием между уровнем развития электронной инфраструктуры воинских частей и потребностями вооруженных сил в использовании цифровых технологий. Отдельного внимания заслуживает система военного образования, в которой в специфических условиях развивается электронная информационно-образовательная среда, а курсанты, с рождения включенные в процессы цифровизации, вынуждены адаптироваться к жизни «офлайн».

На основе собственного эмпирического исследования изучена структура пользовательской активности офицеров и курсантов, самооценка уровня владения цифровыми компетенциями, восприятие их ценности для служебной деятельности, отношение к запретам и ограничениям в использовании цифровых технологий.

Социальные последствия ограничения использования цифровых технологий в вооруженных силах

Экспоненциальный рост объема электронных данных и взаимосвязей между людьми и организациями сопровождается увеличением угроз безопасности, имеющими критическое значение для обороноспособности государства. Одним из направлений противостояния этому вызову становится введение административных и технических запретительных мер. В российском законодательстве появляется всё больше нормативно-правовых ограничений в использовании цифровых технологий во время исполнения служебных обязанностей и интернет-активности военнослужащих. Например, Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах РФ, утвержденная приказом Министра обороны от 4 апреля 2017 г. № 170, запрещает пользоваться личными средствами вычислительной техники любыми USB-устройствами для обработки служебной информации, работать со служебным и документами дома. В 2019 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», запрещающие при

исполнении обязанностей военной службы иметь при себе электронные гаджеты с выходом в Интернет, геолокацией, технологиями беспроводной передачи данных. Изменения касаются также активности военнослужащих в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook и другими похожими ресурсами: идентификация себя с вооруженными силами распространение информации о своей деятельности, связанной с исполнением обязанностей военной службы, становятся грубыми дисциплинарными проступками. Согласно закону, военнослужащие не могут публиковать в социальных медиа фотографии в военной форме, освещать повседневные аспекты военной службы, оставлять комментарии и выражать свое мнение по военно-профессиональным вопросам.

Социальные медиа, мессенджеры и другие формы электронной коммуникации в условиях цифровой трансформации общества создают новые формы социальных связей, условия для самоорганизации, неформального общения и взаимодействия военнослужащих как альтернативу бюрократической военной иерархии и официальной коммуникации. Исследование А.С.Бородулиной показывает также большую роль мессенджеров в практиках жизнеобеспечения обособленных воинских частей (военных городков) в условиях территориальной изоляции и товарного дефицита [Бородулина 2018]. Ограничение электронных форм коммуникации снижает военно-политические риски, но вместе с тем лишает вооруженные силы потенциальных возможностей воспитательной работы, развития человеческого потенциала военнослужащих, создания атмосферы доверия между военной организацией и ее членами.

Запретительные меры восстанавливают четкую границу между служебной и частной сферами жизни, временно стертую интернет-технологиями. Возникает ситуация значительного цифрового разрыва между военной организацией и обществом.

Особенно чувствительны к ограничениям в сфере коммуникаций компоненты военной организации, находящиеся в тесном взаимодействии с гражданскими структурами. По определению В.Ф.Бондаренко, эти компоненты выполняют вспомогательные функции, направленные на решение задач внутри организационного развития, связанные с обеспечением, воспитанием, обучением, культурным обслуживанием, социальной защитой военнослужащих и членов их семей и т.д. [Бондаренко 2002]. Так, военные образовательные организации в соответствии

с ФГОСЗ должны иметь информационно-образовательную среду, но ведомственные требования определяют свой порядок ее создания и использования, сужающий внешние информационно-образовательные связи – электронное взаимодействие. Несмотря на пристальное внимание военного руководства к информатизации военного образования, исследователи указывают на неукomплектованность средствами вычислительной техники субъектов учебного процесса военных вузов, низкий темп обновления парка вычислительной техники, программных продуктов [Зибров, Скибо 2018], недоступность интернет-ресурсов для преподавателей и курсантов большую часть учебного времени и [Дармокрик, Малоков 2018], дефицит компетентных специалистов по эксплуатации программно-аппаратных средств и систем [Белошицкий, Мещеряков, Фалилеев 2015]. Даже при условии решения этих проблем цифровизация военного образования будет развиваться в направлении создания собственных защищенных каналов связи баз данных, без интеграции в глобальный Интернет.

К положительным последствиям цифрового неравенства военнослужащих, в частности, обучающихся в военных образовательных организациях, можно отнести ликвидацию (или минимизацию) рисков, с которыми сталкиваются гражданский сектор образования в связи с применением цифровых технологий, таких как замена личного общения виртуальным, поверхностность знаний, снижение авторитета старшего поколения, клиповость мышления [Петрунева 2019], вытеснение фундаментальных педагогических ценностей и смыслов образования, установление тотального контроля за образовательным поведением человека [Колесникова 2019]. Сохранение преимущественно традиционных форм образовательной деятельности запреты на использование цифровых технологий способствуют герметизации социокультурной среды военных вузов, в которой формируются ценности патриотизма, коллективизма и единоначалия, навыки самостоятельного решения задач без обращения к электронным информационным ресурсам.

Обобщая социальные последствия применения цифровых технологий в вооруженных силах, можно сделать вывод о необходимости соблюдения баланса между использованием возможностей современных информационных технологий в служебной и вне служебной сферах и защитой от угроз, которые несут в себе данные технологии. Для военной сферы критически важным становится также разграничение практики

применения относительно безопасных компьютерных технологий (без подключения к Интернету) и трудно поддающейся контролю интернет-активности военнослужащих. В таблице 1 отражены возможности и угрозы использования компьютерных и интернет-технологий военнослужащими в служебной и внеслужебной сферах.

Таблица 1

Возможности и угрозы использования компьютерных и интернет-технологий военнослужащими в служебной и внеслужебной сферах

	Компьютерные технологии		Интернет-технологии	
	Служебная сфера	Внеслужебная сфера	Служебная сфера	Внеслужебная сфера
Возможности	Обработка информации в офисных приложениях; математические расчеты; компьютерное моделирование; работа со специальными цифровыми устройствами	Самообразование; развлечения и творчество	Дистанционное образование; служебная переписка; использование библиотечных и образовательных ресурсов; поиск информации; военно-политическая работа; военно-профессиональная ориентация	Пользование государственными и коммерческими услугами; образование, общение в социальных сетях; развлечения и творчество
Угрозы	Халатное или противоправное поведение при обращении с информацией ограниченного по средствам и анти-вирусной защиты	Развитие психологической зависимости от компьютерных игр и т. д., неправильное обращение со средствами анти-вирусной защиты	Халатное или противоправное поведение при обращении с информацией ограниченного доступа и со средствами анти-вирусной защиты, неэтичное поведение, вовлечение в политическую активность	Негативное информационно-психологическое воздействие на сознание военнослужащих и членов их семей; нарушение неприкосновенности частной жизни, семейной тайны, нанесение ущерба имиджу ВС РФ

Цифровые технологии в повседневной деятельности военнослужащих

Сцелью эмпирического изучения интенсивности и структуры пользовательской активности военнослужащих, их отношения к запретам и ограничениям в использовании цифровых технологий, запроса на развитие умений и навыков в сфере цифровых технологий, было проведено социологическое исследование, эмпирическую базу которого составили результаты проведенного в 2019 г. Опроса курсантов ВУНЦВВС «Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) (N=375) и военнослужащих, прибывших на курсы переподготовки повышения квалификации из воинских частей Западного, Центрального, Южного, Восточного военных округов и Северного флота (N=352).

Исследование показало низкую пользовательскую активность респондентов. 46% офицеров и 61% курсантов проводят менее одного часа за компьютером в будний день, пользуются Интернетом менее часа – 47% и 78% соответственно. Больше времени перед экраном проводят офицеры, занятые в сферах науки и образования (44% пользуются компьютером более пяти часов ежедневно), а также обеспечения повседневной деятельности (30% пользуются компьютером более пяти часов ежедневно). Меньше всего компьютер необходим специалистам, обслуживающим и эксплуатирующим военную технику.

Высокая пользовательская активность обычно характерна для молодого поколения, однако, как видно из рисунка 1, молодые офицеры проводят за компьютером меньше времени, чем представители более старших возрастных групп, их рабочие места реже оборудованы вычислительной техникой.

Вероятно, это связано с особенностям вертикальной профессиональной мобильности в военной организации, коррелирующей с выслугой лет, когда престижным интеллектуальным и управленческим трудом, в котором задействуются компьютерные технологии, занимаются офицеры старших возрастных групп.

В выходные дни продолжительность пользования компьютером снижается, только 10% офицеров и 6% курсантов тратят более трех часов на работу за компьютером. Интенсивность пользования респондентами Интернетом в выходные и будние дни почти не отличается.

Рис. 1. Особенности пользовательской активности офицеров разных возрастов (в % от числа опрошенных)

Сопоставление результатов опроса с данными российских исследователей подтверждает цифровое неравенство социально-профессиональной группы военнослужащих в российском обществе. По данным ВЦИОМ в 2019 г. 50% россиян возрастных категорий от 25 до 60 лет пользовались Интернетом менее четырех часов ежедневно [Жизнь без Интернета URL]. Аналогичный показатель у офицеров – 84%. Еще более впечатляющий цифровой разрыв наблюдается между курсантами и студентами: по данным исследования Р.М. Петруновой только 12% студентов пользуются компьютерными устройствами менее двух часов в день, при этом большинство опрошенных студентов успевают пользоваться мобильными устройствами на учебных занятиях в университете [Петрунева Р., Васильева, Петрунева Ю. 2019]. Наше исследование показало, что 93% курсантов пользуются интернет-ресурсами менее двух часов в день, а использование мобильных цифровых устройств на учебных занятиях строго запрещено. В условиях отсутствия мобильного Интернета, половина курсантов регулярно пользуется ресурсами электронно-библиотечной системы, и всего 15% регулярно посещают интернет-классы.

Несмотря на ограниченные возможности доступа военнослужащих к цифровым технологиям, владение цифровыми компетенциями воспринимается респондентами как важная часть профессионализма. Всего 11% офицеров и 7% курсантов считают, что их работа не требует или не будет требовать знаний компьютерных технологий. К базовым цифровым компетенциям, которые востребованы 80% курсантов и офицеров, можно отнести навыки работы с пакетом офисного программного обеспечения Microsoft Office. Среди опрошенных военнослужащих полезными считаются также навыки работы с графическими редакторами и другими программными средствами для визуализации, моделирования, анимации т. д., умение установить операционную систему и программное обеспечение, навыки работы с антивирусными программами. Запрос на развитие умений и навыков в сфере цифровых технологий у респондентов превышает уровень самооценки их реального развития, большинство опрошенных хотели бы повысить свою грамотность в использовании возможностей современных технологий.

Интернет-ресурсы используются офицерами в основном для чтения новостных лент и оплаты различных услуг. Как видно из рисунка 2, распространены также практики поиска развлекательного контента (кино, музыки, идео и т. д.), пользования государственными услугами, электронной почтой и мессенджерами. Большинство опрошенных офицеров редко или никогда не посещали образовательные интернет-порталы, электронные библиотеки научных баз данных, крайне редко занимались поиском информации в Интернете для выполнения служебных задач. Вместе с тем каждый второй офицер хотел бы улучшить свои навыки пользования образовательными порталами и электронными библиотеками, что свидетельствует об определенном потенциале развития системы непрерывного образования и самообразования военнослужащих.

Структура потребления интернет-ресурсов курсантами отличается от офицерской практики. Молодое поколение военнослужащих чаще использует Интернет в образовательных целях, приобретает товары, просматривает развлекательное видео и слушает музыку. Курсанты меньше интересуются новостями в Интернете и реже общаются с помощью электронной почты и мессенджеров. Офицеры и курсанты практически не занимаются созданием собственного интернет-контента, разработкой сайтов, программ и приложений, не играют в компьютерные игры.

Из разных областей интернет-технологий респонденты больше всего нуждаются в совершенствовании навыков использования антивирусных программ и защиты личных данных, хранящихся в Интернете, 63 % офицеров и 78 % курсантов хотели бы улучшить свои навыки в области информационной безопасности. При этом только 60% офицеров регулярно обновляют антивирусные программы, 37% меняют пароли от электронной почты и банковских приложений, каждый второй использует разные и сложные пароли для разных сайтов, каждый пятый использует программы родительского контроля активности детей в Интернете. Курсанты более ответственно подходят к интернет-безопасности, каждый второй регулярно меняет пароли использует уникальные и надежные пароли для разных интернет-ресурсов.

Рис. 2. Структура использования возможностей интернет-ресурсов курсантами и офицерами (в % от числа опрошенных, представлены ответы тех респондентов, кто использует предложенные возможности часто)

Курсанты в целом проявляют большую уверенность в использовании компьютера и других цифровых устройств, в разрешении технических проблем, стараются быть в курсе технологических новинок и трендов. За новостями высоких технологий следят 58% курсантов и только 22% офицеров, выражают готовность самостоятельно разобраться в том, как использовать цифровое устройство, которым раньше не пользовались 68% курсантов и 48% офицеров. Молодые офицеры (до 29 лет) несколько чаще по сравнению со старшими интересуются цифровыми новинками и выражают готовность освоить новую технику.

Запреты и ограничения в использовании цифровых технологий многие курсанты расценивают как ситуацию депривации. Больше всего курсантам не хватает доступа в служебное время к Интернету на мобильном устройстве и возможности работать с несекретными файлами дома – 43 % курсантов отмечают высокую потребность в данных ресурсах. Доступ к Интернету курсанты могут получить только в специальных классах с лимитированным числом посадочных мест, почти 40 % опрошенных отмечают дефицит времени работы с интернет-ресурсами на служебном компьютере. Каждый третий курсант ощущает также дефицит общения в социальных сетях и мессенджерах, причем этот показатель немного снижается от первого курса к пятому.

Отношение офицеров к запретам в области цифровых технологий значительно терпимее, они в двое реже курсантов выражают недовольство политикой ограничений. Тем не менее наиболее чувствительным для них является лишение доступа к Интернету в служебное время – каждому четвертому офицеру не хватает выхода в глобальный Интернет с мобильного устройства или служебного компьютера. Запреты на использование мессенджеров и личной электронной почты, имеющих очевидное преимущество в скорости передачи данных перед официальной перепиской через делопроизводство, может также отразиться на качестве выполнения повседневных задач. Интересно, что чаще отмечают дефицит того или иного информационного ресурса категории офицеров, у которых нет необходимости в постоянном использовании компьютера – занимающиеся административной, управленческой работой и обслуживанием и эксплуатацией военной техники.

Заключение

Возможности применения цифровых технологий российскими военнослужащими в настоящее время ограничены служебными устройствами, не всегда отвечающими современным стандартам и потребностям в оперативной обработке и передаче информации. Включаясь в цифровую трансформацию, военное ведомство создает внутренние защищенные каналы коммуникации и информационно-образовательную среду в вузах, отвечающие строгим требованиям безопасности.

Социальными последствиями такой политики запрета в цифровой сфере стали деиндивидуализация военнослужащих в социальных

медиа, лишение их возможности публичной рефлексии опыта военной службы и объединения в виртуальные социальные сети по профессиональному признаку. Обмен несекретной информацией через личную электронную почту, мессенджеры и другие личные электронные средства связи также могут осложнить процессы внутренней и внешней коммуникации. Судя по результатам нашего исследования, офицеры в целом не воспринимают эти последствия как ситуацию депривации. Их пользовательская активность находится на низком уровне даже во внеслужебное время, когда есть доступ к гаджетам. Тем не менее владение некоторыми цифровыми компетенциями респонденты относят к важной составляющей профессионализма, каждый офицер должен как минимум обладать навыками работы с пакетом офисного программного обеспечения и программами антивирусной защиты.

Наиболее чувствительны к ограничениям использования цифровых технологий оказались курсанты военных вузов, испытывающие большую потребность в доступе к компьютерной технике и интернет-ресурсам в образовательных целях. Условия распорядка дня и почти круглосуточное пребывание в воинской части практически полностью лишают курсантов возможности использования личных цифровых устройств. Дефицит свободы всегда был характерной чертой условий освоения военной профессии, в цифровую эпоху он дополняется дефицитом онлайн-активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алехин И. А., Тренин И. В.* Воспитание и обучение в военном вузе с помощью ресурсов информационно-образовательной среды // Мир образования – образование в мире. 2018. № 3. С. 152–163.
- Асочаков Ю. В.* «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Вып. 2. Сер. 12. С. 93–99.
- Белошицкий А. В., Мецержаков Д. В., Фалилеев В. Ю.* Информационно-образовательная среда военного вуза, методологические аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12. С. 284–286.
- Бондаренко В. Ф.* Специализация и диверсификация внутри военной организации // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 73–76.
- Бородулина А. С.* «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 156–172. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.09.

- Дармокрик Г. П., Малюков В. А. Принципы создания единой информационно-образовательной среды военного вуза // Наука сегодня: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 31 октября 2018 г. : в 2 ч. Вологда : Маркер, 2018. Ч. 2. С. 54–57.
- Жизнь без Интернета: рай или апокалипсис? URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681 (дата обращения: 21.01.20).
- Зибров Г. В., Скибо Т. Ю. Анализ качества информатизации образовательной среды военного вуза // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 5. С. 141–153.
- Колесникова И. А. Постпедагогический синдром эпохи цифромодернизма // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 8–9. С. 67–82. DOI: doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-67-82.
- Крайнюков П. Е., Столяр В. П. Военная медицина и цифровые технологии: теория, практика, проблемы и перспективы // Военно-медицинский журнал. 2019. № 6. С. 9–19.
- Михайловский А. Б. Компьютерные формы обучения должностных лиц Национального центра управления обороной Российской Федерации // Военная мысль. 2016. № 5. С. 57–62.
- Петрунева Р. М., Васильева В. Д., Петрунева Ю. В. Цифровое студенчество: мифы и реальность // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 47–55. DOI: doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-47-55.
- Ромашкина Н. П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 1. С. 2–9.
- Чаднов А. П., Гель В. Э., Гудков М. А. Военные сетевые цифровые технологии ВС РФ нового облика и эпоха цифровой экономики России // Информация и космос. 2017. № 3. С. 89–93.
- Solomon S. E. Social media, the fastest growing vulnerability to the Air Force mission. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University Press, Air Force Research Institute Publ., 2017. 38p. URL: media.defence.gov/2017/May/11/2001745610/-1/-1/-/CPP_0006_SOLOMON_SOCIAL_MEDIA.PDF (дата обращения: 01.08.2019).
- Stern N., Shalom U. B. Confessions and Tweets: Social Media and Everyday Experience in the Israel Defense Forces // Armed Forces & Society. 2019. URL: doi.org/10.1177/0095327X19859304
- Yeung D., Gifford B. Potential Recruits Seek Information Online for Military Enlistment Decision Making: A Research Note. // Armed Forces & Society. 2011. № 37(3). P. 534–549. URL: doi.org/10.1177/0095327X10366104. DOI: 10/21681/2311-3456-2019-1-2-9.

REFERENCES

- Alehin I. A., Trenin I. V.* Vospitanie i obuchenie v voennom vuze s pomoshh'ju resursov informacionno-obrazovatel'noj sredy // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2018. № 3. S. 152–163.
- Asochakov Ju. V.* «Cifrovaja liberalizacija», «cifrovoe neravenstvo» i kiberskepticizm // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. Vyp. 2. Ser. 12. S. 93–99.
- Beloshickij A. V., Meshherjakov D. V., Falileev V. Ju.* Informacionno-obrazovatel'naja sreda voennogo vuza, metodologicheskie aspekty // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2015. № 12. S. 284–286.
- Bondarenko V. F.* Specializacija i diversifikacija vnuti voennoj organizacii // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 12. S. 73–76.
- Borodulina A. S.* «Povorot k messendzheram»: kejs Sahalinskoj oblasti // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2018. № 1. S. 156–172. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.09.
- Darmokrik G. P., Maljukov V. A.* Principy sozdaniya edinoj informacionno-obrazovatel'noj sredy voennogo vuza // Nauka segodnja: istorija i sovremenost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vologda, 31 oktjabrja 2018 g. : v 2 ch. Vologda : Marker, 2018. Ch. 2. S. 54–57.
- Zhizn' bez Interneta: raj ili apokalipsis? URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681 (data obrashhenija: 21.01.20).
- Zibrov G. V., Skibo T. Ju.* Analiz kachestva informatizacii obrazovatel'noj sredy voennogo vuza // Vozdushno-kosmicheskie sily. Teorija i praktika. 2018. № 5. S. 141–153.
- Kolesnikova I. A.* Postpedagogicheskij sindrom jepohi cifromodernizma // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 8–9. S. 67–82. DOI: doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-67-82
- Krajnjukov P. E., Stoljar V. P.* Voennaja medicina i cifrovye tehnologii: teorija, praktika, problemy i perspektivy // «Voенно-медицинский журнал». 2019. № 6. S. 9–19.
- Mihajlovskij A. B.* Komp'juternye formy obucheniya dolzhnostnyh lic Nacional'nogo centra upravlenija oboronoj Rossijskoj Federacii // Voennaja mysl'. 2016. № 5. S. 57–62.
- Petruneva R. M., Vasil'eva V. D., Petruneva Ju. V.* Cifrovoe studenchestvo: mify i real'nost' // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 11. S. 47–55. DOI : doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-47-55.
- Romashkina N. P.* Global'nye voенно-politicheskie problemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti: tendencii, ugrozy, perspektivy // Voprosy kibereзопасности. 2019. № 1. S. 2–9.
- Chadnov A. P., Gel' V. Je., Gudkov M. A.* Voенные сетевые цифровые технологии VS RF novogo oblika i jepoha cifrovoj jekonomiki Rossii // Informacija i kosmos. 2017. № 3. S. 89–93.

- Solomon S.E. Social media, the fastest growing vulnerability to the Air Force mission. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University Press, Air Force Research Institute Publ., 2017. 38p. URL: media.defence.gov/2017/May/11/2001745610/-1/-1/-/CPP_0006_SOLOMON_SOCIAL_MEDIA.PDF (data obrashhenija: 01.08.2019).
- Stern N., Shalom U.B. Confessions and Tweets: Social Media and Everyday Experience in the Israel Defense Forces // *Armed Forces & Society*. 2019. URL: doi.org/10.1177/0095327X19859304
- Yeung D., Gifford B. Potential Recruits Seek Information Online for Military Enlistment Decision Making: A Research Note. // *Armed Forces & Society*. 2011. № 37(3). P. 534–549. URL: doi.org/10.1177/0095327X10366104. DOI: 10/21681/2311-3456-2019-1-2-9.

УДК 316.77

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор;
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

В статье реализуется социологический теоретический подход к анализу социальной регуляции и использованию медиатехнологий в условиях медиатизированного общества. Рассматриваются особенности формирующего влияния массмедиа на общественные отношения. Анализируется сущность и содержание социальной регуляции и манипуляции в медиатизированном обществе, субъекты, тенденции, особенности использования медиатехнологий манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: медиатизация; социальная регуляция; медиатехнология; манипуляция общественным сознанием; манипулятивная медиатехнология.

V. L. Primakov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.,
Professor at the Department of Sociology, Institute for International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

MEDIATIZATION AS A FACTOR OF SOCIAL REGULATION AND MANIPULATION

The article refers to sociological theoretical approach to analysis of social regulation and use of media technology in mediatized society. The peculiarities of the formative influence of mass media on social relations are considered. The author analyzes the essence and content of social regulation and manipulation in mediatized society, subjects, trends and features of the use of media technology of manipulation of mass consciousness.

Key words: mediatization; social regulation; mediatechnology; manipulation of mass consciousness; manipulative mediatechnology.

Актуализация проблемы

Проблема взаимодействия медиа и общества сегодня как никогда прежде превращается в одну из самых актуальных и неоднозначно осмысливаемых. С одной стороны, повседневная реальная жизнь

наполнена массовыми примерами воздействия медиа на общество, мы живем в «обществе медиа», с другой – регулятивное социальное воздействие современных медиатехнологий не осознается как важное, актуальное в массовом сознании, остается областью интересов узких специалистов. Чаще всего манипулятивный результат этих технологий осмысливается общественным сознанием лишь постфактум. Практически любая научная конференция по социальной проблематике констатирует огромное формирующее влияние массмедиа и изобилует примерами манипуляций с их использованием, однако механизмы такого влияния остаются «terra incognita».

Конечно, было бы ошибочным делать вывод о том, что проблема манипуляции никого не волнует. Напротив, литературы как научной, так и популярной по вопросам приемов и способов манипулятивного воздействия, очень много. Особенно, что касается манипуляций в межличностном взаимодействии. Однако работ по проблемам социальной регуляции (в широком смысле) общественных отношений или манипуляций (в более узком смысле) общественным сознанием посредством массовых коммуникаций крайне мало. Для остроты противоречия можно констатировать, что по психологии манипуляции написано много и детально, а по социологии манипуляции необоснованно мало. Хотя, истины ради, отметим, что такие работы есть, и среди них наиболее заметным является отечественное исследование, анализирующее манипулятивное воздействие именно на общественное сознание. Это практически хрестоматийная монография С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [Кара-Мурза 2004].

Не углубляясь в детальный содержательный анализ многочисленных работ по данной проблематике, можем констатировать, что доминантой научного интереса к проблеме манипуляций стал социально-психологический подход, изучающий формирующее влияние различных субъектов, в том числе и массмедиа, на конкретную личность.

Нам же представляется интересным поставить вопрос несколько иначе: схожи ли механизмы и содержание такого влияния на конкретную личность и на общество в целом? Полагаем, что нет. В противном случае общество воспринималось бы как совокупность отдельных личностей. Но общество как предмет социологии характеризуется прежде всего социальными структурами, институтами, общностями, личностными (надындивидуальными) характеристиками отдельных его членов. Имеются ли особенности влияния массмедиа на эти

общественные структуры? Полагаем, как минимум полезным для социологической науки, положительно отвечать на этот вопрос.

Особенности формирующего влияния массмедиа на общественные отношения

Какие особенности влияния современных массмедиа на общественные структуры, институты, личности мы выделяем? Во-первых, есть смысл констатировать, что современные массмедиа изменились не только количественно по источникам, средствам и способам передачи, но и структурно по уровням, локальностям проникновения, субъектам, носителям и пр., а особенно качественно, содержательно по информационно-коммуникативному контенту влияния на различные общественные структуры. Современные массмедиа, от автономных медиа, традиционных (печатные и пр.), электронных (например, аналоговые телевизионные) до так называемых новых медиа (Интернет, цифровые технологии и средства, социальные сети, игры, среды, искусство и пр.), коренным образом изменили информационно-коммуникационную среду. Основываясь на таких характеристиках современных медиа, как массовость, интерактивность, взаимосвязанность, мультимедийность, трансграничность, децентрализованность, сформировалась специфическая по своей природе сетевая (виртуальная) социальная медиасреда, социальное медиaprостранство.

Во-вторых, эти новые характеристики массмедиа обусловили не только их проникновение в социальную ткань общества, но и его медиатизацию. Мы достаточно подробно анализировали данное явление в предыдущих номерах настоящего журнала. В частности, под медиатизацией мы понимаем процесс и результат формирующего влияния массмедиа на общественные отношения, социальные практики и институты посредством медиатехнологий, в ходе которого конструируется (и воспроизводится) особая медиасоциальная реальность. Что по существу достаточно близко к пониманию медиатизации, принято в зарубежной научной литературе [Mediatization 2009, с. 50].

Аналізу проявлений медиатизации общества была посвящена одна из последних статей автора в настоящем научном сборнике. Очевидно, что современные медиа сегодня все активнее встраиваются в функции социальных институтов. Например, в социализирующие и формирующие функции семьи, образования, культуры и других институтов общества. Маркетинг, PR, реклама, торговля, другие общественные

институты и практики успешно подстраиваются под требования современных медиаресурсов, медитехнологий, медиаформат. О политике и говорить не приходится. Появился даже термин «медиатизированная политика» [Mazzoleni, Schulz 1999, с. 250]. В социальном регулятивном воздействии различных организаций и институтов все большее место занимает медиасоставляющая: PR, деятельность пресс-служб, оценка в медиасообществе, в социальных медиа и пр.

В результате формируется и массово распространяется особый доминантный тип современной личности – «человек медиатизированный» («mediatized person», «homo mediatized»). Личность с двойственной, противоречивой онлайн и оффлайн социальностью, фрагментарной медикартиной мира, рейтинговой матрицей оценок, установок и практик отформатированного медиапотребления, «зависающая» в сетях и субкультурах, зависимая от возможностей и функций своего коммуникационного девайса, формата медиаконтактов, медиаресурса и пр.

В-третьих, современные массмедиа в условиях медиатизированного общества или, вернее, при создании его, выработали специфический социокультурный продукт: насыщенный, красочный, мультимедийный, понятный, удобный, все легко и просто объясняющий, вызывающий при этом психологическое и социальное удовлетворение и т. п., под названием «медиаконтент».

Формирующе-регулирующей основой медиаконтента выступает медиалогика, медиаформат. Мы также достаточно подробно рассматривали эти феномены на страницах Вестника. Подчеркнем главное: медиалогика и медиаформат становятся универсальной рамкой формирования социальной реальности. Медиаформат переструктурировал нашу повседневную жизнь, время, пространство, самоидентификацию, социальные статусы, социальные практики, перемешав их с форматом медиапотребления, социальные институты и их ценностно-нормативную основу. В таком контексте анализа медиаконтента можно говорить, что медиаформат как механизм влияния, формирования, создает в сознании общества потребителей соответствующую картину мира, реализуя главную социальную функцию массмедиа.

В-четвертых, медиатизация создает медиасоциальную реальность, формирующую специфическое социальное пространство, где реализуются реальные социальные структуры, практики, ценности, нормы. В таком контексте анализа не будет преувеличением сформулировать вывод: медиареальность и есть первичная социальная реальность,

посредством которой массмедиа показывают мир таким, какой он есть. Она не только создает картину мира, но по сути – и есть картина мира. Мы живем не с медиа, а в медиа.

«Телевидение, интернет, DVD, мобильные телефоны, кинофильмы, iPod – все технологии изолируют чувство реальности, формируя некий организованный бриколаж или взаимосвязанную структуру, опытным путем «конструирующую» чувства, отождествление (определение принадлежности), сопереживание и эмоциональную реакцию. Современные электронные медиа – это мифотворчество, возведенное в абсолют» [Коломиец 2014, с. 44].

Самое существенное в понимании регулятивной и манипулятивной роли сформированной в сознании потребителей медиасоциальной реальности заключается, пожалуй, в том, что она действительно реальна в социальных последствиях. Сложно в этой связи избежать соблазна напомнить так называемую теорему Томаса – утверждение о том, что «если люди считают ситуации реальными, они оказываются реальными по последствиям» [Thomas 1928, с. 571–572]. Эту «теорему» можно проинтерпретировать и так: любое утверждение, намеренно созданная утопия, иллюзия, обман могут превратиться в руководство к действию (или бездействию), если массы поверят в него. Чем не исходный принцип и руководство к действию для любого манипулятора?

Регуляция и манипуляция в медиатизированном обществе: субъекты, практики, технологии

Очевидно, что в медиатизированном обществе формируются и создаются, причем вполне целенаправленно, особые условия для социальной регуляции общественных отношений. Самое общее определение рассматривает социальную регуляцию как воздействие субъектов социальных отношений на организацию, устройство определенной сферы жизнедеятельности общества. Отметим, что функция социальной регуляции – одна из базовых для всех социальных структур общества, от личности до институтов.

Социальная регуляция осуществляется как в формате институционально-организационного воздействия, так и целенаправленного, обобщенным выражением которого является социальное управление. Социальное управление в контексте регуляции может рассматриваться как процесс целенаправленного воздействия на общество, социальные общности, группы, отдельных личностей с целью упорядочения

их деятельности, повышения уровня организованности социальной системы. Потребности в технологичном и алгоритмизированном социальном управлении, ориентированном на конструирование (реконструирование) социальных отношений, обусловили появление социальной инженерии, основным инструментом которой стала социальная технология.

Социальные технологии использовались издревле, пусть и не классифицируемые как таковые. Их результативность носила достаточно неопределенный и локальный характер. Ситуацию коренным образом изменили сначала лавинообразно развивающиеся средства массовой коммуникации (СМК), СМИ, а сегодня – массмедиа. Публикой, т. е. массой людей, осознающих свои интересы, выражающих их публично и активно включенных в процесс их реализации, стало практически все общество. Общество стало медиатизированным. Массмедиа в таком обществе превратились в универсальный, публичный, общедоступный, многоплановый, интегрированный в различные социокультурные сообщества канал формирования массового сознания отдельных лиц, групп, общества в целом, а значит и социальной регуляции. Эта регуляция осуществляется посредством различных социальных механизмов, таких как:

- целенаправленное распространение информации и налаживание коммуникации;
- использование социально-психологический феноменов (подражание, навязывание, давление и пр.);
- актуализация потребностей, интересов, ценностей, установок, ожиданий, которая стимулирует и мотивирует к определенному их выбору и набору;
- создание и продвижение стереотипов восприятия посредством моды, пропаганды, убеждения, медиатехнологий и пр.;
- формирование типовых коммуникативных и поведенческих форматов (потребительских, культурных, эстетических, нравственных, политических и т. п.) и т. п.

Важно подчеркнуть, что в регулятивных отношениях массмедиа стали играть особую роль, не просто важную, а доминирующую. Медиатизация с особым эффектом проявляется в неконтролируемом возрастании роли различных медиасубъектов, организаций, учреждений, структур и отдельных медиаперсон, занимающихся производством, распространением, ретрансляцией, измерением медиaprостранства

и медиапродуктов. В этом списке – каналы (телевизионные, радионные, видео и пр.), редакции, издания, агентства (журналистские, маркетинговые, рекламные и пр.), разработчики сайтов, игр, программных продуктов, приложений, агрегаторы, как и отдельные медиаличности (журналисты, блогеры, популярные личности, активные пользователи и пр.). Очевидно, что чем больше аудитория медиаконтактов конкретного субъекта с получателями информации, тем сильнее это влияние. Но отдельные медиасубъекты приобретают безграничные возможности.

Для осознания глубины и масштабов влияния можно привести следующие примеры. Так, сегодня наибольший интерес для социологов, маркетологов, медийщиков и других заинтересованных лиц и организаций представляют OBD (Onlain Big Data) – обобщенные количественные данные о цифровых следах, об интернет-поведении и социальных явлениях в виртуальной среде. Кто владеет таким массивом цифровых данных? Например, компания Mail.ru фиксирует (и анализирует) данные на 100 млн пользователей, имеющих почту; на 15,4 млн, ежедневно заходящих на их поисковик; на 62-миллионную ежедневную аудиторию сети «ВКонтакте»; на 46,3 млн ежедневных посетителей сети «Одноклассники»; на 12,6-миллионную аудиторию «Мой мир» и пр.

О возможностях, которые появляются у владельцев подобных цифровых данных, сегодня пишут немало. Например, Британская компания Cambridge Analytica собрала личные данные на 50 млн пользователей Facebook. Опросив же несколько десятков тысяч американцев, она смоделировала их политические профили (установки, ожидания, пристрастия, поведение и пр.) для того, чтобы показывать им релевантную политическую рекламу. Считается, что она внесла весомый вклад в победу Дональда Трампа на выборах президента США [Cambridge Analytica 2018]. Кстати, глава Facebook Марк Цукерберг признал, что соцсеть допустила «несколько ошибок», которые в результате привели к тому, что личные данные миллионов пользователей были использованы политтехнологами.

Возможности программных алгоритмов анализа различной цифровой информации безгранично эффективны. Так, исследование, проведенное по заказу той же Facebook на основе опросов персональной анкеты 86220 волонтеров, которые имели аккаунт в социальной сети, предсказывало ответы респондентов, основываясь только на анализе «лайков», т.е. страниц, изображений и клипов, которые они ответили

как понравившиеся. Эти предсказания сравнивались с предсказаниями коллег по работе, друзей, членов семьи и супругов. Поразительно, но алгоритму хватило всего 10 лайков, чтобы превзойти в прозорливости коллег по работе, 70 лайков – друзей, 150 лайков – членов семьи, 300 лайков – супругов [Харари 2019, с. 397–398].

Особое регулирующее и/или манипулирующее влияние масс-медиа хорошо проявляется в обобщенном анализе наиболее распространенных медиасоциальных практик, хабиитуализированных в повседневной жизни. Не вдаваясь в анализ конкретных форм и методик, классифицируем их как тенденции современного медиапотребления. К ним можно отнести:

- *медиатизацию событий*. Если о событии нет информации в массмедиа, если нет новости, то события как бы и не было. Не попав в медиамейнстрим, в широкие медиапотoki, оно останется несуществующим либо несущественным в медиасоциальном пространстве. Создается «иллюзия реальности»: мы воспринимаем, реагируем не на то, что в реальности произошло, а по поводу новости об этом и того, как она вписывается в сложившуюся у нас картину мира;

- *«agenda-setting»*. Массмедиа, а особенности новостной мейнстрим, задают повестку дня, новостной медиарейтинг, выделяя определенные события, темы, факты (фактоиды), акцентируя на них внимание. Реализуемые повседневные медиапрактики вынужденно подстраиваются под эту повестку дня. Трудно избежать соблазна повторить известное выражение американского социолога Бернарда Коэна: «Прессе преимущественно не удается сказать людям, что думать, но она с большим успехом говорит им, о чем думать» [Cohen 1963, с.13];

- *контентное навязывание*. Современный медиатизированный мир устроен таким образом, что активно вмешивается в наш условно самостоятельный выбор информации, связей, контента. Умные алгоритмы удобно (для потребителей) подстраиваются, предлагая упорядоченную с учетом нашего пользования контентную информацию (рекламную, коммерческую, событийную и пр.), которую мы выбираем из предлагаемого новостного меню, а не ищем. В итоге, наш выбор не столь самостоятелен, ибо мы выбираем из того, что нам предлагают;

- *трансмедийный познавательно-развлекательный сторителлинг* (сказительство, упаковка события в историю, познавательно-развлекательный фрейм). Маркетинговый, игровой контент и даже событийный все более упаковывается в легкий, непринужденный

формат познавательно-развлекательного шоу, где основная идея проводится вскользь, между прочим. Сегодня даже политические митинги и съезды проводятся в формате концерта, шоу. Появилась новая стратегия и у бизнеса, получившая название «экономика впечатлений», «маркетинг впечатлений», которая во главу угла поставит продажу таких ценностей, как впечатления, эксклюзивные, уникальные переживания, ощущение избранности, ожидание продолжения и «консервирование» впечатлений в цифровом виде. И мы уже покупаем не машину марки «Toyota». Мы покупаем мечту;

- *контентная сериальность*, продолженность медиаистории, медиапроектов во времени и пространстве. Сегодня наиболее востребованы длящиеся медиапроекты. Многосериален практически весь телевизионный фудожественный контент, СМИ используют одни и те же форматы передач, особенно новостных, известные блогеры разрабатывают собственные приложения. Сериальность привычна, удобна, понятна, а значит востребована. Она задает ориентационно-потребительскую «колею», привычную картину окружающего мира;

- *мобильность потребительских медиапрактик*. Медиапотребление все более уходит в онлайн, становится оперативным и мобильным. Этому способствуют возможности постоянно обновляющихся девайсов, особенно смартфонов, их программное обеспечение, удобные приложения. Так, мобильная аудитория Интернета в России по некоторым экспертным оценкам обогнала десктопную более чем в два раза и продолжает расти. Растет рынок электронной коммерции. Международное исследование GfK Comsumer Life свидетельствует, что для потребителя приобретение товаров и услуг все больше становится «средством самовыражения и идентификации», он покупает «здесь и сейчас, в удобное ему время и в удобном месте» [Глобальные тренды 2017];

- важная тенденция современных медиапрактик – *кастомизация*, формирование индивидуальных потребительских медиапрофилей. В связи с кастомизацией медиапродуктов происходит ощутимое сокращение доли «каналов широкой направленности» и телерадиобрендов в пользу создания «хранилищ контента», из которых потребитель при помощи интерактивных устройств и на основе рекомендательных сервисов сможет «самостоятельно» программировать собственное СМИ;

- *«смомбизм» (старфон + зомби)*, «залипание в смартфоне». Таким термином характеризуется практика постоянного и повсеместного нахождения в смартфоне, других девайсах, чаще всего, в сетях, в постоянной переписке, потреблении аудио-, виде-, кино-, текстового

контента, без оглядки на окружающую действительность, т. е. исключение из реальной социальной жизни. Подобная социальная практика, особенно в контактных социальных группах (семья, коллеги, друзья и пр.), приводит к исключению человека из реальных социальных связей. Причем, настолько, что в ряде стран создаются специальные площадки (кафе, отдельные локальности) с отсутствием интернета и сотовой связи (оффлайн лагеря, деревни #ВсёВыключено, кемпинги Digital Detox и пр.). Например, в Китае, Сингапуре и других странах активно разрабатывается и применяется подорожная цветочная разметка пешеходных переходов через улицу, из-за участвовавших наездов на «смомби»;

- *геймеризация*. Подобным термином описывают социальную модель неконтролируемого увлечения играми, приводящую к геймерской зависимости, чреватой уходом в игровой фантазийный мир как стратегии поведения в сложных жизненных ситуациях, в решении социальных проблем. Подсознательное следование подобным моделям поведения приводит к социальной и биологической дезориентации геймеров, в особенности подросткового возраста. Ибо постоянная геймерская активность формирует иллюзию многократной возможности проживания жизни по аналогии с «возрождениями» в ходе игры того или иного персонажа. Отсюда – прямая дорога в круг любителей рискованных селфи, различные группы городских экстремалов (руферы, зацеперы, диггеры и т. д.), попадание в сообщества эсхатологической ориентации, вплоть до суицидальных комьюнити;

- *краудсорсинг*. Это такой тип коллективной онлайн-активности, в которой личность, учреждение, некоммерческая организация или компания предлагает группе лиц с разными знаниями, неоднородностью и числом с помощью открытого конкурса на добровольной основе выполнить задачи. Пользователь получает удовлетворение какой-либо своей потребности, будь то признание, самоуважение или развитие отдельных навыков, а краудсорсер (инициатор процесса) приобретает и использует в своих интересах предложения участников. Рост популярности такой активности напрямую связан с развитием социальных медиа, ибо в их основе, по сути, лежит принцип краудсорсинга: неограниченное число пользователей сами создают и распространяют контент. По такому принципу устроены социальные сети (Facebook, Twitter и т. п.), видео- и фотохостинги (YouTube, Flickr и т. п.), различные ресурсы (Википедия), платформы (Ushahidi);

- отметим и еще одну тенденцию – широкое *использование масс-медиа в различных формах* общественной, социальной, политической и иной *активности*. Самый красноречивый пример, без сомнения, связан с тем, как информационно-коммуникационные форматы и технологии становятся главной формой вовлечения аудиторий, особенно молодежных, в политические и социальные протестные выступления. Яркими примерами российского трансмедийного активизма являются проекты ФБК Алексея Навального, арт-группы «Партизанинг» (Partizaning.org) и др.

Все эти выше обозначенные тенденции формируют общий тренд – усиление регулирующей и манипулирующей роли современных медиатехнологий. Под медиатехнологиями в их социальном содержании мы понимаем приемы, способы, каналы и инструменты создания и распространения медиаконтента, ориентированные на управление восприятием целевых групп с целью реализации определенных социальных практик.

Медиатехнологии имеют достаточно разветвленную структуру, как видовое, так и формальное различие. Мы не ставим перед собой задачи в рамках одной статьи обосновать и охарактеризовать данную структуру. Подчеркнем важное – особое место среди них занимают манипулятивные медиатехнологии. Конечное же, ключевое содержание здесь несет понятие «манипуляция», а если более предметно – «манипуляция общественным сознанием».

Манипуляция (от лат. *manus* – *рука*, *ple* – *наполнять*) в самом обобщенном виде трактуется как обращение с объектами с определенными намерениями, целями, для которого требуется определенная сноровка, ловкость (манипулятор в технике, врачебные манипуляции, фокусник-манипулятор и пр.). Ловкое обращение с каким-либо предметом, вещью, человеком как объектом позволило перенести механический термин на психологическую и социальную почву.

Родовые признаки манипуляции человеческим сознанием в целом достаточно детально прописаны в научной и популярной литературе. Постараемся обобщить их в сжатом виде:

а) всякая манипуляция – это взаимодействие, в данном контексте межличностное;

б) по природе это психологическое воздействие, вид духовного влияния, ориентированный на психические структуры личности (воображение, иллюзии, стереотипы и пр.), а не физическое воздействие, насилие, угроза и пр.;

в) это скрытное воздействие как по цели, средствам манипуляции, так и возможным результатам;

г) в ней разделены субъект и объект манипуляции по отношению к целям, средствам, знаниям, методам и результатам; объект манипуляции – это особая вещь, предмет, субъект использует его в определенных целях. Отличается ли манипуляция личности от манипуляции общественным сознанием? Очевидно, да. Общественный, социальный уровень ее анализа добавляет к пониманию манипуляции общественным сознанием следующие важные признаки:

д) в ее сущностной основе лежит социальное взаимодействие, опирающееся на сложившиеся социальные структуры (институты, нормы, ценности, устойчивые практики, организации и пр.);

е) первокирпичиком формирования такой картины мира является социальная коммуникация, где даже отдельная личность выступает как социальный субъект или объект, наделенный социально значимыми характеристиками (статусы, роли, права, обязанности, используемые средства, информация, каналы взаимосвязи и пр.);

ж) она базируется на определенной, относительно устойчивой картине социального мироустройства, доминирующей в общественном сознании и публично выражаемом общественном мнении;

з) основными средствами манипуляции выступают общественное мнение, распространяемые социальные установки, тиражируемые стереотипы, практики, общественные традиции, коллективные страхи, намерения, иллюзии, мифы, язык (символы), информация и пр.;

и) важными содержательными особенностями такого воздействия является неосознаваемость, либо низкая степень осознаваемости объектами манипуляции целей, намерений, равно как и принятие ложных целей, средств и приемов достижения желаемого результата;

к) организационно-техническая среда подобной манипуляции в современном обществе формируют массмедиа, а вернее, используемые субъектами манипуляции современные СМК (с их средствами, каналами, логикой, форматами и пр.);

л) высокая степень технологичности манипуляции общественным сознанием. Конечно, технологичность повышает эффективность любой манипуляций. Но в социальной манипуляции без нее вряд ли возможно обойтись вообще, поскольку общественное сознание значительно более разнопланово, многослойно, разновекторно, чем личностное, и, соответственно, менее организовано, формализовано и конкретизировано;

м) обобщенно цель манипуляции общественным сознанием можно выразить в стремлении субъектов изменить существующую социальную систему и ее системообразующие элементы. Более содержательно-предметно цель манипуляции сводится к формированию у объекта манипуляции побуждения действовать, оценивать, иметь установки, и/или действовать (бездействовать) в соответствии с целями субъекта. В итоге происходит несовпадение намерений, побуждений с истинными желаниями, желаемыми последствиями реализуемой активности.

Под таким углом зрения можно охарактеризовать манипуляцию общественным сознанием в современном обществе как такое скрытое технологическое воздействие на отдельные личности, массы людей, общественные структуры, социальные и социально-психологические явления и процессы посредством массмедиа, в результате которого у них появляется побуждение и, как следствие, намерения вести себя определенным образом и достигать целей, которые не совпадают с их истинными желаниями.

Соответственно, манипулятивные медиатеchnологии могут рассматриваться как логически, последовательно выстроенная система приемов, способов, каналов и инструментов создания и распространения нужного медиаконтента в целевой среде массовой коммуникации, имеющая целью сформировать побуждения, намерения и, как результат, поведенческие практики соответствующих объектов, необходимые субъекту манипуляции.

Такие технологии, являясь одним из способов социального управления, рассматриваются многими исследователями в качестве отдельной группы социальных медиатеchnологий. В отличие от, например, пропаганды, под которой понимается открытое распространение взглядов, фактов, аргументов и других сведений, даже в той или иной степени намеренно искаженных и вводящих в заблуждение, с целью формирования общественного мнения или иных целей. В таком контексте манипулирование отличается и от зомбирования, кодирования сознания в интересах определенных субъектов. Основным фактором эффективности таких медиатеchnологий является медиатизация общественного пространства и способов его регуляции.

В логической основе манипулятивных медиатеchnологий лежат следующие принципиальные последовательные составляющие:

1) построение и поддержание виртуальной массмедиа картинки, ориентированной на потребности, ожидания, картину мира целевой

аудитории, объекта манипулирования; по сути – создание и продвижение определенного формата восприятия (угла зрения, стиля и т. п.);

2) создание символического, даже не реального, мифического события в стиле «хайли-лайкли», вписывающегося в построенный медиа-формат для того, чтобы «человек медиатизированный» поверил в реальность новости, виртуального события, картинки и нужным образом среагировал на нее; чаще всего для этого используется банальная провокация;

3) тиражирование и синхронизация информационных потоков и коммуникационных волн обсуждения, подтверждения, фильтрации, эмоциональной оценки, инфошоков, отвлекающих фактоидов и т. п. для поддержания и направления массовой коммуникации в нужное русло реакций.

Методы манипулятивного воздействия на различных этапах таких технологий общеизвестны: от распространения лжи, фактоидов до формирования стандартов медиапотребления, медиапрактик, нагнетания эмоций, страхов, очернения оппонентов и пр.

Заключение

В заключение хочется особенно отметить, что современный социальный мир сильно изменился. Он стал медиатизированным. Масс-медиа проникли во все сферы нашей жизни, все институты, организации, в нас самих, превратив в «homo mediatized». Они перекроили социальное пространство, заменив привычные социальные маркеры виртуальными, и далее будут его переформатировать. Хорошо это или плохо? Это объективно. В этом мире нужно научиться жить.

Но вот что точно привнесла медиатизация в социальную практику, так это широчайшие возможности влиять на социальное поведение больших масс людей. Нам думается, что мы находимся на пороге серьезного технологического прорыва в социальных регуляциях, в социальной инженерии, медиатехнологиях, в том числе манипулятивных. Этот тектонический сдвиг от общества реального к обществу медиатизированному заставит нас принять медиатехнологии как естественную форму социальных отношений, в том числе и в их манипулятивном содержании. В таком обществе манипулятивные медиатехнологии станут (или уже стали) одним из основных инструментов социального управления и социальной регуляции в целом. Вопрос только: в чьих руках эти инструменты окажутся?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глобальные тренды и российский потребитель. URL: www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf (дата обращения: 12.09.2019).
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2004. 832 с.
- Коломиец В. П.* Медиа социология: теория и практика: монография / Аналитический центр Vi. М. : НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.
- Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019. 496 с.
- Cambridge Analytica: компания, которая научилась «взламывать» выборы через Facebook. URL: meduza.io/feature/2018/03/19/cambridge-analytica-kompaniya-kotoraya-nauchilas-vzlamyvat-vybory-cherez-facebook (дата обращения: 12.01.2020).
- Cohen B.* The Press and Foreign Policy. Princeton, 1963. 300 p.
- Mazzoleni G., Schulz W.* «Mediatization» of politics: A challenge for democracy? Political communication. 1999. Vol. 16. No. 3. P. 247–261.
- Mediatization: concept, changes, consequences / ed. by Knut Lundby. New-York : Peter Lang. 2009. 317 p.
- Thomas, William & Thomas, Dorothy.* The Child of America: Behavior Problems and Programs. New York, 1928. 576 p.

REFERENCES

- Global'nye trendy i rossijskij potrebitel'. URL: www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf (data obrashhenija: 12.09.2019).
- Kara-Murza S. G.* Manipuljacija soznaniem. M. : Algoritm, 2004. 832 s.
- Kolomic V. P.* Mediasociologija: teorija i praktika: monografija / Analiticheskij centr Vi. M. : NIPKC Voshod-A, 2014. 328 s.
- Harari Ju. N.* Homo Deus. Kratkaja istorija budushhego. M. : Sindbad, 2019. 496 s.
- Cambridge Analytica: kompanija, kotoraja nauchilas' «vzlamyvat'» vybory cherez Facebook. URL: meduza.io/feature/2018/03/19/cambridge-analytica-kompaniya-kotoraya-nauchilas-vzlamyvat-vybory-cherez-facebook (data obrashhenija: 12.01.2020).
- Cohen B.* The Press and Foreign Policy. Princeton, 1963. 300 r.
- Mazzoleni G., Schulz W.* «Mediatization» of politics: A challenge for democracy? Political communication. 1999. Vol. 16. No. 3. P. 247–261.
- Mediatization: concept, changes, consequences / ed. by Knut Lundby. New-York : Peter Lang. 2009. 317 r.
- Thomas, William & Thomas, Dorothy.* The Child of America: Behavior Problems and Programs. New York, 1928. 576 r.

УДК 316.658.

Д. Г. Передня, В. В. Жучков

Передня Д. Г., кандидат социологических наук, доцент;
доцент кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления МВД России;
e-mail: 2975829@mail.ru

Жучков В. В., кандидат социологических наук;
доцент кафедры социологии института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного лингвистического
университета;
e-mail: vv.zhuchkov@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

В статье исследуется управленческая культура в органах внутренних дел России. Уделено внимание динамическим аспектам управленческой культуры. Выявлены следующие изменения: увеличивающаяся интенсивность служебной деятельности, снижение плановости в работе, рост неуверенности и страха, доминирование формального во взаимодействиях, алармизм в коллективном сознании, рост догматизма. Показана необходимость рефлексии изменений управленческой культуры.

Ключевые слова: управленческая культура; полиция; организация.

D. G. Perednja, V. V. Zhuchkov

Perednja D. G., PhD (Sociology), Assoc. Prof.;
Assoc. Prof. at Department of Theory and Methodology of Public Administration
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)
e-mail: 2975829@mail.ru

Zhuchkov V. V., PhD (Sociology);
Assoc. Prof. at the department of Sociology
of Institute for International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: vv.zhuchkov@yandex.ru

CHANGES IN MANAGEMENT CULTURE IN RUSSIA'S INTERNAL AFFAIRS

The article considers the management culture in the internal affairs bodies of Russia on the basis of qualitative measurements. Attention is paid to the dynamic aspects of management culture. The following changes are revealed: increasing intensity of official activity, decrease in planning in work, growth of fear and uncertainty,

domination of formal in interactions, alarmism in collective consciousness, growth of dogmatism. The necessity of reflection of changes in management culture is shown.

Key words: managerial culture; police; organization.

Введение

Культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений; транслирует их живущим поколениям; наделяет определенными паттернами поведения, которые необходимо учитывать при решении задач управления [Деев 2006]. В обществе поздней современности изменения происходят очень быстро. Наша статья посвящена рассмотрению некоторых динамических аспектов, которые произошли за последние пять лет в управленческой культуре органов внутренних дел (ОВД) России.

Методика и эмпирическая база исследования

После проведения системного анализа управленческой культуры были проинтерпретированы основные понятия, отражающие феномен управленческой культуры. Многие из индикаторов заимствованы из ранее разработанной методики, которая подробно изложена в монографии [Передня 2017]. Часть признаков подверглась изучению методом полуструктурированного интервью, в котором респондентами стали сотрудники ОВД регионального уровня управления. Были опрошены представители всех территорий федеральных округов России. Эмпирические данные позволили нам сориентироваться в преобладающих управленческих практиках, обобщить их, осмыслить, сравнить их с показателями 2015 г. Часть информации была получена в результате обработки данных, полученных из ответов на вопросы стандартной анкеты сотрудника, увольняющегося со службы в органах внутренних дел. В нашем распоряжении оказались результаты опросов респондентов одного из регионов Дальнего востока страны. На втором этапе исследования было проведено девять глубинных интервью. С их помощью осуществлялся поиск *не явных* смыслов действий индивидов, по существу, именно они являются проводниками управленческой культуры в организации. Полученные смыслы были, преимущественно, целерационального и ценностно-рационального содержания.

Неформализованные интервью позволили лучше понять проявления противоречивых отношений внутри отдельных подразделений и всей правоохранительной организации. Информантами для таких

интервью становились те, кто подходил по критериям доступности и готовности относительно долго поддерживать беседу по теме организации управления в системе МВД. Одна треть из них были представители женского пола. При подборе респондентов учитывалась компетентность сотрудников, стаж работы в полиции, который находился в диапазоне от 7 до 25 лет.

Наиболее содержательные данные были озвучены руководителями территориальных ОВД на районном уровне, начальниками оперативно-розыскных подразделений и руководителями следственных подразделений на региональном уровне. Некоторые респонденты представляли уровень столичного регионального города.

Часть предполагаемых для неформализованного опроса сотрудников была отбракована, прежде всего, потому что они демонстрировали излишнюю тенденциозность, иногда даже одиозность в своих взглядах и оценках. Также не привлекались в качестве единиц наблюдения те, кто проявлял излишнюю закрытость, недоверие, подозрительность.

Динамические аспекты управленческой культуры

По мнению В. Н. Комиссарова, познание не имеет объективно-общечеловеческого характера: сходные явления складываются в различные картины из-за различий в мышлении [Комиссаров 1999]. Это значит, что совокупность участников управленческого процесса в рамках системы ОВД постепенно формируют какие-то типичные социальные взаимодействия, какой-то особый взгляд на окружающую действительность, к анализу которых мы приступаем.

Во-первых, изменения управленческой культуры нашли выражение, в мировоззрении, менталитете и алгоритмах умственного восприятия действительности руководителями. Это проявляется, прежде всего, в речевом поведении участников управленческого процесса. *Во-вторых*, в восприятии ими времени и способах выражения отношения к происходящему, а также вовне речевой коммуникации. Рассмотрим и последовательно поясним эти три позиции.

За пять лет в поле управленческих взаимодействий усилилась тенденция «отрицательного» типа мышления, вместо так называемого позитивного. Особый взгляд на окружающую действительность среди участников управленческого процесса часто выражается в запрограммированном ожидании неуспеха, обнаружении псевдопровалов в работе подразделений, следующих за ними разбирательств, служебных

проверок, наказаний. Фактически можно констатировать увеличение алармистских настроений в коллективном сознании. Они проявляются в неверии в успех, общем пессимизме. Например, в преддверии различных проверок, комплексных, итоговых, целевых и прочих, руководители не говорят своим подчиненным: «Покажем им наш опыт работы, им будет на что посмотреть!» Вместо этого, как правило, произносится: «Смотрите, не усугубляйте ситуацию, у нас и так проблем хватает». Жизнеутверждающие смыслы в ходе управленческих коммуникаций транслируются не часто. Повседневные трудности воспринимаются как рутинизированная беспросветность, порой граничащая с отчаянием. Мы окажемся худшими, начнется разбирательство, объявят взыскание, отстранят, уволят, лишат премии, сократят. В настоящее время именно такие смыслы преобладают в качестве мотивирующих стимулов.

Обнаружился рост внутриорганизационного недоверия. Он выражается в необходимости предоставления различных подтверждающих документов, множестве согласований, излишней подозрительности к словам и действиям полицейских, недоверии статистическим данным. Большую роль в этом процессе играет бюрократия. Именно она является основным источником недоверия и генератором тотального контроля, например, путем инициирования различных проверок. Уменьшается тенденция высказываться честно и прямо. Степень доверия между сотрудниками ОВД даже на горизонтальном уровне падает. Для компенсации такого положения дел приходится вводить средства технического контроля, например, видеорегистраторы.

По мнению участников исследования, количество насильственных преступлений в России уменьшается. Растет количество преступлений экономической направленности, прежде всего, с использованием современных информационных технологий. Очень важно, подчеркивают они, учиться им противостоять, но на это совершенно нет времени.

За последнее время результатом управленческих практик стало увеличение количества часов фактического пребывания на службе сотрудниками всех служб и подразделений ОВД. Если раньше переработки случались относительно не часто и не у всех, то сейчас не частыми стали ситуации, когда время службы совпадает с режимом служебного времени. Во многом это связано с усилением тенденции ручного управления, т.е. широкого использования множества

разовых поручений и указаний, которые добавляются к основным обязанностям и увеличивают интенсивность труда. В ОВД имеется множество формальных планирующих документов по всевозможным направлениям. При таком тотальном планировании наблюдается пренебрежение временем сотрудников. В процессе управления считается, что у сотрудников нет своих планов, относящихся к выполнению их прямых обязанностей, что они всегда готовы приступить к внезапно возникшей задаче.

Пренебрежение распорядком жизнедеятельности работников организации приводит, с одной стороны, к исчезновению плановости в работе, с другой, к постепенному утрачиванию способности сотрудников к планированию и веры в действенность запланированного. При этом отчетность по запланированным мероприятиям отслеживается и ведется, а расхождения с действительностью воспринимаются обыденно, как норма. Проявления этого мы находим в увеличивающемся числе изолированных бюрократических уловок, обуславливающих радикальное искажение истин и, как следствие, приводящих к припискам и отпискам.

Увеличение интенсивности службы поглощает большую часть свободного времени сотрудников. В то короткое время, когда все-таки выходной день случается, он таковым является лишь отчасти. Устоявшаяся для всех норма последних лет обязывает и руководителей и подчиненных находиться в готовности ответить на звонок по мобильной связи или прислать письменный ответ на поступившее сообщение. Иногда разговоров служебного плана в неслужебное время бывает достаточно много, иногда меньше, но и в последнем случае полного переключения на «режим отдыха», как это было в автомобильную эпоху, не происходит. Жизнедеятельность вне службы, после нее или в выходные дни теперь уже не приводит в полной мере к смене обстановки, когда индивиды могут выполнять социальные роли в рамках других своих социальных статусов. Это способствует к обеднению личности — членов организации.

Стремительность, тотальность служебной деятельности, помноженные на ее бюрократизированность и формализм, практически не оставляют индивидам места и сил для личностно ориентированных социальных отношений. Среди сотрудников наблюдается усиление сдержанности, отстраненности, дистанцированности в отношениях друг с другом. Это наблюдается даже в том случае, когда кто-нибудь

из сослуживцев попал в беду, или, напротив, у кого-нибудь произошло радостное событие. Быстрота смены кадров не позволяет коллективам сформироваться, групповой социальный контроль слабеет. Современная управленческая культура имеет свойство превращаться в культуру индивидуалистов.

Те сотрудники, кто проходил очное обучение в Академии управления МВД России, в ходе интервью отмечали, что большой ценностью того периода были дружеские отношения в относительно стабильном коллективе учебной группы. Солидарность маркировалась ими как важная ценность, потребность, депривацию которой они ощущали в процессе повседневной службы до учебы в Академии и после ее окончания.

Сниженный уровень коллективизма для индивидов, скажем, стран Северной Америки привычен, характерен и согласуется со всем типом организации их общественной жизни, но для представителей нашего общества, которые выбрали службу в российской полиции, такой уровень разобщенности как минимум некомфортен. Рост индивидуализма предполагает наличие способности самим преодолевать свои трудности и решать проблемы. Это в целом позитивное качество. Но когда эти трудности воспринимаются как бессмысленные, отвлекающие от основной деятельности, ради которой созданы органы правопорядка, они становятся в морально-психологическом плане непосильными. После этого возрастает вероятность появления характерного для евразийского пространства духовного состояния, которое выражается труднопереводимым на другие языки словом «тоска». Евразийское пространство – это геополитический термин, оно представляет собой так называемый кормящий ландшафт и свойственное ему этническое окружение [Гумилев 1990].

В подразделениях ОВД, как и в любых других функционирующих организациях, встречаются недочеты, нарушения, недостатки. Обратим внимание на тенденцию обвинять в недостатках внешние силы, например, других должностных лиц, сложившиеся обстоятельства и лишь потом акцентировать внимание на себе. В картине мира участников управленческого процесса присутствует убеждение, что существуют высшие силы, управляющие как их подразделением, так и всеми ОВД. При таком взгляде трудно ожидать, что сотрудники будут нести полную ответственность за свои действия и не пытаться переложить на других свою вину.

В последние годы наблюдается тенденция воспринимать советы и рекомендации представителей верхних звеньев управления как

обязательные к исполнению. Подобного рода советы зачастую не учитывают местные социально-экономические условия. Калининградская область и Чеченская республика – слишком разные регионы – универсальность подходов возможна далеко не всегда.

Кроме того, те, кто работает «на земле», убеждены, что они знают положение дел на местах лучше, но вынуждены выполнять советы и рекомендации поступающих с верхних уровней управления, испытывая при этом напряженность и раздраженность. Самостоятельность, инициативность субъектов управления снижается. Если в результате проявленной самостоятельности произошла неудача, то причиной назовут невыполнение рекомендаций.

Сложившийся подход к интерпретации служебной деятельности и ее результатов создает у руководителей установку, что изменить ничего нельзя, а значит совершенствовать управление не имеет смысла и остается только камуфлировать недостатки, разными способами выдавать желаемое за действительное. Подразделения ОВД пытаются казаться благополучными при этом, не веря в возможность что-то по существу исправить или улучшить. Если у кого-то дела относительно других идут лучше, то это чаще всего воспринимается как случайность, или как временная ситуация, после которой обязательно наступит ухудшение.

Несколько слов о диспропорции взаимных прав и обязанностей между управляющими и управляемыми. Она увеличивается. Требовать и наказывать руководители по-прежнему должны, а вот обязанность обеспечивать, заботиться, поддерживать подчиненных как бы отходит на второй план, нивелируется, исчезает. Это происходит, в том числе, по причине уменьшения власти и полномочий у руководителей по многим вопросам, в том числе и по этим. Также не следует сбрасывать со счетов взаимное уменьшение моральных обязательств в атомизированном профессиональном сообществе. Мы присоединяемся к мнению известного польского социолога П. Штомпки о том, что доверие, особенно на горизонтальном уровне отношений, высокоморально и освобождает от контроля за теми, кому мы доверяем [Штомпка 2012].

Практикуемые способы управления в системе органов внутренних дел, сопровождаемые декларацией позитивных целей, фактически приводят к появлению и культивированию страха и неуверенности внутри организации. Сотрудники из года в год, наталкиваясь

в повседневной деятельности на длинный ряд ограничений и запретов, постепенно приобретают боязливость, которая обусловлена неуверенностью в своей правоте и опасениями оказаться осуждаемым со стороны множества начальников, контролирующих и надзирающих лиц и инстанций. Боязливость, чрезмерная осторожность постепенно приводят к нерешительности, все больше руководителей стараются откладывать принятие управленческих решений на потом, на более поздний срок.

Проверки, наказания, навязчивый контроль, поначалу устрашающие для всех, постепенно становятся привычными, скучными и теряют свою остроту. Используемые управленцами способы воздействий в виде принятых речевых конструкций постепенно превращаются для некоторой части сотрудников в речевые штампы, начинают восприниматься как назойливые утверждения и расхожие фразы. Но при этом в моделях организационного поведения закрепляется пассивность и инертность сотрудников, чрезмерная осторожность и излишняя перестраховка. Все это усиливается множеством запретов и ограничений, налагаемых на сотрудников.

Боязливость и неуверенность проявляются в ходе взаимодействия с гражданами и способствуют формированию представлений о полицейских как о некомпетентных, нежелающих делать свою работу, мрачных и негативно настроенных субъектах. Готовность помочь у типичного российского полицейского видят лишь около половины (55%) наших граждан [Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок URL]. Ожидания в отношении полиции в половине случаев оказываются неоправданными. Описанные сюжеты, ко всему прочему, приводят к расхождению в восприятиях объективного мира. Значительная часть граждан за постсоветский период адаптировалась к самостоятельности и полагает, что люди могут полностью контролировать этот мир и сами распоряжаться своей судьбой. На их фоне внутренняя скованность современных полицейских выглядит как непрофессионализм и неадекватность современным условиям.

Следующей особенностью управленческой культуры последних лет является рост догматизма. Социальная среда, в которой приходится работать полиции, многообразна, разнородна, и процессы дифференциации продолжаются. При этом лица, принимающие решения в органах внутренних дел, стараются абстрагироваться от этого

и оперируют понятиями «правильно» и «неправильно», не приемля полутонов, особенностей, нюансов. Это обстоятельство проявляется как по отношению к гражданам, так и к сотрудникам. В общении с последними полемическая этика особенно категорична – «нельзя, запрещено, неправильно». Выражения, используемые в процессе коммуникации в органах внутренних дел, такие как: «Вполне возможно, что вы правы, но...», «На это можно посмотреть и под другим углом зрения» и тому подобные, как правило, не применяются.

Анализ выявленных в ходе исследования жестов, движений тела, пауз или умолчаний, других проявлений невербального языка управления не смягчает ситуацию. Если раньше подчиненный сотрудник, слушая, скажем, выговор начальника, считывал посредством невербальной коммуникации сигналы о том, что в отдельных моментах плохо, но в целом все нормально, то сейчас общий оптимистический фон снижается.

Заключение

Применение различных исследовательских методик позволило выяснить реалии жизнедеятельности носителей современной управленческой культуры в органах внутренних дел России, умонастроения руководителей и подчиненных, их установки, предрасположенности, стили мышления. Мы старались обратить внимание на субъектно-объектные отношения в ходе управления, обнаружить различные изменения в управленческих практиках, для того чтобы создать более полный образ управленческой реальности в правоохранительной организации.

Действующая система управления органами внутренних дел справляется с возложенными на нее задачами, полиция поддерживает приемлемый уровень личной и общественной безопасности. При этом обнаруженные тенденции в изменениях управленческой культуры позволяют сформулировать вывод, что во многом теперешние результаты достигаются за счет чрезмерной эксплуатации человеческого ресурса, причем не всегда эффективной. Чем быстрее такая ситуация будет отрефлексирована руководителями, научным сообществом, тем проще будет принять меры регулирующего характера для минимизации долгосрочных негативных последствий как для органов внутренних дел, так и для всего социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
- Диев В. С.* «Две культуры» в современном управлении // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 82–87.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М. : ЭСТ, 1999. 192 с.
- Передня Д. Г.* Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М. : Библио-Глобус, 2017. 140 с.
- Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок. Сайт ВЦИОМ. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9990 (дата обращения: 13.11.2019).
- Штомпка П.* Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 440 с.

REFERENCES

- Gumilev L. N.* Jethnogenez i biosfera zemli. L. : Gidrometeoizdat, 1990. 528 s.
- Diev V.S.* «Dve kul'tury» v sovremennom upravlenii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2006. T. 4. Vyp. 2. S. 82–87.
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie. M. : JeST, 1999. 192 s.
- Perednja D. G.* Upravlencheskaja kul'tura v sisteme organov vnutrennih del. M. : Biblio-Globus, 2017. 140 s.
- Policija i grazhdane: monitoring obshhestvennyh ocenok. Sajt VCIOM. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9990 (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Shtompka P.* Doverie – osnova obshhestva. M. : Logos, 2012. 440 s.

УДК 316.354

А. В. Саблуков

доктор социологических наук, доцент;
профессор кафедры социологии Института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного лингвистического
университета;
e-mail: asablukov@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТА В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

Статья посвящена анализу самого понятия «коммуникативная культура» и проблеме формирования коммуникативной культуры студентов в современных условиях. Подчеркивается конкурентность образовательной организации и образовательной системы в целом и в значительной степени определяется ее способность формировать у обучаемых набор коммуникативных знаний, навыков и умений, соответствующих изменениям, происходящим в информационно-коммуникативной сфере.

Ключевые слова: коммуникативная культура; уровни коммуникативной культуры; информационно-коммуникативная революция; требования современного рынка труда.

A. V. Sablukov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Assoc. Prof.;
Professor at the Department of Sociology, Institute of International Relations and
Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: asablukov@mail.ru

STUDENT'S COMMUNICATION CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN LABOR MARKET REQUIREMENTS

The article is devoted to the analysis of the definition of “communicative culture” and the study of communicative culture formation problems of students in modern conditions. It is emphasized that in modern conditions the competitiveness of the educational organization and the educational system as a whole is largely determined by its ability to form a set of communicative knowledge, competences and skills that correspond changes in the information and communication sphere.

Key words: communicative culture; level of communicative culture; information and communication revolution; requirements of modern labor market.

Введение

В век информационно-коммуникативной революции особое значение приобретают качества, характеризующие способность человека

эффективно работать с информацией, выстраивать коммуникацию в различных условиях и на различных уровнях. Совокупность данных качеств можно определить как коммуникативную культуру личности. Несмотря на актуальность данной проблематики, попытки разработки содержания понятия «коммуникативная культура» и ее исследования в социологии крайне редки. Нельзя не отметить и тот факт, что само понятие «коммуникативная культура» трактуется представителями различных наук по-разному, в зависимости от объектно-предметной сферы и содержания исследования.

Современные подходы к трактовке понятия «коммуникативная культура»

Первыми, кто обратился к исследованию коммуникативной культуры, стали лингвисты. Основной упор представителями данного научного направления делается на анализ языковых (лингвистических) навыков и умений в контексте общей и профессиональной культуры личности.

Начиная с 1990-х гг. одним из наиболее разрабатываемых подходов к исследованию коммуникативной культуры стал культурологический подход, в рамках которого коммуникативную культуру рассматривают как как основу профессиональной деятельности, показатель общей культуры.

В социальной психологии коммуникативная культура рассматривается как составная часть коммуникативных качеств личности, определенный ее коммуникативный потенциал, реализация которого обусловлена целым рядом факторов.

В педагогической науке при анализе содержания понятия «коммуникативная культура» основной упор делается на совокупности знаний, навыков и умений, необходимых человеку в процессе его профессиональной деятельности и формируемых, в значительной степени, в процессе профессионального образования.

Понятие «коммуникативная культура» можно встретить и в исследованиях, связанных с различными информационно-технологическими аспектами. При этом, как правило, он по сути трактуется как синоним термина «информационная культура».

Представители социологической науки обратились к проблематике коммуникативной культуры практически сразу же, как только начали формироваться такие направления социологии, как социология

коммуникаций и социология массовых коммуникаций. И хотя сам термин «коммуникативная культура» в научном социологическом обороте появился несколько позднее, уже в самом первом учебном издании в этом направлении «Социологии коммуникаций» В. П. Конечкой рассматривается проблема исследования коммуникативной личности, что, как понятие, по мнению автора, значительно шире понятия «языковая личность», используемого в лингвистике для характеристик набора определенных качеств, необходимых человеку в процессе вербальной коммуникации. Анализ коммуникативной личности В. П. Конечкая предлагает осуществлять по таким трем определяющим для нее параметрам, как мотивационный, когнитивный и функциональный [Конечкая 1997].

Другой представитель отечественной социологии Д. П. Гавра, используя комбинацию подходов В. П. Конечкой и американских ученых Р. Димблби и Г. Бертона, предложил так называемую транзакционную модель коммуникативной личности, включающую такие компоненты, как целемотивационный («коммуникативное хочу»), абилитационный («коммуникативное могу»), ресурсно-когнитивный («коммуникативное знаю») и операциональный («коммуникативное умею») [Гавра 2016].

По сути, предложенные В. П. Конечкой и усовершенствованные Д. П. Гаврой модели коммуникативной личности стали в дальнейшем основой для формирования в рамках социологической науки представлений о структуре коммуникативной культуры личности и определения основных показателей ее исследования. Так, например, В. А. Сергодеев в своем диссертационном исследовании «Коммуникативная культура в сетевых интернет-сообществах современного российского общества» определяет коммуникативную культуру как «комплекс ценностей и норм, принятых в конкретном сообществе, а также умения их реализовывать в конкретных коммуникативных ситуациях» [Сергодеев 2014]. М. В. Коротицкая выделяет в коммуникативной культуре информационный, перцептивный, интерактивный, эмоциональный и процессуальный уровни [Коротицкая 2007].

Анализируя коммуникативную культуру студентов-медиков в контексте их жизненных и профессиональных ценностей, С. В. Чусовлянова полагает, что коммуникативная культура представляет собой «совокупность тех специальных коммуникативных знаний, навыков и умений, с помощью которых человек предотвращает возникновение

психологических трудностей и прогнозирует результативность межличностного и делового профессионального взаимодействия» [Чусовлянова 2009].

Уровни коммуникативной культуры и проблемы ее формирования в современных условиях

Продолжая разговор о подходах к исследованию коммуникативной культуры в социологии, нельзя не отметить, что именно социологами поставлен вопрос о необходимости ее анализа на нескольких уровнях: межнациональном, отдельного социума, отдельных общностей (включая и профессиональные сообщества) и личностном.

Проблеме коммуникативной культуры в контексте межнациональной коммуникации в научной и учебной литературе, как зарубежной, так и отечественной, уделено достаточно много внимания. На концептуальном уровне сформировано не только понимание необходимости формирования коммуникативной культуры как условия эффективной коммуникации, но и определены ее наиболее значимые составляющие. В качестве примера можно было бы сослаться на теорию высоко – и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, теория культурных измерений Г. Хофштеде, теорию культурной грамотности Э. Хирша [Садохин 2005].

Коммуникативная культура социума как комплексная составляющая и одна из основ социального взаимодействия современной наукой практически не исследована. Можно назвать лишь несколько работ, имеющих непосредственное отношение к этой проблематике. Характеризуя коммуникативную культуру данного уровня, А. Б. Ерыкалов подчеркивает, что она «организует, создает условия осуществления социальных связей и взаимодействий», но при этом «облегчая коммуникацию одних, она создает дополнительные барьеры для представителей других общественных групп» [Ерыкалов 2009].

Коммуникативная культура социума является важнейшей составной частью его общей культуры, а ее поддержание и совершенствование обеспечивается функционированием целого ряда институтов, определяющая роль среди которых, несомненно, принадлежит институту образования. В современных условиях важным показателям коммуникативной культуры общества становится степень и распространенности и доступности информационно-коммуникационных технологий и использование их населением в различных видах практик. Общественная потребность в повышении уровня

коммуникативной культуры способствовала появлению целого ряда направлений деятельности и специальностей, предполагающих в своей основе определенный уровень коммуникативной культуры в целом или, как минимум, отдельных ее составных элементов. В качестве примера можно было бы привести журналистскую, рекламную деятельность, связи с общественностью и т. п.

Наиболее исследованной представителями различных наук является сфера специализированной коммуникативной культуры. Широко представлены работы по проблемам ее формирования у представителей различных специальностей и отдельных социальных групп. В качестве составных компонентов специализированной коммуникативной культуры авторы отмечают такие, как необходимый уровень квалификации представителей различных профессий в сфере социальных коммуникаций; наличие у них развитых коммуникативных потребностей и интересов, знаний специфических систем, каналов и средств коммуникации, владение профессиональными информационно-коммуникационными технологиями и ряд других [Мазаева 2003; Стеняшина 2012; Столяров 2011].

К вопросу специализированной коммуникативной культуры мы еще вернемся, а пока отметим, что специализированная коммуникативная культура предполагает наличие коммуникативных знаний, навыков и умений, необходимых не только в конкретной сфере деятельности, но и востребованных в социуме в целом. В принципе будет справедливым утверждение, что одно без другого невозможно.

В современных условиях мы становимся свидетелями возрастания значения личностной коммуникативной культуры.

Логичен вопрос: в чем отличие понятий «коммуникативная личность» и «коммуникативная культура личности». На наш взгляд, понятие «коммуникативная культура личности» включает в себя не только мотивационный, когнитивный и функциональный компоненты (по Конечко), или целемотивационный («коммуникативное хочу»), абилитационный («коммуникативное могу»), ресурсно-когнитивный («коммуникативное знаю») и операциональный («коммуникативное умею») (по Гавру), но и ценностный и нормативный компоненты.

Сегодня формирование коммуникативной культуры следует рассматривать как необходимое условие и общего, и профессионального образования, и успешного включения личности в различные социальные процессы и виды деятельности. Дело не только

в информационно-коммуникативной революции, охватившей мир в последние десятилетия. Как свидетельствуют данные исследования, проведенного Национальной коммуникативной ассоциацией США, коммуникативные знания, навыки и умения в современном мире необходимы прежде всего для:

- полноценного развития личности;
- повышения эффективности образования (включая организацию и управление образовательным процессом с учетом его современных форм коллективно-группового сотрудничества);
- успешной профессиональной деятельности, карьеры и бизнеса;
- формирования «ответственного гражданина мира» (responsible citizen of the world), в социальном и культурном плане [Morreale, Osborn, Pearson 2000].

Можно с высокой степенью уверенности предположить, что сегодня конкуренция в сфере образования в значительной степени определяется возможностями отдельных образовательных учреждений и организаций и национальных образовательных систем в целом предложить наиболее отвечающую современным требованиям программу формирования широкого спектра коммуникативных знаний, навыков и умений. Следует признать, что многие страны это поняли достаточно давно и уже успешно эти программы реализуют. Так, например, в университетах США коммуникативные дисциплины входят в состав обязательных дисциплин. В качестве наиболее типичных коммуникативных курсов, читаемых в американских университетах, можно назвать следующие:

- теория коммуникации;
- методы коммуникативных исследований;
- массовая коммуникация и СМИ (massmedia communication);
- теория и история риторики, риторический анализ (rhetoric and rhetorical criticism);
- убеждение;
- аргументация и дебаты;
- межличностная коммуникация;
- эффективное слушание;
- семейная коммуникация;
- организационная коммуникация;
- лидерство и коммуникация (leadership communication);
- коммуникация в сфере обслуживания (customer service communication);

- межкультурная коммуникация;
- интернациональная коммуникация;
- коммуникация в малых группах;
- деловая бизнес-коммуникация (business and professional communication);
- интервью и интервьюирование (interviewing);
- экологическая коммуникация (environmental communication)

[Матьяш 2004].

По этому же пути идут и европейские вузы. Так, например, спектр коммуникативных курсов, читаемых в вузах Италии, включает в себя такие, как:

- язык и коммуникация;
- теория коммуникативного и образовательного процесса;
- законы коммуникации;
- история коммуникации;
- теория и технология коммуникации;
- география коммуникации;
- этика коммуникации;
- межкультурная коммуникация;
- теория и технология генеративной коммуникации;
- международные коммуникации;
- корпоративные коммуникации;
- публичная коммуникация;
- цифровые коммуникации и целый ряд других.

Требования современного рынка труда к коммуникативной культуре студентов в условиях цифровизации общества и экономики

Перечисленные курсы охватывают различные уровни коммуникативной культуры и носят достаточно общий характер. Кроме этого, предлагается целый набор курсов, имеющих отношение к формированию специализированных коммуникативных знаний, навыков и умений, обусловленных постоянным совершенствованием компьютерных и цифровых технологий. Проанализировать все подобные курсы, ориентированные на различные специальности, задача достаточно сложная. Несколько проще попытаться выяснить в данном контексте современные требования рынка труда к выпускникам высших учебных заведений по различным специальностям. Таковую работу мы провели

с нашими магистрами. Безусловно, тоже не по всем специальностям, а только по имеющим отношение к тем профилям подготовки, по которым сегодня осуществляет обучение кафедра социологии.

Были проанализированы несколько отечественных и зарубежных сайтов вакансий и сайтов компаний, работающих в сфере маркетинга и медиаисследований. Из зарубежных сайтов вакансий и компаний в обследование попали в основном европейские компании (Германии, Франции, Испании, Англии) и компании США.

Сфера маркетинга и медиаисследований была выбрана потому, что это траектории подготовки бакалавров и магистров, обучающихся по специальности «социология» в нашем университете.

Если оценивать те требования, которые предъявляют сегодня как отечественные, так и зарубежные компании к претендентам на вакантные должности в контексте прежде всего информационно-коммуникативной революции, то они сводятся к следующему.

Практически все компании едины в требовании знания и свободного пользования персональными компьютерами и набором пакетов прикладных программ, которыми оснащены современные компьютеры. В основном это пакет программ Microsoft Office: MS Word, MS Excel, MS Power Point и др. Но отдельные компании с учетом необходимости работы с мобильными платформами в качестве дополнительного преимущества обозначают знание и владение такими операционными системами, как Android и iOS Apple. Кроме того, встречаются требования знания специальных программ. Например, таких программ как Jira, которая является инструментом организации эффективного взаимодействия участников процесса или проекта (используется, как правило, в больших компаниях). Для маркетологов – это программа 1С (программа, обеспечивающая удобное компактное хранение и использование всей документации.) и др.

Среди современных требований к претенденту на должность нормой является требование знания и умения работать с системами управления базами данных (СУБД). В основном это такие, как SPSS, Excel, SQL (Mysql, MsSql, PostgreSQL) Oracle.

Если говорить о специфике требований к отдельным специальностям, то для маркетологов достаточно актуализированы требования по знанию и умению работать в сетях и с сайтами. Прежде всего речь, как правило, идет о Facebook, Twitter, Instagram, Vk («ВКонтакте»), LinkedIn, YouTube и некоторых других (например XING,

пользующаяся особой популярностью в немецкоговорящих странах). Что же предполагают знания и умения работать в сетях и с сайтами:

- это понимание того, что такое интернет-сайт, как осуществляется его разработка, поддержка и развитие;
- понимание основ Интернет и мультимедиа технологий;
- знание и умение работать с графическими редакторами (Photoshop, Illustrator);
- знание и умение работать с такими инструментами оптимизации и продвижения сайта, как SEO (Search Engine Optimization), SEA (Search Engine Advertising), SEM (Search Engine Marketing) и SMM ((Social media marketing);
- знание и умение работать с системами измерения, сбора, анализа, представления и интерпретации информации о посетителях веб-сайтов (веб-аналитика). Как правило, речь идет прежде всего о таких системах, как Яндекс Метрика, Google Analytics, Яндекс Директ, Google AdWords;
- знание и умение работать с системами рассылок Mailchimp (ПО для онлайн-создания почтовых рассылок), Convead (маркетинговая платформа, которая позволяет интернет-магазинам автоматизировать свои воздействия на посетителей для того, чтобы удержать их, продать им больше или вернуть для повторных продаж);
- понимание принципов работы RTB технологии (технологии, которые позволяют проводить аукцион по продаже рекламных показов за те доли секунды, пока человек открывает веб-страницу).

Для специалистов, занимающихся исследованиями и анализом медиасферы, актуально знание основных медийных софтов TNS / Mediascope (iStar, Atelier, Palomars, TV Planet, AdEx, Galileo и т. д.) и Ipsos Comcon (DataFriend). В американских компаниях, кроме этого, есть ряд специфических требований. Например знание и умение работать с Comscore, IQBuzz, Similar Web и другими онлайн-софтами.

Нельзя не отметить и тот факт, что в последнее время среди требований к претендентам на трудоустройство в сферах медиаисследований и маркетинга все чаще и чаще появляется требование знания и, хотя бы на базовом уровне, умения программирования на таких языках, как Python, HTML, JS, CSS, PHP и VBA.

Современный этап развития и внедрения информационно-коммуникативных технологий, порождающий феномен виртуальной коммуникации, еще более актуализирует проблему формирования

коммуникативной культуры в процессе профессионального образования. Вполне обоснованно говорить о таком компоненте коммуникативной культуры, как виртуальная коммуникативная культура. Это предполагает предупреждение целого ряда зависимостей, фобий и девиаций (троллинг), характерных для участников виртуального коммуникативного процесса.

Заключение

Очевидный вопрос, который возникает перед теми, кто готовит специалистов нашего и аналогичных профилей, связан с тем, как обеспечить формирование у студентов если не всех, то хотя бы большей части необходимых в условиях цифровизации экономики и общества знаний, навыков и умений. Если говорить о реалиях сегодняшнего дня, то мы пока способны обеспечить формирование знаний, навыков и умений, необходимых для специалистов, претендующих на трудоустройство в сферах медиаисследований и маркетинга, в лучшем случае на уровне 30 % от перечисленного выше объема. Если же говорить о проблемах, которые затрудняют сегодня адекватное реагирование со стороны системы высшего образования на меняющиеся под воздействием процесса цифровизации требования рынка труда, то они, на наш взгляд, сводятся к следующему.

Во-первых, это отсутствие у большинства вузов (прежде всего вузов гуманитарного профиля) необходимой материально-технической базы. Это касается и наличия компьютерных классов как таковых и оснащенности их современным оборудованием, позволяющим работать с современным программным обеспечением.

Во-вторых, это ограниченные финансовые возможности многих вузов по своевременному обновлению программного обеспечения и приобретению новых, перспективных, с точки зрения процессов цифровизации, программных продуктов.

В-третьих, это очевидный недостаток в системе гуманитарного высшего образования специалистов, способных решать проблемы формирования у обучаемых необходимых современному цифровому обществу знаний, навыков и умений. Попытки привлечь таких специалистов из профильных организаций сопряжены с трудностями как проблемы адекватной оплаты их труда, так и проблемы соответствия таких специалистов системе формальных требований для преподавателя вуза.

В-четвертых, серьезной проблемой, на наш взгляд, является существенное ограничение, на уровне федеральных государственных образовательных стандартов, самостоятельности вузов и кафедр в выборе дисциплин для формирования необходимых знаний, навыков и умений в соответствии с профилем (траекторией) подготовки студентов по той или иной специальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавра Д. П.* Основы теории коммуникации. 2-е изд. М. : Юрайт, 2016. 282 с.
- Ерыкалов А. Б.* Сущность и функции коммуникативной культуры в социальной системе: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2009. 172 с.
- Иванова А. А.* Социальный менеджмент: социологический анализ коммуникативной культуры: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 178 с.
- Коваленко Д. Г.* Формирование информационно-коммуникативной культуры молодежи в системе высшего образования : дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 156 с.
- Конецкая В. П.* Социология коммуникаций. М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
- Коротыцкая М. В.* Коммуникативная культура организации : дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 213 с.
- Мазаева И. А.* Профессиональная коммуникативная культура в содержании подготовки специалиста (На материале профессий «человек – человек») : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 239 с.
- Матьяш О. И.* Что такое коммуникация, и нужно ли нам коммуникативное образование // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. 2004. № 2. С. 103–122.
- Емельянова Н. А.* Трансформации идиом как механизм создания скрытых смыслов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 25 с.
- Садохин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Высшая школа, 2005. 310 с.
- Сергодеев В. А.* Коммуникативная культура в сетевых интернет-сообществах современного российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2014. 30 с.
- Стеняшина Н. Л.* Развитие коммуникативной культуры будущих менеджеров на основе междисциплинарной интеграции : дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2012. 216 с.
- Столяров П. В.* Формирование коммуникативной культуры юриста в образовательном процессе вуза : дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 204 с.

Чусовлянова С. В. Коммуникативная культура студентов медицинского вуза в контексте их жизненных и профессиональных ценностей в российском обществе начала XXI века : дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2009. 153 с.

Morreale, S., Osborn, M., & Pearson, J. (2000). Why Communication is Important: A Rationale for the Centrality of the Study of Communication. *Journal of the Association for Communication Administration*, 29, 1–25. URL: www.natcom.org/NCA/files/ccLibraryFiles.

REFERENCES

- Gavra D. P. *Osnovy teorii kommunikacii*. 2-e izd. M. : Jurajt, 2016. 282 s.
- Erykalov A. B. Sushhnost' i funkcii kommunikativnoj kul'tury v social'noj sisteme: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk. Habarovsk, 2009. 172 s.
- Ivanova A. A. Social'nyj menedzhment: sociologicheskij analiz kommunikativnoj kul'tury: dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov-na-Donu, 2001. 178 s.
- Kovalenko D. G. Formirovanie informacionno-kommunikativnoj kul'tury molodezhi v sisteme vysshego obrazovaniya : dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2012. 156 s.
- Koneckaja V. P. Sociologija kommunikacij. M. : Mezhdunarodnyj universitet biznesa i upravlenija, 1997. 304 s.
- Korotickaja M. V. Kommunikativnaja kul'tura organizacii : dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2007. 213 s.
- Mazaeva I. A. Professional'naja kommunikativnaja kul'tura v sodержanii podgotovki specialista (Na materiale professij «chelovek – chelovek») : dis. ... kand. ped. nauk. M., 2003. 239 s.
- Mat'jash O. I. Chto takoe kommunikacija, i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie // *Vestnik Rossijskoj kommunikativnoj associacii*. 2004. № 2. S. 103–122.
- Emel'janova N. A. Transformacii idiom kak mehanizm sozdaniya skrytyh smyslov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 25 s.
- Sadohin A. P. Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii. M. : Vysshaja shkola, 2005. 310 s.
- Sergodeev V. A. Kommunikativnaja kul'tura v setevyh internet-soobshhestvah sovremennogo rossijskogo obshhestva : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Majkop, 2014. 30 s.
- Stenjashina N. L. Razvitie kommunikativnoj kul'tury budushhix menedzherov na osnove mezhdisciplinarnoj integracii : dis. ... kand. ped. nauk. Kirov, 2012. 216 s.
- Stoljarov P. V. Formirovanie kommunikativnoj kul'tury jurista v obrazovatel'nom processe vuza : dis. ... kand. ped. nauk. M., 2011. 204 s.

- Chusovljanova S. V.* Kommunikativnaja kul'tura studentov medicinskogo vuza v kontekste ih zhiznennyh i professional'nyh cennostej v rossijskom obshchestve nachala XXI veka : dis. ... kand. sociol. nauk. Novosibirsk, 2009. 153 s.
- Morreale, S., Osborn, M., & Pearson, J.* Why Communication is Important: A Rationale for the Centrality of the Study of Communication. *Journal of the Association for Communication Administration*. 2000, 29, 1–25. URL: www.natcom.org/NCA/files/ccLibraryFiles.

УДК 316.351

А. Ю. Станевич

кандидат социологических наук;
доцент кафедры социологии Института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: a.stanevich@linguanet.ru

УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ К ВЛАСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ

В статье приводится теоретический и эмпирический анализ уровня лояльности к власти. Показатели данного уровня представляют собой набор индикаторов, которые определяют политические настроения граждан. В статье описывается методика вычисления уровня лояльности власти, а полученная формула применяется на практике с целью вычисления индекса лояльности к власти российской молодежи.

Ключевые слова: доверие власти; политические настроения; молодежь; оценка президента; одобрение правительства.

A. Yu. Stanevich

PhD (Sociology);
Associate Professor at the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: a.stanevich@linguanet.ru

POLITICAL LOYALTY TO AUTHORITY AS ONE OF THE COMPONENTS OF POLITICAL MOODS

The article dwells on the topic of both theoretical and empirical analysis of level of political loyalty to authority. The components of the given level represent a set of indicators which define political moods. The methodology of political loyalty to authority evaluation is suggested by the author. To show how the he proposed model can be used, a case of the Russian youth is presented.

Key words: political loyalty; political moods; youth; presidential approval; government approval.

Введение

На протяжении XX и XXI вв. лояльность народа к власти в России неоднократно проверялась на прочность революциями и кризисами. В переходные для общества моменты изучение лояльности к власти становилось необходимым, а в условиях современного

турбулентного общества особенно актуализировалось. «Турбулентные времена» обусловили ряд сдвигов в политике. Традиционные политические институты стали терять свою силу и значимость, внутренние проблемы в стране начали оцениваться острее, чем внешние, а борьба за лояльность народа переместилась на новую площадку – в СМИ и Интернет [Яницкий 2011]. Итогом таких сдвигов послужило то, что в обществе появилось множество сил, готовых противостоять государству (например, гражданские инициативы, общественные и протестные движения). Такое положение дел указывает на необходимость регулярно измерять уровень лояльности к власти в обществе.

Определение политических настроений

Политические настроения стали предметом изыскания ряда современных российских политологов и социологов: теорией вопроса занимались Г. Г. Дилигенский, Д. В. Ольшанский, И. В. Охременко, Т. В. Плотникова, А. В. Четвериков, Е. Б. Шестопап [Дилигенский 1994; Ольшанский 1995; Охременко 2004; Плотникова 2004; Четвериков 1999; Шестопап 2005]. На основе работ вышеупомянутых теоретиков автор разработал следующее определение политических настроений – это динамическая форма массового политического сознания, включающая в себя совокупность оценок политической жизни и политических ожиданий личности, определяющих установку на политическое действие. В данном определении отражены их базисные компоненты – это оценки политической жизни, политические ожидания и установка на политическое действие личности. Некоторые составляющие оценок политической жизни (оценки политического курса, Президента и Правительства) дают возможность измерить уровень лояльности к власти, который может быть выражен на шкале от критических настроений до лояльных.

Методика определения уровня лояльности к власти

Согласно проведенному теоретическому анализу политических настроений было выявлено, что компонент оценки власти может помочь определить степень лояльности индивида к ней. В основу индекса лояльности власти легли такие показатели, как:

- 1) оценка деятельности Президента ($E_{\text{Президент}}$);
- 2) одобрение деятельности Правительства ($E_{\text{Правительство}}$);
- 3) оценка внутренней политики нынешних властей ($E_{\text{внутр.пол.}}$);

- 4) оценка внешней политики нынешних властей ($E_{\text{внеш.пол.}}$);
 5) степень выражения согласия с тем, что дела в стране идут в правильном направлении ($E_{\text{путьРоссии}}$).

Таким образом, формула индекса уровня лояльности к власти ($I_{\text{ЛВ}}$) выглядит следующим образом:

$$I_{\text{ЛВ}} = E_{\text{Президент}} + E_{\text{Правительство}} + E_{\text{внутр.пол.}} + E_{\text{внеш.пол.}} + E_{\text{путьРоссии}}$$

Каждый показатель регистрируется отдельным вопросом в инструментарии. Для расчета индекса шкала каждого из вопросов должна иметь унифицированный вид, что было достигнуто путем присвоения весов. Ниже представлены таблицы (см. табл. 1–5) по каждому вопросу, где представлена размерность шкал и соотношение весов с вариантами ответа в вопросе.

Таблица 1

Как вы считаете, Президент РФ В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?¹

Вариант ответа	1 (плохо)	2	3	4	5 (хорошо)
Вес	-1	-0,5	0	0,5	1

Таблица 2

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Правительства РФ под руководством Председателя Д. Медведева?

Вариант ответа	1 (не одобряю)	2	3	4	5 (одобряю)
Вес	-1	-0,5	0	0,5	1

¹Зд. и далее буквы в таблицах (а, b, с...) означают значимые различия в сравниваемых подгруппах на уровне 95 % согласно Z-тесту (z-критерию Фишера).

Таблица 3

**В какой мере вас устраивает внутренняя политика
нынешних властей?**

Вариант ответа	В целом НЕ устраивает	Отчасти устраивает, отчасти нет	В целом устраивает
Вес	-1	0	1

Таблица 4

**В какой мере вас устраивает внешняя политика
нынешних властей?**

Вариант ответа	В целом НЕ устраивает	Отчасти устраивает, отчасти нет	В целом устраивает
Вес	-1	0	1

Таблица 5

**Насколько вы согласны или не согласны с тем, что дела в стране идут
в правильном направлении?**

Вариант ответа	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Отчасти согласен, отчасти нет	Скорее согласен	Полностью согласен
Вес	-1	-0,5	0	0,5	1

Путем суммирования весов по итоговым показателям была получена шкала от -5 до 5, где 5 – это максимально возможная степень лояльности, а -5 – высокая степень критического отношения к нынешней власти. Затем полученный показатель присваивается каждому отдельному респонденту в зависимости от того, как распределились его ответы.

Так, если респондент набирает в сумме от -5 до -2 баллов, то его отношение к власти может быть охарактеризовано как критическое. Если сумма баллов попадает в интервал от -1,5 до 1,5, то респондент настроен нейтрально. При попадании в интервал от 2 до 5 можно говорить о лояльном отношении индивида к власти. Однако три уровня индекса не отражают достаточной чувствительности шкалы, поэтому каждый из уровней разбит еще на три интервала (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение значения индекса по уровню лояльности

Уровень лояльности	Значение уровня	Значение индекса
Лояльное отношение к власти	Сильно лояльные	5
		4,5
	Умеренно лояльные	4
		3,5
		3
	Слабо лояльные	2,5
2		
Нейтральное отношение к власти	Латентно лояльные	1,5
		1
	Слабо выраженная направленность	0,5
		0
		-0,5
	Латентные критики	-1
-1,5		
Критическое отношение к власти	Слабо критикующие	-2
		-2,5
	Умеренно критикующие	-3
		-3,5
		-4
	Сильно критикующие	-4,5
-5		

Результаты исследования уровня лояльности к власти российской молодежи

С целью практического изучения политических настроений современной российской молодежи, а также измерения уровня лояльности к власти было проведено авторское социологическое исследование. Сбор данных проводился в период с 15 декабря 2017 г. по 25 февраля 2018 г. методом онлайн-опроса. Выборка составила 1625 человек по

всей России (51 % девушки, 49 % юноши); возрастные группы 18–21 год (33 %), 22–25 лет (31 %), 26–30 лет (36 %). Собранный эмпирический материал дал возможность не только определить уровень лояльности к власти, но и содержательно его описать.

В соответствии с рассчитанными значениями индекса лояльности к власти было выявлено, что большинство молодежи распределилось практически поровну между критикующими власть (44 % – критикующие власть, что соответствует диапазону индекса лояльности от -5 до -2) и занимающими нейтральную позицию (42 % – нейтрально настроенные, диапазон индекса от -1,5 до 1,5) (см. рис. 1). Фактически молодежь делится на два лагеря: тех, кто обладает негативным настроем, и тех, кто настроен нейтрально по отношению к власти и ее деятельности. Однако при расчете медианного значения уровня шкалы было получено значение -1, что хоть и попадает в интервал нейтрально настроенных респондентов, но все же имеет уклон в сторону настроенных критически. Поэтому можно сделать вывод о том, что в целом уровень отношения к власти у молодежи России латентно критический: на общем фоне нейтрального отношения к власти наблюдается сдвиг в сторону негативных оценок.

Подчеркнем, что практически отсутствуют лояльно настроенные молодые люди: таких оказалось всего 14 %. Данный факт может указывать на такую особенность молодежной демографической группы, как конфронтация с действующими нормами в обществе либо проявление апатии.

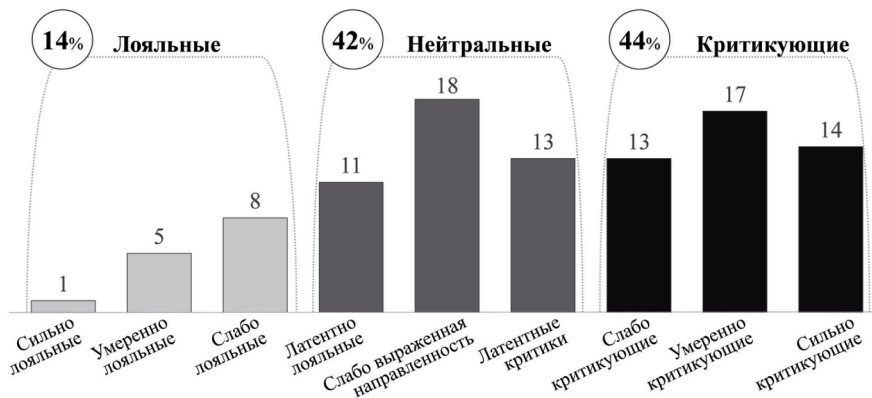

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню лояльности власти, %

В таблицах 7–11 приведено распределение процентов по каждому показателю индекса уровня лояльности к власти.

Как следует из таблицы 7, критически настроенные респонденты оценивают работу президента преимущественно неудовлетворительно (75 %). 68 % нейтрально настроенной молодежи оценили деятельность президента на 3 и 4 балла из 5. Отметим, что при оценке президента нейтрально настроенные респонденты смещаются в сторону позитивных оценок. Максимально положительную оценку дал каждый четвертый нейтрально настроенный респондент, а также подавляющее большинство (82%) лояльно настроенных.

Таблица 7

Как вы считаете, Президент РФ В. В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?

E _{Президент}	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
5 (хорошо)	0,8	25,3 a	82,3 ab
4	4,2	34,3 ac	15,6 a
3	19,5 c ¹	34 ac	2,2
2	28,1 bc	4,9	0,0
1 (плохо)	47,4 bc	1,6	0,0
Всего (чел.)	714	679	232

Согласно таблице 8, большинство (79 %) критически настроенной молодежи проявляет максимальную степень неодобрения деятельности Правительства. В случае одобрения деятельности Правительства нейтральные по отношению к власти респонденты повели себя не так, как в случае с оценкой президента: их оценки сместились к нижним значениям шкалы. Чуть больше половины выразили свое неодобрение и 39 % – лишь частичное одобрение. Среди лояльно настроенных респондентов едва каждый четвертый (18,5 %) полностью одобрил деятельность Правительства РФ под руководством Д. А. Медведева.

В целом респонденты всех трех уровней лояльности продемонстрировали более высокие оценки деятельности президента, нежели Правительства, и это тренд, который остается стабильным на протяжении многих лет [Рейтинги одобрения URL].

Таблица 8

**Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность
Правительства РФ под руководством Председателя Правительства
Д. А. Медведева?**

Е _{Правительство}	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
5 (хорошо)	0,0	1,6	18,5 ab
4	0,3	6,4 a	38,4 ab
3	4,6	38,9 a	36,2 a
2	15,7 c	30,2 ac	4,7
1 (плохо)	79,4 bc	22,9 c	2,2
Всего (чел.)	714	679	232

Нейтрально настроенные и лояльные власти молодые люди демонстрируют в большинстве своем частичную удовлетворенность внутренней политикой (см. табл. 9). Можно отметить, что внутреннее направление в политике – самое слабое место. Населению, как правило, сложно вербализировать что именно их не устраивает. Поэтому даже среди лояльно настроенных только 38 % отметили, что в целом их все устраивает.

Таблица 9

**В какой мере вас устраивает внутренняя политика
нынешних властей?**

Е _{внутр. пол}	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
В целом устраивает	0,1	4,6 a	38,4 ab
Отчасти устраивает, отчасти нет	13,4	63,3 a	60,8 a
В целом не устраивает	86,4 bc	32,1 c	0,9
Всего (чел.)	714	679	232

Внешняя политика оценивается респондентами разных уровней лояльностей власти гораздо лучше, чем внутренняя (см. табл. 10). 80% лояльно настроенной молодежи полностью поддерживает внешний политический курс, того же мнения придерживаются 35% нейтральных власти респондентов. Половину критически настроенной молодежи не устраивает внешняя политика, хотя 42% ей удовлетворены частично.

Распределение ответов по вопросу о пути России выглядит следующим образом: 77% лояльной власти молодежи считает, что дела в стране идут в правильном направлении (см. табл. 11). 93% критически настроенных практически единодушно утверждают обратное.

Таблица 10

В какой мере вас устраивает внешняя политика нынешних властей?

E _{внеш. пол.}	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
В целом устраивает	6,4	34,9 a	79,7 ab
Отчасти устраивает, отчасти нет	42,4 c	53,2 ac	17,3
В целом не устраивает	50,3 bc	10,2 c	0,9
Всего (чел.)	714	679	232

Таблица 11

Насколько вы согласны или не согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?

E _{путь России}	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
5 (полностью согласен)	0,1	2,2 a	27,3 ab
4,00	0,0	15,7 a	49,4 ab
3,00	7,3	50,4 ac	23,4 a
2,00	29 bc	23,5 c	0,0
1 (совершенно не согласен)	63,6 bc	8,1 c	0,0
Всего (чел.)	714	679	232

В ходе анализа распределений ответов респондентов по уровням лояльности власти было замечено, что молодежь оценивала президента лучше Правительства, а внешняя политика воспринималась лучше внутренней. Критически настроенная молодежь стабильно оставалась на крайних значениях шкалы, негативно оценивающих показатели уровней лояльности, в то время как нейтрально и лояльно настроенные демонстрировали колебания в оценках.

Особенности политических настроений молодежи в зависимости от их уровня лояльности к власти

Теперь рассмотрим некоторые особенности политических настроений молодежи в зависимости от их уровня лояльности к власти (см. табл. 12). Политические настроения, как было обозначено выше, представлены тремя компонентами: оценки политической жизни, политические ожидания и установки на политическое действие.

Таблица 12

Особенности политических настроений в разрезе по уровню лояльности власти

Показатель	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
Оценки политической жизни			
Интересуются политикой	56,9 b	39,5	54,7 b
Согласны, что в последнее время люди устали от политики	58.1 c	64.1 ac	42.7
Считают, что в России слишком мало демократии	73.1 bc	37.8 c	12.9
Считают, что для России порядок важнее демократии	27.9	59.2 a	75.9 ab
Полагаются на себя и избегают контакта с властью	81.2 bc	67 c	43.5
Считают, что НЕ могут повлиять на принятие гос. решений в стране	66.7 bc	58.2 c	44.8

Показатель	Уровень лояльности (%)		
	Критические (a)	Нейтральные (b)	Лояльные (c)
Считают, что в России нужна оппозиция власти	91.3 bc	61.6 c	36.2
Поддерживают митинги за власть	14,9	39,1 a	63,8 ab
Поддерживают митинги за оппозицию	72,4 bc	33,3 c	19
Политические ожидания			
Взаимоуважение власти и народа	39.4	48.9 a	53.4 a
Ждут более либеральную внутреннюю политику от Президента	62.7 bc	27.7 c	9.9
Ждут снижения конфронтации с Западом	62.5 bc	25 c	13.4
Ожидали стабильность после президентских выборов – 2018	57.1	67.3 a	79.3 ab
Установки на политическое действие			
Молодежь нужно привлекать к участию в политике	93,0	90,6	89,2
Выражают готовность участвовать в политике	74.1 b	60.5	67,7
Никогда не принимали участия в митингах	73	86.5 a	82.3 a
Всего (чел.)	714	679	232

Как следует из таблицы 12, интерес к политике проявляют скорее критически настроенные по отношению к власти респонденты (57%), а также лояльно настроенная молодежь (55%). Кроме того, респонденты с лояльным уровнем в большей степени склонны считать, что окружающим политика так же интересна.

Мнения о наличии демократии в России напрямую зависят от уровня лояльности респондента: если 73% критикующих сочли, что

демократии в стране слишком мало, то наличие оптимального количества демократии отметила половина лояльно настроенной молодежи, которая, к тому же, предпочитает порядок, а не демократию.

Большинство молодежи с низким уровнем лояльности (81 %) старается избегать контакта с властью так же, как и нейтрально настроенные (67%). Лишь настроенные лояльно не только не боятся вступать в контакт с властью и добиваться от нее того, что нужно (28%), но и выше остальных оценивают степень своего влияния на принятие государственных решений в стране.

Необходимость наличия оппозиции в России признается абсолютным большинством критически настроенной молодежи, а также проявившими себя нейтрально по отношению к власти (62%). Большинство лояльных власти респондентов (61%) напротив выразили несогласие с тем, что оппозиция власти нужна.

«Критики» резко негативно настроены против митингов за власть (68% не поддерживают), однако 72% готовы поддержать оппозиционные акции протеста, из них вдвое меньше респондентов (35%) выразили готовность в них участвовать. Обратная картина наблюдается среди молодых людей с высоким уровнем лояльности власти: 63% не поддерживают оппозиционные митинги и 64% поддерживают митинги за власть. Как и в ситуации с критически настроенной молодежью, практически вдвое меньше лояльной молодежи готова не только поддержать провластные митинги, но и участвовать в них. Отметим, что порядка 40% нейтрально настроенных молодых людей не поддерживают митинги или акции протеста независимо от их направленности.

В вопросе о том, какие должны быть идеальные отношения власти и народа, мнения разделились. Лояльные и нейтрально настроенные респонденты склоняются к следующим моделям: во-первых, власть и народ должны уважать друг друга, а во-вторых, власть должны опираться на народ, они должны быть едины в своих целях. И в первом выделенные по уровню лояльности респонденты похожи на критикующих, которые также говорят о необходимости взаимоважания власти и народа. Однако треть критически настроенной молодежи заявила, что власть должна исполнять волю народа и находиться под его строгим контролем.

Критикующие власть настроены либерально в вопросе о реализации и внешней, и внутренней политики: по 63% высказались за снижение конфронтации с Западом и за более либеральный внутренний курс. Около половины лояльно настроенной молодежи выступает,

скорее, за стабильность, за такую же внутреннюю и внешнюю политику, которая реализуется сейчас. Практически каждый четвертый высказался за ужесточение внутренней политики и более жесткую конфронтацию с Западом.

Независимо от направленности отношения к власти, основным ожиданием после президентских выборов в 2018 году у молодежи стала стабильность в обществе, разница лишь в степени ее проявления. Среди лояльно настроенных ожидание стабильности присутствует у 79% молодежи, среди критикующих – у 57%. Это показывает, что даже те, кто критикует власть, по большей части не ждет перемен.

Подавляющее большинство респондентов считает, что молодежь нужно привлекать к участию в политике, однако готовность участия в политике лично проявляется на более низком уровне. Так, готовность лично участвовать в политике более активно проявили 74% критически настроенной молодежи и 68% лояльной: у первых эта готовность выражается участием в митингах (17%), у вторых – голосованием на выборах (26%). Интересно отметить разницу в причинах, почему молодежь не хочет участвовать в политике лично более активно. Первопричиной для всех уровней лояльности к власти стало отсутствие времени (42–44%). Различие состоит в том, что критически настроенные молодые люди отмечают невозможность что-либо изменить (41%) и наличие страха преследования со стороны властей (38%). Лояльные же респонденты отметили, что политика – не для рядовых граждан и ей должны заниматься власти (33%).

Говоря об электоральных предпочтениях, отметим, что критически настроенные респонденты – это поддержка не только А. Навального, за которого гипотетически проголосовали бы 46% респондентов, но и других политических лидеров. Вместе с тем было выявлено, что лояльные власти респонденты – это, скорее, электорат В.В. Путина (89%).

Большинство респондентов никогда не участвовало в митингах или акциях протеста, однако критикующие власть проявили себя более активно: каждый пятый (20%) принимал участие в митингах за оппозицию. Среди лояльных респондентов доля участвовавших почти вдвое меньше, 11% когда-либо побывали на провластных митингах.

Общим замечанием к уровням лояльности к власти может послужить следующее: нейтрально настроенные респонденты очень непостоянны в своих оценках, примыкая то к лояльно, то к критически настроенному большинству.

Заключение

Предложенный индекс, включающий в себя оценку деятельности Президента, одобрение деятельности Правительства, оценку внутренней и внешней политики властей и степень выражения согласия с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, позволяет оценить уровень лояльности к власти. Разработанная методика может быть использована в дальнейших исследованиях оценок политической жизни и политических ожиданий личности не только молодежи, но и других социальных групп.

Проведенное исследование показало, что респонденты разделились на тех, кто обладает нейтральным отношением к власти (42 %) и тех, кто относится к ней критически (44 %). Молодежь с нейтральным уровнем лояльности в большей степени отмечает усталость от политики у себя и окружающих, а также выражает меньшую готовность участвовать в политической жизни, чем респонденты других типов. Молодежь с критическим уровнем лояльности к власти полагается на себя и избегает контакта с властью, а также полагает, что в стране низкий уровень демократии. Для молодых людей с низким уровнем лояльности характерен оппозиционный настрой и склонность к либеральному политическому курсу.

Полученные данные показывают особенности политических настроений молодежи с разным уровнем лояльности к власти, однако для полного понимания политических настроений необходимо изучение вовлеченности молодежи в политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: учеб. пособ. для вузов. М. : Наука, 1994. 304 с.
- Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике. М. : Прин-Ди, 1995. 238 с.
- Охременко И. В.* Мотивация политических предпочтений: российское общество конца 90-х гг. XX в. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2004. 123 с.
- Плотникова Т. В.* Политическое поведение в России / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2004. 286 с.
- Рейтинги одобрения. URL: www.levada.ru/2018/03/29/rejtingi-odobreniya/ (дата обращения: 10.04.2018).
- Четвериков А. В.* Особенности социальных политических настроений в современных условиях : дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 147 с.

- Шестопал Е. Б.* Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 137–151.
- Яницкий О. Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

REFERENCES

- Diligenskij G. G.* Social'no-politicheskaja psihologija: ucheb. posob. dlja vuzov. M. : Nauka, 1994. 304 s.
- Ol'shanskij D. V.* Massovye nastroyeniya v politike. M. : Prin-Di, 1995. 238 s.
- Ohremenko I. V.* Motivacija politicheskikh predpochtenij: rossijskoe obshhestvo konca 90-h gg. XX v. Volgograd : Volgograd. nauch. izd-vo, 2004. 123 s.
- Plotnikova T. V.* Politicheskoe povedenie v Rossii / Otv. red. Ju. G. Volkov. Rostov n/D : Izd-vo Rost. un-ta, 2004. 286 s.
- Rejtingi odobrenija. URL: www.levada.ru/2018/03/29/rejtingi-odobreniya/ (data obrashhenija: 10.04.2018).
- Chetverikov A. V.* Osobennosti social'nyh politicheskikh nastroyenij v sovremennyh uslovijah : dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1999. 147 s.
- Shestopal E. B.* Novye tendencii vosprijatija vlasti v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 137–151.
- Janickij O. N.* «Turbulentnye vremena» kak problema obshhestva riska // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 6. S. 155–164.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного лингвистического университета	of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2 (839)	Issue 2 (839)

Выпускающий редактор Вестника 2 (839)
доктор философских наук, профессор *И.К.Харичкин*

Редакторы:
М.М.Сингал, Н.Г.Павлова

Компьютерная верстка: *Г.П.Лопатина*
Дизайн обложки: *А.Г.Проскураков*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 20.07.2020
Усл. печ. л. 16,1. Формат 60х90/16
Заказ 74/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail:* ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.